

ВСЕМИРНИ СЛЕДЪТЪТ

ЦЕНА
50 КОП

ЗА РУЛЕМ

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ МАССОВЫЙ ЖУРНАЛ
С 1929 г. ВЫХОДИТ ДВА РАЗА В МЕСЯЦ

„ЗА РУЛЕМ“ — РУКОВОДСТВО для каждого интересующегося улучшением дорог и автомобилизацией страны.

„ЗА РУЛЕМ“ — УЧИТ обращению с автомобилем, мотоциклом, глассером, аэросанями и т. д.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ

„СПРАВОЧНАЯ КНИГА АВТОДОРОВЦА“

большая богато иллюстрированная книга, являющаяся настольной и практической энциклопедией по вопросам автомобильного и дорожного дела.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: с приложением: год — 5 р. 50 к.,
6 мес. — 3 р. 50 к., 3 мес. — 2 р. 30 к., 1 мес. — 1 р. 50 к.
Без приложения: год — 4 р. 50 к., 6 мес. — 2 р. 50 к.,
3 мес. — 1 р. 30 к., 1 мес. — 50 к.

ПЕРЕВОДЫ АДРЕСОВАТЬ:

МОСКВА, 6, Страстной бульвар, 11,
Акц. Изд. О-ву „ОГОНЕК“.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1929 ГОД НА
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ МАССОВЫЙ ПОПУЛЯРНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ИЛЛУСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

„ИЗОБРЕТАТЕЛЬ“

„ИЗОБРЕТАТЕЛЬ“ (орган ЦБРИЗ при ВСНХ СССР) — первый в мире журнал творческих идей и изобретательской мысли — помогает провести в жизнь и реализовать изобретения и дает на своих страницах все, что надо знать изобретателю. В каждом номере помещаются сведения о судьбе изобретений. Он нужен каждому рабочему, технику, инженеру, хозяйственнику.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА на 1929 год: год — 3 р. 50 к.,
полгода — 1 р. 80 к., 3 мес. — 1 р., 1 мес. — 35 к. С приложением „Библиотеки Изобретателя“: год — 6 р.,
полгода — 3 р. 25 к., 3 мес. — 1 р. 75 к., 1 мес. — 65 к.

ПЕРЕВОДЫ АДРЕСОВАТЬ:

МОСКВА, 6, Страстной бульвар, 11,
Акц. Изд. О-ву „ОГОНЕК“

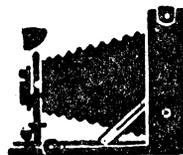
„ИЗОБРЕТАТЕЛЬ“ является также приложением к газете „Экономическая Жизнь“ (орган СТО СССР). Цена на газ. „Экономическая Жизнь“ с прилож. журн. „Изобретатель“: на год — 16 р. 50 к., полгода — 8 р. 60 к., на 3 мес. — 4 р. 50 к., 1 мес. — 1 р. 60 к. Подписку на газ. „Экономическая Жизнь“ с журналом „Изобретатель“ направлять в контору газеты „Экономическая Жизнь“: Москва, 9, Тверская, 34.

ЕСЛИ ВЫ ИНТЕРЕСУЕТЕСЬ ФОТОГРАФИЕЙ,

ЧИТАЙТЕ ЖУРНАЛ
ФОТО-ЛЮБИТЕЛЬСТВА
и ФОТО-РЕПОРТАЖА

СОВЕТСКОЕ ФОТО

С 1929 г. выходит два раза в месяц.

Журнал богато иллюстрируется по способу художественной печати (мещо-тинто).

Подписная плата на 1929 год: журнал без приложений: год (24 №№) — 6 р., полгода — 3 р., 3 мес. — 1 р. 50 к., 1 мес. — 60 к. Журнал с ежемесячным приложением „Фотографической Библиотеки“ (1600 стран. в год): год — 10 р., полгода — 5 р., 3 мес. — 2 р. 50 к., 1 мес. — 1 р.

За приложение „Фото-Альманах“ подписчики доплачивают при подписке 1 р.

Бесплатная премия подписчикам, вносящим подписную плату сразу за год: „Календарь-справочник фотографа на 1929 г.“; остальным подписчикам — за доплату в 1 р.

Переводы адресуйте: Москва, 6, Страстной бульвар, 11, Акц. Изд. О-ву „ОГОНЕК“.

Подписка принимается также на почте и всеми контрагентствами.

ВСЕМИРНЫЙ СЛЕДОПЫТ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
..... Ж У Р Н А Л

ПУТЕШЕСТВИЙ
ПРИКЛЮЧЕНИЙ
ФАНТАСТИКИ
..... ОХОТЫ

У год издания

СОДЕРЖАНИЕ:

• Обложка худ. В. Голицина.
• Миркиля. Рассказ из жизни коче-
вых цыган Александра Гер-
мана. Удостоен премии на лит-
конкурсе. • Советская машина вре-
мени. Этнографический рассказ
А. М. Линеvского. Удостоен
премии на литконкурсе. • Письмо
из скифского стана. Рассказ Ва-
силия Яна. • Предки. Фантасти-
ческий рассказ Леонида Чер-

няка. Удостоен премии на литкон-
ку се. • За тунгусским дивом. К эк-
спедиции помоща Кулику. Очерки
А. л. Смирнова. • Как это было:
Со щитом за горными курочками.
Рассказ-быль Керима • Уточка.
Юмористический рассказ быль
П. Казанского. • Галерея ко-
лоннальных народов мира: Австра-
лийцы. Очерк. • Шахматная доска
„Следопыта“. • Обо всем и отовсюду.

Акц. Издат. О-во
Москва —

„Земля и Фабрика“
— Ленинград

1929 г.

ЧТО НУЖНО ЗНАТЬ ПОДПИСЧИКУ ВЫПИСЫВАЮЩЕМУ

ЖУРНАЛЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА

„ЗЕМЛЯ И
ФАБРИКА“

— 1929 —
ГОД

1. Во избежание разных недоразумений и в целях скорейшего получения журналов надо высылать подписную плату непосредственно в Изд-во—Москва, центр, Ильинка, 15,—и не забывать в купоне перевода указывать почтовое отделение, куда должен направляться журнал, а затем подробный адрес (неуказание почтового места вызывает невозможность высылки изданий).
2. Точно указать, на какой журнал посланы деньги, по какому абонементу, на какой срок, и при подписке в рассрочку указывать: „В РАССРОЧКУ“.
3. При всех необходимых обращениях в Издательство, как-то: при высылке доплаты, о неполучении отдельных номеров и т. п.— ПРИЛАГАТЬ АДРЕСНЫЙ ЯРЛЫК, по которому получается журнал.
4. Заявления о неполучении отдельных номеров присылать не позднее получения следующего номера, иначе наведение справок в Почтамте будет затруднено, и заявление может оказаться безрезультатным.

Для ускорения ответа на ваше письмо в Издательство «Земля и Фабрика» каждый вопрос (о высылке журналов, о книгах и по редакционным делам) пишите на отдельном листке. При высылке денег обязательно указывайте их назначение на опрешном купоне перевода.

ОТ КОНТОРЫ „ВСЕМИРНОГО СЛЕДОПЫТА“:

О перемене адреса извещайте контору по возможности заблаговременно. В случае невозможности этого перед отъездом сообщите о перемене места жительства в свое почтовое отделение и одновременно напишите в контору журнала, указав подробно свой прежний и новый адреса и приложив к письму на 20 копеек почтовых марок (за перемену адреса).

БЕРЕГИТЕ СВОЕ И ЧУЖОЕ ВРЕМЯ! Все письма в контору пишите возможно более кратко и ясно, избегая ненужных подробностей. Это значительно облегчит работу конторы и ускорит рассмотрение заявлений, жалоб и т. д.

АДРЕС РЕДАКЦИИ | АДРЕС КОНТОРЫ
„ВСЕМИРНОГО СЛЕДОПЫТА“

Москва, центр, Пушечная, Лубянский | Москва, центр, Ильинка, д. 15.
пассаж, пом. 63; Тел. 34-89. | Телефон 54-03.

ЖУРНАЛ ПЕЧАТАЕТСЯ В ТИПОГРАФИИ „КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ“
МОСКВА, ПИМЕНОВСКАЯ, 16. ГЛАВЛИТ № А—28547. ТИРАЖ 170000.

ПРИЕМ В РЕДАКЦИИ:

понедельник, среда, пятница—с 3 ч. до 5 ч.

Рукописи размером менее 1/2 печатного листа не возвращаются. Рукописи размером более 1/2 печатного листа возвращаются лишь при условии присылки марок на пересылку.

Рукописи должны быть четко переписаны на одной стороне листа, по возможности на пишущей машинке. Вступать в переписку по поводу отклоненных рукописей редакция не имеет возможности

ТАРИФ ОБЪЯВЛЕНИЙ В ЖУРНАЛЕ:

1 страница—325 р.; 1/2 стр.—175 руб.; 1 строка—1 р. 10 к.

Сверх того—10% госналога

ПРИ МНОГОКРАТНОМ ПЕЧАТАНИИ
СКИДКА ПО СОГЛАШЕНИЮ.

БЕССЧАСТНЫЕ МИРИКЛЯ

Рассказ из жизни кочевых цыган

Рисунки худ. В. Щеглова

Автором настоящего рассказа, присланного на литконкурс «Всемирного Следопыта» 1928 года под девизом—«Отсталая цыганская народность постепенно приближается к советской социалистической культуре как равная среди равных», оказался Александр Вячеславович Герман (из Москвы). Рассказ получил 3-ю премию—300 руб.

ОТ РЕДАКЦИИ

А. В. Герман мог бы рассказать, как цыган Маштак дрался против белых, или как цыган Федук строит колхоз. Конечно, это был бы интересный рассказ, наглядно («лицом») показывающий, что сделала и делает советская власть для одной из самых—в прошлом—несчастливых и забытых национальностей, бедовавших в прежней России.

Но автор рассказа «Бессчастные мирикля» избрал более трудный путь. Его герои далеки от устремлений строящего новую жизнь пролетариата. Автор показал группу кочевников, которые в девятнадцатом году пытались остаться нейтральными в разразившейся буре, пытались жить замкнутой в узких рамках табора жизнью. И показал катастрофу, разметавшую этот своеобразный мирок. Эта катастрофа была не случайной, и наилучшим образом показана автором: она была неизбежным концом для данной группы, как неизбежна для всех, стремящихся отгородиться от участия в великом споре—«кто кого?»

Эта тема—о «внутренней эмиграции», о «нейтралитете»—хорошо знакома советскому читателю; А. В. Герман сумел развернуть ее

свежо и ново, в чрезвычайно привлекательных, красочных тонах, в оригинальном сюжете, в интереснейшей (этнографически) обстановке...

Снаряды белогвардейцев бьют мимо цели и разрушают крепость паразитизма, суеверия и деспотизма—разве это не яркий символ железной логики революции, логики ее неизбежной победы?!—И эта логика событий показана автором с такой убедительностью, что читатель легко поймет, почему после тысячелетних скитаний цыгане именно теперь, освобождаясь из-под влияния своих «князьков», уходят из табора—на землю, на рабфак, к станку...

А. В. Герман—первый, написавший на русском языке правдивый и нужный рассказ о цыганах. Советская общественность должна приветствовать в его лице новые всходы советской культуры, всходы поселенной Октябрьем и взращиваемого с любовью и заботой одиннадцать лет.

Редакция «Всемирного Следопыта» отметила на конкурсе премией талантливый рассказ А. В. Германа и горячо желает автору дальнейших успехов в его работе.

Федук—рослый цыган в темно-синей поддевке—растянул в улыбке толстые губы, порылся в путанной черной бороде и, таинственно сверкая глазами на Маштака, спросил:

— Маштак, а помнишь ли ты Тусины мирикля¹⁾?

У Маштака резко соскочили брови к прищуренным глазам. Затем он взмахнул рукой и, как бы выгоняя из головы неприятную, жесткую мысль, нервно щелкнул пальцами:

— Чтоб они сгорели, эти мирикля! Они мне до сих пор спать не дают. Вот и сейчас чудятся мне...

Он не договорил, снова щелкнул пальцами и мотнул головой. Московские цыгане, сидевшие в комнате Маштака, с любопытством начали упрашивать его рассказать о мириклях. Федук продолжал молча улыбаться, готовясь выслушать знакомую ему кочевую историю. Не так давно он бросил кочовку и стал на землю. Приехав по делам в Москву, он узнал от знакомого цыгана, что лудильщик Маштак работает в городе на чугунно-литейном заводе. И теперь, разыскав Маштака в Петровском парке²⁾, Федук сидел в его тесной, насквозь прокуренной комнате среди московских

¹⁾ Мириклями цыгане называют янтарные четки.

²⁾ В Петровском парке живут преимущественно цыгане-хористы.

цыган-эстрадников, собравшихся, чтобы провести вместе вечер.

— Ты не отказывайся, Маштак! — сказал один из цыган, наигрывавший на гитаре. — Говори, почему тебя такой пустяк волнует, не то Федук нам расскажет.

— Он хорошо умеет рассказывать, — сказал Федук. — Говори, Маштак!

— Я не откажусь. Правда, вспоминать мне не охота... Ну, да ладно, расскажу, как я гостил у бессарабских конокрадов. Вы их плохо знаете, а ловкие они... — И Маштак по старой кочевой привычке улегся на кровать и лениво начал свой рассказ.

I. Туся выручает.

В девятнадцатом году очутился я в плохом деле. Ранили меня белые в руку под Курском, и пролежал я тогда недели две в орловском госпитале, а потом отпустили меня на поправку домой. А какой наш дом! Ищи его в поле, где он катается! Когда в полку был, слышал я от цыган, что наш табор около Киева видали. Ну, а как туда попадешь, когда там белые? Еще засекут в дороге, если узнают, что в Красной армии служил. Вышел я из госпиталя, а к Орлу белые уже подходят. В городе суматоха варится. Куда деваться? Попытался на московский поезд сесть, а разве кому было до меня! Насажались в вагоны и не пускают. Думал-думал, — дай пойду пешком к Москве! Притащился я по шпалом с сумкой на станцию Песочная. Сижу там на рассвете сонный, голодные кишки пищат, а кругом такой же кипучий котел, что и на орловском вокзале: бегают люди туда и сюда и трясутся от страха. Сижу и горюю: по шпалам ли в Москву итти, или ждать что будет?.. А сон уже голову пригибает к земле. Вдруг слышу разговор цыганский. Смотрю — две цыганки: одной лет так семнадцать, а другая седая. Смекнул, что поблизости кочует табор. Не прогонят, думаю, своего цыгана. Радостно мне стало, и говорю им по-русски в шутку:

— Погадайте, цыганочки, скоро ли я родных увижу?

Подошла старая:

— Давай, счастливый, твою ручку. Всю тебе правду скажу.

— Пускай молодая погадает, — смеюсь я. — Она сердце молодое лучше чувствует.

— Да ты подари на ручку, — сказала старуха и обратилась по-цыгански к молодой: — Он без кольца. Наври ему, дураку, о невесте. У него в мешке хлеб есть. Скажи — награда будет от казенного дома. Туся, сахар бери...

Взяла Туся мою руку, а я не помню себя от радости и по-цыгански им:

— Эх, вы, цыгане, своего не признали!

Туся взглянула на старуху:

— Ром ли ёв? ¹⁾

— Гаджо, наспхандэпэ дылэноса! ²⁾ — потянула старуха Тусю за желтую шаль и покосилась на мою солдатскую одежду. — Что ты рот разеваешь с гаджо! Идем...

— Мать, веришь мне! — стал я уверять старуху. — Сожги мои глаза, если я не цыган! Седая, а не признаешь! Табор Маштака знаете? Рыжего Маштака, котельщика? Ну, как же вы моего отца не знаете? А вы чьи будете?

— Мы — Газуна, — нехотя ответила Туся.

Газуна я знал понаслышке. Газун, бессарабский цыган, был известен на юге всем таборам как ловкий конокрад.

— Конник Газун, одноглазый? Ну, как его не знать! Хорошо бы с ним повидаться. Как пройти к его табору?

— Ну, знаешь его, ну, и хорошо, — сказала старуха и с насмешкой добавила: — А дорога к нему вон через ту горку. Пройдешь ее и прыгнешь в овраг, а там покрутишься по дорожкам и найдешь... Сам знаешь — у речки, у лесочка.

Старуха врала.

— Чтoб твои дети так шатер твой искали!.. — рассердился я. — Я в беду попал, а ты режешь ножом мою душу! Смотри кругом — через эту войну весь народ крутится, а ты своему цыгану овраг сулишь.

Не так отнеслась ко мне Туся. Она обругала старуху за насмешку и тихо сказала мне:

¹⁾ Цыган он?

²⁾ Не цыган. Не вяжись с дураком!

— Иди ты по этой дороге. До деревни дойдешь, а там с горки увидишь березки у самой речки.

Старуха плюнула и оскалила гнилые зубы:

— Мужья голодные сидят, а ты без толку с ним стоишь... Кнута давно не видала! — и она послала нас обоих к чорту и стала предлагать людям погадать.

— Кому теперь гадать? Все от войны спасаются, — покачал я головой.

Туся ничего не ответила и пошла за старухой.

II. Хозяин табора.

Стояла золотая погода. Осеннее колючее поле показалось мне тогда от солнца рыжим, как стриженная голова моего родителя после тифа.

Туся не обманула. С горки я увидел беленькую, как теперешний мой носовой платок, березовую рощу, а возле нее — табор Газуна. В роще облюбовал увесистую ветку и отломал ее на всякий случай от собак. Подхожу к шатрам и дивлюсь: ни одна собака не зарычала и не кинулась на меня с лаем. Оказывается, как говорили после цыгане, на этой стоянке с

десяток овчарок издохли от голода и столько же сбежало искать сытых хозяев.

Знакомая солнечная тишина табора была мне тогда по сердцу после фронта и госпиталя. Тлели головешки утренних костров. Женщин с ребятами не было: они пошли добывать картами хлеб. В шатрах оставались одни мужчины. Они валялись на перинах. Чуть слышный тяжелый храп выходил наружу. Посмотрел я на латаные шатры, на ребристых кляч и подумал: «Верно, нет удачи Газуну».

— Кто тут живой? — крикнул я, но никто не отозвался.

Цыгане-конокрады любят вдоволь поспать днем. Ночные вылазки за конями приучили их мало спать ночью. Ночью и голова конокрада сметливой и веселей думает. Правду говорят про нас, что «золотой месяц — цыганское солнышко», но беда конокраду, если это «солнышко» неде-

Я увидел беленькую березовую рощу, а возле нее — табор Газуна...

лями светит: в ясные ночи не подойдет он к чужому табору — сразу заметят. В такие ночи играют они в карты до утра, если игра не дойдет до ссоры и драки. А проиграть в карты — беда большая. Засмеют. Лучше избили бы мужики за уворованного коня, чем насмешки слышать. Конокрады любят над чужой бедой посмеяться.

Постоял немного, слышу глухой разговор. Крикнул еще:

— Выходи, кого смерть не забрала!

Вылез из шатра парень в лиловой рубашке, без пояса. Лицо рябое, заспанное.

— Как мне повидать Газуна? — спрашиваю его.

— А тебе зачем его видеть? — дико взглянул он на меня, но тут же я услышал бараний голос из шатра:

— Михала, тащи его ко мне!

Поднял Михала изношенный холщевый полог, и я, пригивая голову, вошел в шатер. Нутро шатра было небольшое: в ширину и длину шагов по десяти, и разделялось пополам засаленной ситцевой, в малиновых букетах, занавеской. В первой половине, в которую вслед за мной вошел Михала, стоял посредине низкий, с гладкой крышкой, обитый жестью сундук. Заржавленный замок сундука охранял одежную рвань и тряпки всей семьи. Сундук заменял стол. На нем стоял ведерный самовар, до того грязный, что трудно было бы сказать, медный ли он. Кругом самовара было хуже, чем на базарной площади. Из сломанного крана хлюпала вода, и по всему сундуку расплывалась лужа; в этой луже стояла невымытая после чая посуда и валялись куски пшенной каши.

Отдернув занавеску, я увидел в другой половине шатра гору кумачевых перин и подушек, а в них увязла, будто в трясине, обросшая волосами, как у черного медведя, голова Газуна, одетая в каракулеву шапку.

Газун зырнул на меня левым глазом и засуетился. Он быстро сбросил с себя тяжелые перины и сразу вырос громадным ростом. На нем был одет полинялый лиловый суконный пиджак, а под ним торчал расстегнутый грязный ворот синей рубашки и коричневый жилет на обвисшем, как торба, животе. С жилет-

ных карманов свисала серебряная цепь от часов. Потертые в коленях и в ходу, черные бархатные шаровары раздувались над круглыми, как бутылки, лакированными голенищами сапог. Лицо у него было красное, как свекла.

Беспокойно сощурил Газун левый глаз, шагнул вперед и, напирая животом, вытеснил меня из шатра. И тут пошел его допрос. Сказал ему, что я сын рыжего Маштака. Такого рыжего, как мой отец, не найти среди цыган. По этой примете знали его все цыгане. Расспросил Газун, зачем я в этой местности шляюсь, кто заставил меня в Красной армии служить, и удивился, что я никак не проберусь через фронт в табор отца.

Кончив свой допрос, Газун разлегся животом на траве и уже ласково тихо сказал:

— Ложись, Маштак.

Я прилег рядом с ним, подложив сумку под голову.

— Не твое дело здесь стоять! — вдруг зарычал Газун на Михалу.

Стоявший возле нас любопытный Михала гикнул и лениво поплелся к своему шатру.

— Ну, а теперь расскажи, — обратился ко мне Газун, — что думают люди про войну?

Я долго ему рассказывал, что видел и слышал в последние дни в городе. Закончил тем, что не сегодня-завтра в этой местности можно ожидать перестрелку. Посоветовал ему перекочевать на спокойное место.

— Они сюда не пойдут, — сказал он, словно успокаивая себя и меня. — Они будут драться за рекой, на большой дороге. И кто будет трогать нас, цыган? Что они с нас возьмут? Отберут наших кляч? Ну, пускай берут. А на что им наша жизнь, если мы их не трогаем?

Газун поколупал пальцем в носу. Потом поднял густую бороду к небу и закрыл глаз, словно соловьем собирался запеть, и вдруг как рывкнет бараньим голосом:

— Дурак ты, несчастный!..

Ругань его сразу проела мою кровь, и она, горячая, потекла по всему телу. И от обиды забилось сердце. Не за что

было меня так обзывать. Но я молчал. А спрашивать Газуна, вождя табора, за что обидел, не смел. Он после выскажет все. И я ждал.

Острый глаз его вонзился занозой в меня. Не моргая, он терпеливо ждал, что я ему отвечу. Но я все молчал, рвал траву и кусал ее. Не глядя на него, я заметил, как он ползком протянулся ко мне. Хлопнул Газун меня по плечу.

— Ты — покорный цыган! Я вижу, ты знаешь, как отвечать старшим. Только вот твой рыжий чорт мало тебя бил. Да зачем бить, когда он сам такой? Вы — кастрюльщики — все такие несчастные. С конями мало знаете, поле и город для вас одна каша. Но скажи мне, почитаете вы полевые законы ¹⁾ ваших родителей? Нет их у вас, волки сожрали! А еще цыганами зоветесь! Ну, кто посылал тебя воевать? И какой цыган потеряет свой табор? Ну и свет стал! И как тебя на войне не удавили!.. Вы нас попрекаете — коней крадем. Зато мы вольные, кровные цыгане и не пойдем к людям с поклоном горшки чинить. У меня сотня людей было в таборе, и никто не посмел сказать, что полевая участь ему плоха. А ты еще воевать захотел! Свою голову не знаешь, где ее придавить... Смотрю я на тебя, не нравятся мне твои зеленые тряпки. Ну, красная звезда на лбу — для красоты, но зачем ты мою душу тревожишь солдатской одеждой?..

Что мне было сказать ему? Он — вождь, а я — покорный гость. Да кто посмеет переспорить его? Мне оставалось только слушать. Он с сопением перевернулся на спину, закрыл от солнца глаз и замолчал, но не надолго.

— Ты не суди мою бедность, — вздохнул он, напялил шапку на брови и покачал головой. — Что ты теперь видишь у меня? Четыре шатра. А кони? Клянами стали. Сроду меня не возили такие клячи, а это твоя война бедняками нас сделала. Эх, и как это мое богатство рассыпалось! Арабские кони были у меня, тарантас рессорный. А ковры какие были! Самые турецкие! А сколько

золота у меня было! А где оно? Пожрала твоя война. И скажи мне теперь, что я буду делать с моей дочкой Гусей? Какой дурак возьмет ее в жены без денег? — Газун вытащил из кармана трубку, набил ее табаком и закурил. — Ну и свет стал! — продолжал горевать он. — Табаку и то нет.

— Почему ты не уведешь табор подальше от войны? — спросил я его. — Там легче хлеб добыть. Ты вот меня упрекнул, что я на войне смерть искал, а сам ждешь ее здесь.

— Где я живу и что я буду делать — не твое дело! — строго ответил Газун и ткнул пальцем меня в живот. — У тебя там бурчит? Ну, возьми перину и иди под телегу. Поспи. Женщины еще не скоро принесут пожарть.

III. Старуха-разведчица.

Упал вечер на поле, когда я проснулся от гика и пения:

Ададавэс, ададавэс амэбарвалэ.
Атася, атася амэчорорэ ²⁾.

Это пришли с гаданья женщины с крикливой оравой ребят. Подолы их широких юбок были подоткнуты за пояс, и в них лежали подачки. Вышли из шатров мужчины, одетые в поддевки. Две старухи устало упали на траву и чесали зудевшие от ходьбы ноги. Около них кучей дрались ребята за жестяную коробку от пудры, которую подарили за гадание. Михала подбежал к ним, разогнал их, хлопая по затылкам шапкой, и отнял коробку. Пришел с реки Федук, налил воду в чугунный котел и поставил его на треножник. Потом Федук поглядел на меня и улыбнулся. Сразу пришелся он мне по сердцу.

— Эй, Маштак! — крикнул мне Газун.

Я подошел. Он указал мне кивком головы на холодный костер и сказал: — Ломай сучья и раздувай огонь.

Ближе к костру подползла злая старуха. После я узнал, что она мать Михалы. Она узнала меня и заговорила:

— А мы, как прогнали тебя со станции, так пошли далеко за железную

¹⁾ Полевые законы — обычаи, нравы, суеверные приметы цыган.

²⁾ Сегодня, сегодня мы — богачи.
Завтра, завтра мы — бедняки.

дорогу. Верст много будет... Плохо теперь гадать...

Я ей не ответил. Она была мне не по сердцу, да и жрать хотелось.

Газун разгуливал по табору и поглядывал на всех. Потом подошел к старухе:

— Ну, как, много нагадала?

Газун, как каждый конокрад, знает, что цыганка с пустыми руками не возвратится в табор. Газун ждал другого ответа: что скажет она о конях, которых высмотрела при гадании?

— Ходили мы далеко за станцию, — тихо загудела она. — К самой речке. Мезенкой зовут речку. Ой, хороши там кони! Давно таких мои глазыньки не видели. Золото за них получишь. Два таких хороших сивых стояли, сытый вороной и приметный конь — белый, в серых яблоках.

И она растолковала ему место, где пасутся кони, чьи сны, как дорога идет к ним, и добавила:

— Я на путанных дорожках соломки с тряпочкой, приметку привязала. Не забудятся наши...

Трещали в огне сухие сучья. В котле сипела вода. Цыгане развалились у костра. Ребята подбегали к огню, жадно нюхали пар, потом отбегали и с криком кувыркались по траве. Туся устало зевала и сидела подле Михалы. Она прислушивалась к словам матери Михалы. Старуха повторяла Газуну одни и те же слова, но он, должно быть, ее уже не слушал, а думал, когда бы этих коней прибрать к рукам. Огонь бродил по его умному волосатому лицу. Беспокойно высасывал Газун дым из трубки и выдувал его сжатыми в колечко губами. Острый глаз его с какой-то насмешкой глядел в костер. Видно было, что он разгорелся желанием сейчас же послать цыган за конями. Старуха не замечала, что он ее не хочет больше слушать, дергала его за поддевку и без умолку гудела ему в уши.

— Что ты меня вертишь, старая мельница! — неожиданно заорал на старуху Газун и ударил трубкой о сапог. — Что ты мне уши ломаешь словами? Кони уже наши! Наши кони!.. О чем ты тревожишься?

Все захохотали. Старуха поняла, что надоела Газуну.

— Ты давно бы сказал, что все понял, — разозлилась она. — Зачем я глотку понапрасну порчу?

— Тебя, дуру ярмарочную, разве оставишь! — грубо сказал Михала. — Разжужжалась!..

Туся тоже напала на старуху:

— Растрепала язык, беззубая!..

— Ну, я молчу, молчу, как пещера, — сказала старуха и, не глядя ни на кого, подбросила сучьев в огонь.

Туся расплела косу, сняла с волос цепку из серебряных сербских монет. Я подсел к ней и напомнил про нашу встречу на станции:

— А я по твоей цепочке подумал, что вы сербские.

— Цепочка от матери-покойницы осталась. Она сербиянка была. — И стала Туся расспрашивать, как я попал на станцию Песочная.

Глядя на ее приветливое, загорелое до-черна лицо, я сказал:

— Туся, не скажи ты тогда, где ваши стоят, — я пропал бы. Но не будь я Маштак, а за твои добрые слова получишь от меня такие мирикля, какие ни одна цыганка сроду не носила!

Михала, как бешеный конь, вскочил на ноги. Глаза его забродили. Заскрипел он зубами, будто песок тер, отошел от костра и злобно позвал:

— Туся, поди сюда!

Что он шептал ей — до сих пор не знаю...

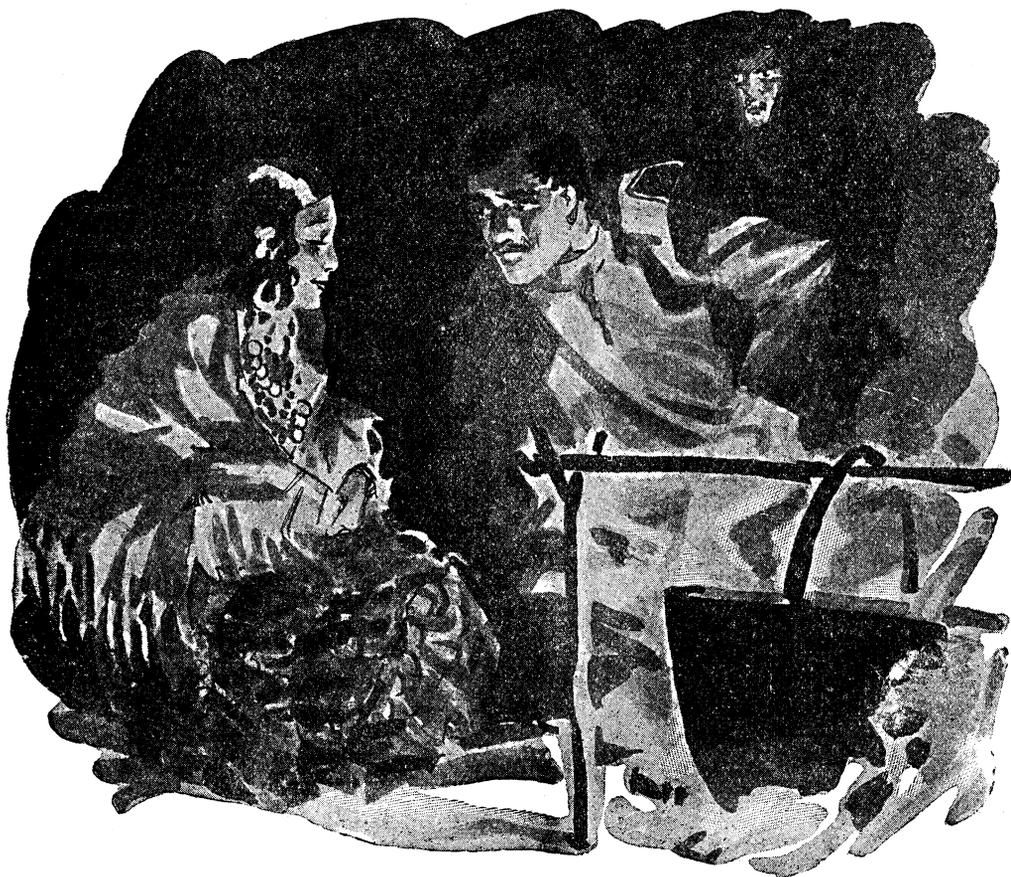
IV. «Николай-угодник, помоги добыть коня!..»

Принесли еду. Газун усадил меня, как гостя, рядом с собой. Михала опять сел возле Туся и на меня все взглядывал, злобно так, будто мне он весь шатер в карты проиграл.

Молча чавкали цыгане с голодухи, хватая деревянными ложками из котла горячую жижу с конопляным маслом. Не сравнить, конечно, такую еду с нашей, старой: кусок сала да чеснок плавает в котле. А то еще есть славная пища — «залозочка». В шивороте и задней лопатке барана попадают шарки с ореховое зерно. Зовутся они «паркотинной». Так цыганки повырежут эту паркотину, ну, и приятная говядина получается, мягкая, не воняет потным.

Когда наелись, побросали ложки в пустой котел и вытерли рукавами и подолами масляные губы. Тяжело поднялась Туся. Должно быть, она наелась по горло после голодного дня. Она не имела права, как и все цыганки конокрадов, поесть одна, где-нибудь на

Далеко за Оку скакала наша песня... Один Газун молчал. Он сидел, поджавши ноги под себя, важно следил за всеми и всматривался в черное небо. Зубы крепко держали трубку. Он часто хватался за шапку, то пялил ее на лоб, то отбрасывал набекрень. Должно быть,

Я подошел к Тусе и напомнил нашу встречу на станции..

стороне, а должна была принести свою наживу в табор и поделиться со всеми.

Туся сбросила шаль и беззаботно запела:

Наджя, чайори, пал-о-паны.
Падухтылла тут э-издраны. ¹⁾

Подхватили горловым криком песню цыгане:

Наджя, чай, пал-кашта,
Пусавэса трэ васта. ²⁾

¹⁾ Не ходи, девушка, за водой.
Схватит тебя там лихорадка.
²⁾ За хворостом, девка, не ходи.
Поцарапаешь руки.

его беспокоили кони. Он почесал бока, кряхтя, встал и пошел к шатру. Я заметил в темноте, что он не дошел до шатра, остановился.

Слышу его голос:

— Маштак, поди-ка сюда.

Я быстро встал и подошел к вождю.

— Ты что будешь делать у нас? — спросил меня Газун.

Я открыл было рот, но он не дал мне ответить:

— Ты голодный, как волк. И мы не будем грызть бревна. Надо итти тебе с нашими цыганами за конями.

Приказание его итти «грэн тэ чурэс»¹⁾ мне было не по сердцу. Табор моего отца никогда не занимался конями. Наши цыгане сторонились конокрадов. Мы всегда меняли стоянку, если они становились по соседству. С ними рядом жить—беду наживешь: или поссорятся они за пустяк с нами и в драку полезут, или мужики из-за них ни за что избьют нас. Мужики бешеные бывают, если коней их уведут, им тогда все равно какого цыгана поймать. Бывает еще и так, что нарочно конокрады воруют в той деревне, у которой наш мирный табор остановился, чтобы подозрение пало на безвинных цыган.

Но делать было нечего. Надо было подчиняться вождю. Я молча кивнул. Газун, толкая меня в спину, подошел к костру. Ребята еще не спали: они плясали в кругу поющих цыган.

— Авэла, рэндо исыс!²⁾—криком прекратил пение и пляску Газун и спокойно приказал:—Принесите уздечки.

Все присмирели, поняли... С дракой побежали ребята в шатры и, запыхавшись, принесли три уздечки.

— Хорошая ночь вас не ждет,—сказал Газун и раздал нам троим уздечки—мне, Михале и Федуку.

Загорланили цыгане, как итти и как брать коней. Мать Михалы орала больше всех.

— Замолчите! Без вас они хорошо знают,—заглушил всех Газун.—Ну, подвязывайтесь, и сядем.

Мы трое подпоясались уздечками, и все с нами разом сели на траву, зажали зубами нижнюю губу, чтобы никто не проронил ни слова. Плохо тому будет, кто скажет в такое время одно хоть слово. Плохо, если кто шевельнется. Так избьют, что через месяц не встанешь...

— Ну, удача будет,—тихо сказал Газун, видя, что никто не нарушил молчания, и встал.—Идите по шатрам, просите у угодника помощи.

Нет у конокрадов большего святого, как Николай-угодник. Со всеми хлопотами к нему лезут цыгане. Конные ярмарки в праздник Николая-угодника счи-

тают они самыми прибыльными. Без молитвы угоднику никакой конокрад не пойдет на кражу.

— Без Николая не украдешь и клячи,—говорят они.—А с его помощью и у бога словчишься своровать коня из рая.

Я вошел в шатер Газуна. Поставил Газун к самовару иконку.

— Молись моему Николаю,—сказал Газун и поднял полог шатра, чтобы свет от костра упал на иконку, а затем стал сбоку наблюдать, как я буду просить помощи.

Я встал на колени. Вслух говорил слова и крестился с поклонами. Молитвы я не знал никакой, как не знает ни один цыган. Я говорил Николаю свою просьбу, как простому человеку. Молитву конокрадов я слышал раньше.

— Николай-угодник, я тебя озолочу!—умолял я блестевшую от костра медную иконку.—Я свечку куплю и для тебя зажгу. Я для тебя что угодно сделаю. Скажи ты только своему богу, чтобы он помог нам коня добыть.

— Не одного, говори, а четырех коней,—тихо поправил Газун.

— Помоги четырех коней добыть.

— Скажи ему, что ты поделишься с ним,—шепнул Газун мне на ухо.

— Поделюсь с тобой,—обещался я.— Николай, тэ хав мэ цирэ кхула...³⁾

В одной цыганской сказке говорится, что Николай дал клятву: «Сдерите с меня шкуру, поломайте мои кости, если я не помогу цыганам коней своровать». И когда бывает неудача в краже, приходит цыган в табор злой, хватает иконку, бросает ее из шатра и говорит цыганам: «Обманул меня Николай!» Но когда успокоится, поднимает иконку и кладет ее обратно под перину.

После молитвы собрались мы у костра. Пели, плясали и галдели, как на базаре. Женщины были больше всех рады нашему уходу. Они знали, что с кражей коней убавится у них заботы о прокорме табора. Туся закидывала вверх голову и насвистывала песню.

— Ого, здорово свистишь!—похвалил я ее.—Ну и девка ты! Стоишь ты хороших мириклей.

1) На кражу лошадей.

2) Довольно, дело есть!

3) Я съем твои отбросы.

— Бэнг! ¹⁾—озлилась Туся и, увидя, как шагнул ко мне Михала, отбежала в сторону.

— Маштак!—прошипел Михала.—Не крути девке голову! Туся—моя невеста.

— Дурак ты!—ответил я ему.— Да я и не собираюсь на ней жениться...

Но тут прорычал около уха Газун:

— Смотрите, попадетесь кому на глаза—сам я надаю вам кнута!—и махнул рукой, будто выпроваживал нас.— Ну, убирайтесь! Угодник вам в дорогу!

И мы пошли. Ночь была так черна, что, идя рядом, мы не могли видеть друг друга. Дорогой я говорю Михале:

— Должно быть, у тебя и у матери твоей порода злая.

Остановился он да как закричит на меня:

— Ты будешь молчать?..

Плюнул я и не стал с ним спорить. Рассказывать, как коней брали, не буду. Всем известно—хоть цыган, хоть и не цыган—все одинаково коней воруя. А так ничего не произошло, о чем можно было бы рассказать.

V. «Наволочка погналась за старухой...»

Был скучный полдень, когда я вернулся в табор. Ветер нагнал на небо серых туч. Он со свистом напал на шатры. Усталый от ночного дела, я растянулся на траве, проклиная свою долю. И вышел же такой случай—связаться с конниками! Не пожелал бы я врагу такого мученья! Лучше с утра до ночи колесо крутить на заводе, чем мучиться в темени по полям да трястись, как бы не набросились мужики и не долбанули по голове. Весь в грязи; рубаха потом воняет; на зубах песок трется; в сухом горле будто лучина торчит и колет занозами, когда глотаешь. После таких делов покупаться бы, белье мытое одеть да пожрать хорошо. Скажи такую жалобу Газуну, да он тебя обругает да еще застыдит перед всеми цыганами.

Видал ли кто, чтобы конокрады купались? Вся жизнь кочуют у реки, а в воду палец бояться сунуть. Говорят, панытко ²⁾ в колдобину затаянет. А про

мытое белье и не говори! Конокрады смеются над нами, что наши цыганки рубахи да постели в реке купают. А у них, как оденет рубаху, так и сносит ее до клочков на плечах. Говорят они, что помыть рубашку—счастье с себя смоешь.

Повздыхал я тогда и закашлялся. Простудился: были сырые холода ночью. Услыхал мой кашель Газун, вышел из шатра.

— Ну, какую радость скажешь?—спросил он.

Еле поворачивая язык, отвечаю:

— Трех добыли.

Закурил он трубку, еще спрашивает:

— Куда они погнались?

— Верст за сорок, за город Мценск. Михала говорил, что там болгарские цыгане стоят. Обменивать будут. Не знаю, как бы их не задержали. Всюду отряды...

— Какие же кони?—приставал он, как бы не замечая моей усталости.

А мне было не до вопросов. Отвечу ему и засыпаю.

— Что ты как деревянный стал!—закричал Газун.—Они тебя вернули сюда, чтобы мое сердце успокоил, а ты, несчастный, толком не говоришь!

Пришлось говорить. И когда Газун намучил меня вдвойне вопросами, он плюнул и прокричал зубами:

— Бессчастный...

Спал я немного. Разбудил меня крик матери Михалы, будто ее резали на куски. За ней гнались из соседней деревни мужики и бабы. Старуха орала на бегу, как подбитая ворона: «Крак-кра!..»—и перед шатром Газуна ткнулась лицом в землю. Мужики и бабы совсем озверели. Они уже хотели кинуться и растерзать ее на клочки, как перед ними встал Газун. Лицо его налилось кровью, даже правый закрытый глаз его зашевелился. Рука с кнутом дрожала. Он снял шапку и с поклоном спросил крестьян, за что надо бить старуху.

— Когда вы подохнете, дармоеды проклятые! Хватай пузатого цыгана! Крой его!..—горланили мужики.

— Цыц!..—поднял руку с шапкой Газун и переспросил:— За что ее надо бить?..

¹⁾ Чорт.

²⁾ Панытко — водяной.

Бабы озлобленно тараторили, что старуха гадала и стащила юбку и наволочку.

— Отойдите! — дико крикнул Газун. Он одел шапку и с поднятым кнутом шагнул к трясушей старухе. Она грызла от страха землю, ожидая расправы Газуна. Свистнул в воздухе кнут и хлестнул старуху так, что рассек ее драную кофту. Старуха взвыла, как волчиха.

— Она пошла гадать, а не воровать! — сказал Газун присмирившей толпе.

Когда ушли крестьяне, Газун с руганью еще раз, но слабее ударил старуху кнутом.

— Тебя, старую ведьму, удушить мало, чтоб знала, как надо воровать! — и он толкнул ее сапогом. — Пошла голосить на подушки!

Старуха чуть не ползком поплелась в свой шатер.

Газун сопел и тяжело дышал, словно вбежал на гору.

— В какую сторону ни посмотришь, — жаловался он, — кругом лезет на тебя напасть. Куда ни ступишь — всюду в проглубь провалишься. Ну и местность несчастная!

— А кто тебя прибил к этому месту? — осмелился сказать я. — Куда твои люди ни сунутся, везде их знают, как свою старую болячку. И как же это ты, старый цыган, сидишь здесь столько времени, как арестант сибирский? А то еще в огонь попадешь. Что ты ищешь на этом месте? Смерти? Ты меня ругал, что я на войне был, а сам ты разве не видишь, где находишься? Я на войне был — польза от меня была, а ты чего сидишь — задумал без толку погубить своих цыган?

Газун не ожидал, что я ему посмею так сказать, и уже готов был поднять на меня кнут.

— Ты не суй свой нос в мою золотую голову! — свирепел он, ударяя себя в грудь. — Кто тебе велит такие вопросы спрашивать? Кто тебе велит так со мной говорить? Почему я дорожу этим местом — тебе дураку незачем знать. А если я тебе и говорил дело, так ты меня, червивое сало, не учи!.. Тебе нужен табор рыжего Маштака — кочуй к нему... Я шестьдесят лет прокатал свою доро-

гую жизнь на колесах и никогда не слышал, чтобы мне цыган задавал такие слова. Если кому не нравится мой табор — уходи, ищи другой...

Вижу, что Газун расходился, и не придумая, как его успокоить. Говорю ему:

— Ты не сердись на меня. Я тебя не обижал. И лезть в твою голову я и не думаю. Как я могу тебе советовать, если твоя голова умнее моей? Спроси на какой угодно дороге, любого цыгана, да он с большим уважением о тебе скажет. И кто тебя не знает? Всем ты известный человек. Я в жизни не видал такого ловкого цыгана, как ты...

Похвала немного успокоила Газуна. Это толкнуло его к хвастовству. И он, уже не споря и не ругая меня, стал вспоминать о своих удачных проделках. Чмокая губами, будто сосал сахар, Газун хвалился, как он из-под носа мужиков уводил коней, как на ярмарке обманывал покупателя и как за час делал большую клячу здоровым бегуном. За такое умение уважали его цыгане, и он был известен.

— За пустяки цыгане уважать не будут, — пришлось мне сказать ему. — Вот меня никто не знает, а тебя знают все таборы, как хорошего человека. Такого известного конника и не найти во всем свете. Ни один цыган худого не скажет про твои удачные дела.

— Ты еще слепым галчонком был, — не унимался Газун, — а через мои руки уже прошло столько коней, что не оставишь их рядом от столичного города до самого Черного моря. Раз мне нужен конь, нравится он, — хоть бы его в железной клетке берегли, все равно мой будет. Стар я стал, да война твоя все мои кишки рвет, а то я тебе еще показал бы!..

Газун лег на живот и задумался. В это время возвращалась Туся из березовой рощи. Она несла в подоле коренья молодых березок. Они нужны для ворожбы. Их сушат на солнце, режут на кусочки и завертывают в тряпочки. И когда надо какой-нибудь чудачке приворожить милого, то дает цыганка ей этот корешок, чтоб она носила его за пазухой. Дур на свете много, и дают они за корешки большие деньги. Цыгане

называют такую ворожбу «тэлав про драп»¹⁾.

Туся уже издали услышала стоны старухи. Подойдя к нам, она спросила Газуна:

— Отец, что это с ней такое?

— Наволочка за ней погналась.— Он указал рукой на деревню и строго сказал:—Чтоб она больше туда не показывала свою голову!

Туся села, подобрала под себя ноги, и стала перебирать в подоле коренья. Никто не говорил. Глаз Газуна закрылся. Вскоре Газун засопел. Туся опасно поглядела на отца и, уверившись, что он спит, тихо спросила меня:

— Что ты пристаешь ко мне с мирикля́ми?

смейся...—и добавила чуть слышно:— Михала не любит, когда ты о них говоришь.

— А почему Михала не терпит мирикля́и?

— Молчи, Маштак! Ничего я тебе не скажу...

VI. За будущие побои.

За рекой, по большой дороге целый день кружилась пыль. Красная армия — пешком и конем — шла на подмогу. И что

Я засмеялся.

— Почему ты их поминнаешь? — спросила она так, как будто касалась чего-то страшного.

— А просто с языка сорвалось. А почему ты так пугаешься? — усмехался, спросил я.

— Ты больше и не поминай о них. Слышишь! Ты не

1) «Взять на корешок».

Первым влетел в табор на жгучем вороном коне Михала...

делалось кругом—откуда было нам знать. Был уже слышен далекий гул пушек. Видно было по всему, что война закипала в этой местности. Но Газуна как будто все это не беспокоило. Он тревожился за Михалу и Федука, которых ждали уже третий день. Цыганки не уходили далеко, боясь, что придут белые, и тогда не пройти к табору. А если и уходили на станцию нищенствовать, то не приносили ни кусочка хлеба. Животы у всех отошались.

— Сегодня мы проживем, — говорил Газун, вглядываясь в сторону рощи. — Но что мы будем жрать завтра, если они не покажутся сегодня? А если придут они с пустыми руками, что мы будем делать?

— А если уколотят их в дороге? — спросил я его.

— Так и надо им, дуракам! Хороший цыган, как нитка в иголку, проскачет, а дурак в больших воротах зацепится.

Вдруг он крикнул и подпрыгнул, точно мальчик, от радости.

— Ты гляди, гляди, Маштак!—ударил он меня по плечу.—Наши на конях! Михала, Федук!..

Я присмотрелся: двое скакали из рощи.

— А-ля-ля-ля!..—заорал Газун и замахал шапкой.

Из шатров повысыпали цыгане. Заплясали и загикали. Первым влетел в табор на жгучем вороном коне Михала. Федук гарцовал на сером. Коней запарили до пены. Соскакивая с коней, сбросили наземь мешки с мукой и мясом.

— А вот у нас какие есть еще красавицы!—И Михала стал вытаскивать из карманов бутылки с самогоном.

Газун и радовался, и злился:

— Какой чорт вас держал столько дней! Болеть меня заставили! Дураки!..—И велел ребятам раздувать костер.

Михала рассказал, как поменял двух коней у болгарских цыган, которые в ту же ночь погнали их на обмен дальше—к цыганам в Тульскую губернию, а третьего коня продал во Мценске русскому барышнику за хлеб, мясо и самогон. Рассказывая, Михала хвалился перед всеми своей удалей, а нас—меня и Федука—грязнил и насмехался над нашей трусостью в таких делах.

— Сын мой, ты стоишь моей дочки!—сказал на это Газун и посмотрел на нас.—А вы—бессчастные котельщики!..

Вечером табор был пьяный. Кричали, смеялись, пели, плясали, хвастались. Мать Михалы забыла побои, выходила на круг плясать. Михала был чем-то недоволен. Он зорко следил за каждым моим шагом. Когда я заговаривал с Тусей, он быстро подходил к нам и прислушивался. Туся вела себя дико. Она нарочно старалась злить Михалу: повертывалась к нему спиной, когда приглашал с ним сплясать—отказывалась и даже насмехалась над ним, что он рябой. Туся заметила, что я вижу, как она дразнит Михалу, и еще пуще стала дразнить его.

— Не мучь Михалу, — говорю ей. — Будет плохо.

Не глядя на меня, она быстро сказала: — Я врала ему, что ты мне нравишься.

— Напрасно меня вмешиваешь.

— А не ты ли при нем сказал о микрилях?—и она захохотала и, прыгая через валявшихся у костра сонных ребят, очутилась на кругу.

— Эй, цыгане, пьяная я, а еще спляшу вам!

Заорали плясовую песню, захлопали в ладоши. Замелькали в пляске ноги Туси, затряслись ее плечи.

— Дочка, не поломай ноги!—взглянул на нее с усмешкой Газун.

Она сразу остановилась и скривила губы, будто обиделась на отца.

— Беда, кто ломает голову!—сверкнула она глазами в сторону Михалы и снова бешено затопала ногами.

Я понял злые выходки Туси. Туся, как и каждая девушка-цыганка, заранее мстит своему жениху за будущие побои, которые она ожидает от него в замужестве...

— Наша девушка—что конь степной, дикий, а выйдет замуж—станет покорной, как собака,—сказал мне тихо Газун, а потом добавил:—Погляди на Михалу. Сердится как! Ой, горячий!

Михала ни на кого не смотрел: он молча ожидал новых насмешек Туси.

— Маштак, вот как пляшут наши цыганки!..—Туся свалилась возле меня на землю.

— А для кого ты плясала, дочка? — подзадоривал ее Газун.

— Маштаку угождала!

— Видишь, как тебя она уважает! — моргнул мне Газун. — А теперь ты, Маштак, спой ей хорошую песню.

Я отказывался.

— Кому-нибудь, — говорю, — не понравится моя песня.

— Ты ей будешь петь, а не ветру. Пой, велю тебе! — сжал кулак Газун и ударил о коленку.

— Ну, ладно, — согласился я. — Я спою такую песню, какую вы никогда и не слышали...

И запел я песню сибирских цыган. Слышал я ее в Тобольской губернии, когда наш табор там кочевал:

Тама лесом шол, тама бором шол.

Тама киндэём, тама мразиём.

Тама триндэвэ, тама нахаём... 1)

— Ай, молодец, ай, молодец, Маштак! — и Газун, довольный песней, снял шапку и утер ею мое лицо. — И откуда ты хорошую песню знаешь?

— Сам выдумал, — обманул я его.

— Как! Такой дурак, и песню такую наврал! — удивился он. — Да тебя в столичном городе тарелочники 2) давно ждут. Будут на твой поднос деньги бросать богачи. Ну и молодец! Чтоб твои карманы не были тощие!

Газун посмотрел на Михалу:

— А ты что глаза лупишь? Чем ты похвалишься?

— Я ему расскажу, — указал на меня рукой Михала, — как я одного генерала обманул. Проживет Маштак тысячу лет, а так не проведет, как я. Вот и посмотрим, у кого лучше похвальба.

— Смотри, Михала, не осрамись, — сказала Туся. — Засмею тебя...

— Посмотрим, кто будет смеяться, — и Михала, стуча рукой о голенище,

1) Я лесом шел, я бором шел. Я промок, я замерз. Я три дня не ел. Я на краю овражка сидел, большую думушку думал. Не знаю, куда деть свою головушку. Вот пошел дальше, вижу за лесом белеют шатры. Зашел я в крайний шатер. Вижу: сидит молодая красавица. «Прими ты меня, девица, молодого». — «Рада бы тебя принять, да боюсь соседей: меня обругают» Приведен перевод всей песни.)

2) Кочевые цыгане относились к московским цыганам-эстрадникам с презрением и дразнили их «тарелочниками»

как молотком, стал рассказывать: — Привел я однажды к одному генералу-помещику хорошего коня. Осмотрел он его, — не нравится. Привожу к нему другого, кровного — опять не нравится. А генерал был большой начальник. Имя — на всю губернию. И живот большой с красным крестом, и на шее еще крест золотой висит. Привел я тогда пьяного белого конягу: бутылку водки влил ему в горло. Понравился генералу конь. Сам он садился на него, а конь его трепал, чуть не сбросил. Говорит он мне, что конь хорош, только масть не нравится. Спрашивает, не найдется ли белый конь в яблоках — под тарантас.

«Ну, ладно, — думаю, — я ему удружу». Понял я, что он в конях плохо разбирается. Пошел я на свалку, где коней на шкуру колотят. Купил я, сказать тебе, задаром старую белую клячу. Начал ее рядить. Зубы подрезал и сажей пасть смазал. Гриву и хвост расчесал и ровно срезал. Набрал я в лесу ягод таких, в роде волчьих, и повыжимал их по всей белой шкуре. Можно сказать, барским конем стал, весь в яблоках. Влил я ему, не пожалел, две бутылки водки — взбесило его. Прет, что молодой, куда хочешь, хоть на стену! Запряг его в тарантас. Бегаёт, как беговой, и масть нравится генералу. Забрал он коня и велел своему человеку пустить в поле, в свой табун. А я отхватил две сотни и будь здоров!

— Здорово, Маштак, а? — улыбнулся Газун, поглаживая обеими руками живот. — Две сотни схватил!..

Цыгане молча поглядывали на меня. Их глаза будто говорили мне: «Вот чем может похвастаться наш Михала!»

— Ты послушай, что дальше вышло, — довольный своим рассказом продолжал Михала. — Прихожу я в табор и говорю: «Надо дальше кочевать, а то генерал закладывает». А тут дождь ливнем пошел. По грязи далеко не уедешь. Посоветовались мы и, не долго думая, порешили эту клячу увести из табуна. Пошел я на барское поле, а дождь льет, что вода в реке. Подхожу я к полю, смотрю, табун загоняют, а мой конь хуже костлявой собаки стал: с похмелья голова висит, и ноги волочит, а яблоки все дождем смылись...

Газун загоготал и хлопнул Михалу по плечу.

— Ну и Михала! Ты у меня настоящий чудесник! Как по-твоему, Маштак?

— Да, — говорю я, — здорово ты, Михала, подвел генерала! — а сам думаю: «Ну и врун ты, Михала! Ведь я сотню раз слышал эту сказку».

ворю ему, что кляча моя попала с его конями в сарай. «Иди, — говорит, — посмотри». Открыл генерал сарай, а там моя белая кляча совсем издыхает. Отдал ее, а я с ней в табор, и — будь здоров! И следа от клячи никакого не оставил.

Замелькали в пляске ноги
Туси, затряслись ее плечи...

Туся сидела скорчившись, обхватив руками колени. Она жмурила глаза от смеха. Должно быть, ее смешила не сама сказка, а как дурачил меня Михала.

— Подожди смеяться, — сказал Тусе Михала. — Прихожу я к генералу. Го-

Все засмеялись и тарасили на меня глаза, ожидая, что я скажу на его похвальбу.

— Ну, а дальше что было — спросил я спокойно Михалу. — Так и кончилась твоя история?

— Так и кончилась. А тебе мало?

— А я и не думал, что у тебя пух в голове, — говорю ему. — Хвалился, хвалился, а как после на твоей собаке генерал скакал, ты не досказал.

Все догадались, что я понял вранье Михалы, и засмеяли его, что не удалось ему провести меня.

— Ну и сказки, сын мой, веселые рассказываешь! — с насмешкой повернулся к Михале Газун. — Ну и осрамил ты себя.

— Что? Одурачил тебя Маштак! — устыдила Михалу Туся. — Я так и знала, что в дураках будешь!

Михала стоял как оплеванный и смотрел на спящих у костра ребят. Цыгане затевали песню. Подошла к Михале мать и тихо прогудела ему:

— Что ты не видишь, что они травят тебя на Маштака? — и старуха оскалилась на меня. — А ты что? Смерти ли своей смеешься?

Не стерпел я ее злости и громко спросил, чтоб слышал Михала:

— Ты мне скажи, тетя, почему твой сын мирикляй не терпит?

Соскочил с места Михала, схватил бутылку и взмахнул над головой.

— Будет по-моему! — крикнул он и, стиснув зубы, ударил сразмаху бутылкой по своей макушке, и разлетелись стекла во все стороны.

Все присмирели.

— Если знаешь про мирикля, так сам говори! — подбежал он ко мне с кулаками.

Бить бутылку о свою башку, чтоб доказать свою обиду, — такого я от него не ожидал. Газун вылупил на меня глаз, оттолкнул Михалу в грудь, и схватил меня за рукав так крепко, что затянул воротником горло, и оттащил к шатрам.

— Про какие ты спрашиваешь мирикля? — остро смотрел он на меня.

Пожав плечами, я ответил:

— Я не спрашиваю, я хочу подарить твоей дочке.

— А где ты думаешь их найти?

— Где? На базаре.

— Так ты, смотри, Маштак, чтоб я больше не слышал про них! Ступай спать! — и Газун толкнул меня коленом и хрипло крикнул галдевшим у костра цыганам:

— Довольно беситься!

Так закончилась на рассвете наша гульба.

VII. «Отпади, напасть, на чужую голову!»

Следующий день был грозный. Катился в табор издалека пушечный грохот. За рекой клубилась от сутолоки дорожная пыль: отходили в тыл обозы, а навстречу им шли к фронту красноармейские части.

Раза два в таборе появлялись конные красноармейцы. Выходил к ним навстречу Газун, снимал шапку и низко кланялся. Красноармейцы шатры осматривали, рылись в тряпках и перинах. Оставляя табор, они предупреждали Газуна, что тут стоять опасно, но он смотрел на них и жалостно говорил:

— Дорогие начальники, куда нам, несчастным цыганам, уходить? Посмотрите на наших кляч. Они издохнут, если потянут повозки.

Два новых коня — серый и вороной — уже были сделаны негодными: в копыте каждого сидела вколота иголка с ниткой. Хромые кони вместе с костлявыми клячами паслись около табора.

Газун был спокоен, что больных коней никто не отнимет. Он почему-то надеялся, что через несколько дней наступит вокруг табора тишина, и тогда будут вынуты у обоих коней иголки, и цыгане погонят их на продажу.

Со мной Газун не говорил. Он подзрительно осматривал меня с ног до головы, когда я подходил к нему. Я слышал, как он в шатре допрашивал Тусю о мириклях. Она голосила, говорила, что ни в чем не виновата. Что он хотел выведать у нее — я не мог догадаться. Я только понял, что мирикля для них что-то особенное значит.

Мне помнится один табор сибирских цыган, который приходил в ярость если услышит разговор про кошку. Они боялись сказать «мыца» (кошка), а если и случалось ее упомянуть, то называли ее с каким-то страхом «мэумытко»¹⁾. Среди них живет сказка о трех кошках. Сказку эту можно рассказывать

¹⁾ Повидимому, слово звукоподражательного характера.

только в ту ночь, когда появляется на небе новый месяц.

«Однажды темной ночью, — говорится в сказке, — упали с неба в один табор три кошки, которые пожрали нутро коней и повыцарапали глаза цыганам. После кошки поселились на берегу реки, у моста. И когда цыгане проезжают мост, кошки прыгают коню на голову и тащат его с повозкой в реку».

Чтобы не случилось нападения кошек, цыгане, пока не переедут мост, шепчут:

— Мэумытко, мэумытко, сыр прола-дача паны — дача туки балвас.¹⁾

Проехав благополучно мост, они бросают на берег куски хлеба или сала. Увидать валяющуюся у дороги дохлую кошку — предвещает несчастье. Поэтому они свертывают в сторону и едут другой дорогой.

Так и тут. Возможно, что мирикля им приносят несчастье, поэтому упоминать их нельзя. Я спросил осторожно Федука, но он ответил:

— Я с ними недавно кочую. Чего они тревожатся — не знаю.

И тут же рассказал мне Федук, что когда ложились спать, Газун подозвал к себе Михалу и, не говоря ни слова, ударил его по лицу. Михала не пикнул, а Газун ему сказал: «Ты своей горячей накликаешь нам беду!..»

Я заметил у Михалы синяк под глазом, усмехнулся:

— Кто тебе глаз покрасил?

Михала не ответил, только сплюнул со злости.

Цыгане бродили по табору сонные. Снова тошало у всех животы: от вчерашней попойки не осталось ни корки хлеба. Привычный голод не так был для них мучителен, как страшна была угроза быть убитыми, но они таили свой страх перед Газуном.

Мать Михалы сидела у остывшего костра и бормотала. Она брала на ладонь золу и сдувала ее, громко повторяя:

— Отпади напасть на чужую голову!..

Потом опять бормотала, вставала и кланялась на все четыре стороны. Го-

лодные ребята сидели смирно и наблюдали ее заклинания. Они ждали, что старуха отгонит злого духа, который грохотал в воздухе, и уприсит кого-то дать кусок хлеба. Конокрады смеются, когда цыганки ворожат на стороне за деньги, но в ту ворожбу, которую они совершают для себя, верят крепко.

Когда старуха кончила свое заклинание, она плюнула в костер и позвала:

— Цыгане, собируйтесь напасть отгонять!

Ни один не оставался в шатре. Все стояли у костра и подбирали золу в подола юбок и рубах. С гиканьем и свистом пошли гурьбой из табора. Впереди — старуха, за ней — Газун. Три раза обходили кругом табора. По очереди сыпали на землю золу, оставляя за собой узкую серую ленту. Они верили, что после этого не переступит в табор через заколдованный круг никакой злой дух. Цыгане криком и руготней отпугивали духа, а старуха гудела заговор:

— Ходишь ты, не ходишь, покажешься и пропадаешь, а свой злой глаз всюду оставляешь. В поле сидишь, в лесу сторожишь, в реке купаешься, всюду бываешь, всюду свой гнев пускаешь. Улетай ты птицей, уползай червем, уплывай рыбой в черное море-океан. Там есть земля, на земле растет золотая трава, на золотой траве стоит твой шатер, а в шатре ждет не дождется твоя жена. Говорила нам твоя жена, что у ней ключи от большой пещеры, а в пещере стоят царские кони. Уходи скорей, а не то за твои напасти пойдем мы в черное море-океан, да на твою землю, разорвем твой шатер, да утопим твою жену, возьмем твои ключи, да уведем твоих царских коней!.. Наговорная моя зола, сыпья, сыпья кругом нашего табора, сторожи наше сердце от злого глаза! Наговорная моя зола, не пускай напасти на меня!..

И все за старухой кричали один за другим:

— Не пускай напасти на меня!

Когда кончилась ворожба, развели огонь. Грелись у костра все, кроме Туси. Ее угнал Газун в шатер. Газун, куря трубку, крутил ко мне спину. Из этого всего мне стало ясно, что наше знакомство испорчено. Вины мирикля. Оставаться в таборе Газуна было

¹⁾ Кошка, кошка, как проедем реку — дадим тебе сало.

Распоролась земля, и вихрем сорвались в воздух обломки и лоскуты шатра...

опасно. Я не мог знать, что задумал против меня Газун, но, конечно, он так меня не оставит. Поэтому надо было удирать. Но куда? Я готов был вернуться на фронт, лишь бы не очутиться голодным под чистым небом. Да и время шло к зиме. Поздняя сухая осень может завтра сорваться, и хлынут холодные дожди. А о найме хаты в деревне для табора Газун и не думал. Я ломал себе голову, что заставило Газуна пригвоздить себя к этому месту. Цыгане хотя и роптали на Газуна, однако, верили его мудрости, что он сумеет избежать напасти. Но мне было ясно, что вождь или сходил с ума, или задумал что-нибудь необыкновенное. Отговорка его, будто фронт развернется за рекой, была для меня смешна. Однако мне было странно слышать это от вождя, которого я не считал дураком. Наоборот, он был по-своему, по кочевому, довольно умным, скрытным и хитрым, притом еще зверь. Я готов был прозакладывать

голову, что за ним числился не один десяток ловких грабежей и убийств.

Я решил сбежать, все равно куда, лишь бы подальше от конокрадов.

VIII. Кровь, золото и мириклѣ.

И вот в тот день, когда я собирался оставить табор, утром, еще цыгане спали, случилось страшное дело...

Чуть свет пошел я на реку за водой. Солнце сбрасывало с себя кумачовую рубаху. Холодный утренник рывками набегал с Оки, расчесывал непокорные ржавые травы, бежал в табор и трепал там рваные тряпки шатров. Он хозяйничал и в березняке: порыжелые листья шипели, будто березняк поджаривался на огромной сковородке. Вышел я на тропинку с полным ведром. До табора оставалось дойти на бросок камня, как вдруг над головой засверлил снаряд, да как грохнет в таборе!.. Распоролась земля, и вихрем сорвались в воздух обломки и лоскуты шатра с черной гущей дыма и комьев чернозема. Коленки у меня

подогнулись; уронил я ведро наземь. Комья земли и куски человеческого мяса сыпались сверху... Весь я был забрызган кровью. Долго не мог я сдвинуться с места...

Проснувшиеся от грохота цыгане сорвались с перин и неслись, как сумасшедшие, в рошу. Испуганные кони бешено ковыляли кто-куда.

Я еле приволок ноги к табору и обомлел... На месте шатра Газуна была кровавая яма. Из распоротых перин ветром выдувало пух, и он разлетался и метался по полю, как вьюжный снег. Все было исковеркано, порвано, сломано на кусочки...

Я не верил глазам: чтоб снаряд мог вырвать воза два земли! Присмотревшись в глубину ямы, я увидел следы стенок давно зарытого большого сундука. На дне его лежало взрытое, окропленное свежей кровью и засоренное сочной черной землей богатство Газуна: яркие цветные шелка и дорогие материи, золотые и серебряные вещи, пачки кредиток, николаевские золотые десятки и пятерки... и еще... и еще разные вещи.

Меня удивило такое богатство. Тут же ужаснулся я изуродованным трупам Газуна и Туси. Без рук и ног тело Газуна, будто живое, ползло с края ямы вниз и давило животом на оторванную голову Туси, всю опутанную ее черными жирными волосами. Единственный глаз Газуна вытек. Вместо глаза глядела на меня жуткая дырка. Я отшатнулся. Под ногами хрустнуло... Я наступил на мирикля. Янтарная дробь их была в крови. Их выбросило взрывом из сундука вместе с драгоценностями, которые валялись вокруг.

«Вот за какие мирикля горячился Михала!» — подумал я и с ужасом взглянул на изуродованное лицо Туси, которое уже придавилось на дне ямы к золоту и серебру туловищем Газуна.

Я уже хотел наклониться и поднять мирикля, как снова засюсюкал в воздухе снаряд, и я что было духу побежал из табора...

Белые не щадили табор. Они сыпали один за другим снаряды... Нет, я не могу больше говорить. Дрожь берет меня от этого кошмара...

IX. Тайна Газуна.

Эстрадники ждали продолжения от Маштака, но он беспокойно шагал из угла в угол и дымил папиросой.

— Вот и сейчас словно жгут меня мертвые глаза Туси. — Маштак остановился, чтобы перевести дух, и щелкнул пальцами. — Что ни сон, все мирикля в крови вижу...

— Маштак! — сказал один из слушавших его рассказ. — Ты много наговорил, что мы и без тебя давно знаем, перескакивал с одного на другое, а что за такие Тусины мирикля были и почему так эти мирикля пугали всех — ты не сказал.

— Откуда ему знать! — махнул рукой Федук. — Он сам до сих пор не знает, в чем дело. Ведь он после взрыва удрал из табора, а я остался.

— Заколдовали, что ли, их на мириклях? — засмеялись эстрадники.

— Нет, не заколдовали, — сказал Федук, — а так, полевая дурость Газуна, да свое богатство скрывал он. Скажу вам, что у меня столько волос нет на голове, сколько у бессарабских конокрадов законов. Вот, хотя бы, скажем, надо коня вести на продажу. Сядет цыган на коня, и если конь сразу побежит из табора, выходит по их закону — продан будет, а если головой мотает, да во все стороны бросается, да из табора не идет, ну, тогда до следующего базара коня будут держать. С гвоздя кнут упадет наземь, — значит, говорят они, убытка жди. Трефонный король из колоды карт утерется — в тюрьму цыган угодит. Три года с ними кочевал, я их хорошо знаю.

Так скажу вам про мирикля! Я, как и Маштак, не догадывался тогда, почему такая горячка напала на Газуна и Михалу. Да и все цыгане не понимали в чем дело. Знали все, что Газун берег свою дочку для Михалы. Газун хотел, чтобы зять его был такой же вороватый, как он. А богач он был крупный. Никто бы не поверил, глядя на его рваную рубашку, что он имел на сто тысяч богатства. Ну, так вот, узнал Газун, что коммунисты бедняков с богачами уравнивают, забеспокоился за свое богатство. И когда по случаю войны застрял

Газун на стоянке в Орловской губернии, выкопал он яму в своем шатре, спустил туда сундук с богатством и засыпал его.

— Ну, а Михала знал про сундук? —

— Вот я к тому и подхожу. Разъясно я еще, чтобы было вам понятно, про клад и про находку. Найдет цыган клад или находку и скажет об этом двум человекам, с кем согласен делиться, но чтобы трое знали тайну, не больше и не меньше. Такой закон у них. То же самое бывает, когда прячут в землю свое добро. Трое будут знать про это, не то чужой глаз уворует. Открылся мне и нашим цыганам во всем Михала в тот день, когда разоренное богатство Газуна собирал. Дело было так. Стал Газун хоронить свое добро в земле и сказал он Михале и Тусе: «Объясняюсь я перед вами, захоронил я в земле свои пожитки. Злые глаза большевиков попортили богатство князей и помещиков, а узнают про мои железки и тряпки, не пожалеют они старого бедняка Газуна и отберут мои пожитки. Сердце наше скрытое никому не скажет про наше добро».

Повыдрали они, чтобы было родное молчание, друг у друга из головы по волосу, поцеловались, и Газун сказал еще Михале: «Вижу я, что ты золотой цыган. Много лет любовался я тобой и теперь доверился тебе. Лежат еще в за-

рытом сундуке моего деда счастливые мирикля, отдам я тебе их вместе с дочкой, когда кончится несчастная война». Вот теперь и понимаете, почему они горячились. Маштак, ничего не думая, просто с ветру сказал про мирикля, а они подумали, что он откуда-то знает про спрятанный сундук. Видите, какое тут дело! Говорил мне тогда Михала, что Газун—ой, как зло острил глаз на тебя...

— Но я тоже был тогда зубастый волк, — сказал Маштак. — Куда же девался Михала с этими несчастными мириклями. Должно быть, кочует и «скамейки делает» ¹⁾?

— В земле скамейками занимается! — засмеялся Федук, потом вздохнул. — Михалу и мать его в роще на другой день после той напасти на суку повесили. Прискакали белые, обыскали табор и нашли у Михалы все золото Газуна. Он и старуха, как кошки—отбивались, но не отдавали, а белые набросили на них арканы и вытянули им языки... Вот как...

В комнате стояло молчание. Табачный дым изгибался сизыми пластами, туманил свет электрической лампочки. Жуткая таборная история легла бледностью на лица эстрадников. В раскрытое окно шел вечерний шелест деревьев.

¹⁾ Ворует коней (на жаргоне конокрадов).

**РЕДАКТОР ЦЫГАНСКОГО ЖУРНАЛА «РОМАНЫ ЗОРЯ».
ПО ПОВОДУ РАССКАЗА «БЕССЧАСТНЫЕ МИРИКЛЯ»:**

Ценность рассказа А. Германа заключается в том, что он вскрывает правдивую, без всяких романтических прикрас, неприглядную картину жизни кочевых цыган. Авторизобразил быт и нравы полевой жизни в наши дни, когда вековые устои цыган рушатся. Между прочим, автор заставляет изменить ложное представление о цыганах, как о племени, которое занимается исключительно нетрудовыми промыслами: на ряду с показом типов конокрадов, автор касается жизни кочевых труженников-кустарей.

С первых дней Октябрьской революции советская власть, освободившая отсталые народы СССР, поставила перед собою заботу о приобщении цыган к трудовому организованному населению и о вовлечении их в производство и строительство социалистического общества. Одним из мероприятий советской власти является землеустройство цыган. 20 февраля 1928 года было издано постано-

вление ВЦИК'а и СНК РСФСР о наделении землей цыган, переходящих к трудовому оседлому образу жизни.

И теперь мы видим небывалый сдвиг в истории цыганской народности. Во многих районах СССР уже осело на землю большое количество цыган. Выросли уже даже десятки цыганских колхозов. Цыган, покинувших таборы, можно встретить у станка на фабрике и за учебной на рабфаках. Цыганский молодец уходит из табора. Старый уклад кочевой жизни рушится. И этот отживающий старый уклад кочевой жизни цыган верно, художественно-правдиво и впервые в советской литературе дал в рассказе «Бессчастные мирикля» тов. А. Герман.

Рассказ этот прочтется с интересом не только широкой читающей массой, но и горьковскими цыганами, давно порвавшими связь с кочевниками.

Андр. Таранов.

Этнографический рассказ

Рисунки худ. П. Старонова

Автором настоящего рассказа, присланного на литконкурс «Всемирного Следопыта» 1928 года под девизом «20102 / 21342», оказался Александр Михайлович Линеvский (из Ленинграда). Рассказ получил IV премию—250 руб.

Герберт Уэллс в своем романе „Машина времени“ хотел сказать, что человечество, преодолев пространство во времени (скорость аэроплана—300 километров в час), сможет в будущем преодолеть и время в его пространстве. Советская политика по отношению к национальным меньшинствам разрешила эту проблему, создавая в несколько лет из полудиких выходцев северных окраин—культурных работников. „... Я счастлив, что наконец-то, через сорок лет, исполнилась мечта моей жизни. Выходцы из чукчей, гыляков, тунгусов и прочих „дикарей“ (по царской терминологии) теперь, в советское время, превращаются в источники культурной силы!“—так закончил свою речь на одном из заседаний Северного Комитета проф. В. Г. Тан-Богораз.

I. «Дома из хлеба».

К лопарям Никольского погоста лет двадцать назад пришел неизвестно откуда самоед, еле живой от голода и усталости. Он прижился в погосте и вскоре даже женился на лопарке, войдя в дом одного бедного лопаря. Через некоторое время эпидемия скосила всю семью; остался один мальчик, сын самоеда и лопарки, по имени Вылко, которого приютили зажиточные соседи, у которых были свои дети.

Лет с двенадцати Вылко стал работать. Дело было не сложное: мальчика учили рыбачить, разыскивать и сгонять в одно место оленей, ставить силки на дичь и пушного зверя. Такая работа современем сделала бы из Вылки истинного лопаря.

Но случилось иначе. Однажды пошел Вылко со своими сверстниками в лес сгонять оленей. В болтовне, между прочим, сын председателя сельсовета упомянул, что его отец получил приказ

сообщить в волисполком, кто из молодежи поедет учиться в далекий город.

— Пустое!—сказал самый старший из мальчиков.— Отец говорит, в городе люди живут как связанные на убой олени.

Все мальчики высказались о городе весьма неодобрительно. Вскоре они разбрелись по лесу. Одному Вылке запали в голову слова об учении. Жизнь в чужой семье не связывала заботами Вылку. Терять ему было нечего, а приобретать—много. Поэтому, вернувшись домой, он заявил приемному отцу—Никау (Николаю)—о своем намерении ехать учиться в город.

Приземистый лопарь с узкими слезящимися глазами быстро залопотал, размахивая руками; в пылу красноречия он то отскакивал от Вылки, то наступал на него. Дело в том, что Никау принял сообщение о наборе желающих учиться за новую обязательную разверстку—в роде сбора оленей. Когда года четыре назад белые наложили разверстку на беговых оленей, Никау пришлось поче-

му-то отдать больше всех оленей. Помня это он был уверен, что и теперь у него уведут кого-нибудь из его детей. Он с жаром ухватился за мысль сплавить Вылку и спасти тем самым одного из своих сыновей.

Дрожа от волнения, Никау напрягал все свое воображение, чтобы соблазнить Вылку. И чего-чего не наговорил детолюбивый отец! И стены домов из хлеба, и кучи оленьих мозгов на полу, и крыши из сушеной рыбы!.. Много чудес насказал старик про город и, чтобы окончательно убедить Вылку, притащил груды сушеной рыбы и мяса на дорогу. Вылко, чей желудок никогда не ощущал той пресыщенности, о которой мечтают лопари в сказках, решил ехать.

II. Ночные чары и «дух-покровитель».

Перед уходом из селения Вылко зашел к своему другу, который когда-то был колдуном, но затем от цынки потерял все зубы. Известно, что колдуны, потеряв зубы, вместе с тем лишаются и колдовской силы. Бывший колдун жил в бедноте, придавленный всеобщим презрением. Один Вылко время от времени навещал колдуна. Рассказав ему о своем желании уехать, Вылко сильно огорчил старика.

— Трудно узнать, трудно понять. Твой отец, Вылко, был чужого племени, из далекой стороны. Пойдем, спросим у ветра!

Через час приятели дошли до высокой горы с лысой гранитной вершиной. Поднялись. Колдун тихо шепнул:

— Твое счастье, тебе польза — ветер дует туда, откуда пришел твой отец.

И что-то забормотал, визгливо растягивая слова. Вылко почти ничего не мог понять. Старик оживился от собственных выкриков, высоко подсказывал, перебирая ногами; наконец, с судорожно сжатými у груди руками начал быстро носить по вершине скалы, оставаясь лицом к востоку, куда дул ветер...

Наступила ночь, тихая, темная, с редкими крупными звездами. Затих ветер, умолк и колдун. Сел скорчившись, прижав подбородок к коленям. Вылко, никогда не видевший такого колдовства, понимал, что надо молчать и ни о чем

не спрашивать старика. Повеял ветерок, стал быстро крепчать. Не прошло и десяти минут, как разразилась буря. Свист и вой ветра, многоголосое эхо, стон деревьев слились в сплошной грохот...

Буря начала стихать. Колдун попрежнему неподвижно сидел; издали он казался Вылке огромным черным камнем. Взошло солнце и, когда оно озарило долину жидким золотом холодных лучей, старик встал и, глядя пустыми, словно невидящими глазами на Вылку, сказал каким-то чужим голосом:

— Иди! Иди! Они уберегут тебя!.. Велели мне помочь тебе...

Дома колдун дал Вылке зуб, коготь и высушенное сердце медведя. «Духа-покровителя» он велел Вылке сделать самому.

Получив от председателя сельского совета сопроводительную бумажку и ни с кем не простившись, Вылко захватил полученные от Никау припасы и отправился в село, где находился волисполком. Войдя в накуренное помещение, битком набитое людьми, Вылко сел на лавку и начал размышлять, как ему изложить сущность своего дела. Задача была не легкая: ведь Вылко даже не знал, в какой город ехать, где и чему учиться. Самое слово «учиться» Вылко понимал лишь в смысле — получить навык в плетении сетей или настораживании силков...

Наконец Вылко увидел сотрудника волисполкома, своего односельчанина. Сотрудник подошел к Вылке, который держал наготове бумажку, полученную от сельского начальника. Прочитав бумажку, он потер затылок и начал копаться в папках. Вылку обступили служащие волисполкома. Один из них стал задавать ему вопросы: «Кто? Откуда? Сколько лет? Кто отец? Чем занимался?» и т. д.

Немного смог ответить Вылко на эти вопросы. По поводу одного из пунктов анкеты между служащими возник спор, и они пошли в другую комнату для справки.

У Вылки мелькнула мысль, что бумага, которую разыскал в папке и читал служащий, предназначена для него судьбой. Почему-то вспомнились слова колдуна о том, что он сам должен сделать себе «духа-покровителя». У старых лопарей

и женщин Вылке не раз случалось видеть такого рода «сокровища». Это были камешки, деревяшки или косточки какого-нибудь животного. Вспыхнула уверенность, что эта бумага принесет ему больше пользы, чем любой камешек или корешок. Вылко быстро вырвал могущественный листок из дела и, сунув его за пазуху, вышел из вика.

Ругань служащих, не нашедших ни Вылки, ни бумаги, была весьма обильна. Послали в сельсовет погоста Никольского запрос о преступнике и строгий приказ разыскать его. Но виновного и след простыл!..

III. Лесные напасти.

Бодро шагал Вылко по лесу, обеспеченный добрым запасом рыбы и мяса и защищенный ото всех бед, какие могли встретиться в лесу, собственным «духом-покровителем» — бумажкой из папки вика.

Вылко шел все время на восток. Как житель лесов, он не терял правильного направления. Болота обходил, лесные речки переплывал нагишом, положив одежду на плотик из сухих сучьев; ложился спать, когда темнело, вставал с солнцем и ел, как олень, на ходу.

В лесу не было ни комаров, ни оводов, так как за жаркое лето болота подсохли. Вылко шел бодро, не боясь грозы леса — медведя, жиревшего на сладкой чернике и грибах.

Однажды Вылко запнулся за пень и упал на землю. Упираясь в землю руками, чтобы подняться, он с ужасом заметил, что его рука лежит на свежем медвежьем следу. Вскочив на ноги, он увидел, что два следа стерты его телом. Это была беда! По понятиям лопарей, а также самоедов и других северных народностей, след тесно связан с тем, кто его сделал. Потревожив след, Вылко тем самым обижал и дразнил медведя. «За это, — говорили старики, — медведь может напасть и разорвать обидчика».

Но Вылко не даром дружил с колдуном: он тотчас же вынул коготь и зуб медведя и, обводя ими вокруг своих следов, тихо шептал:

— Ты один, а нас двое. Ты — сила, а нас — две силы!..

Для Вылки, как и для всякого лопаря, было ясно, что один медведь побойится напасть на две «силы». Обезопасив себя колдовством, Вылко спокойно продолжал свой путь.

Дойдя до быстрой речки, Вылко увидел запруды и верши, опущенные в воду. Они оказались битком набитыми рыбой, давно протухшей; от многих рыб остались лишь кости. Осмотр вершей показал, что их плели слабые, но опытные руки. Через несколько минут Вылко очутился возле жалкого шалаша, сделанного из толстого жердняка. Внутри шалаша лежал труп старика с чернеющими глазницами и оскаленным беззубым ртом. Обглоданные мягкие части лица и тела, кусочки одежды, растащенные в разные стороны, — все говорило о характере смерти старика. У лопарей, так же, как и у других кочевых народностей Севера, существовал прежде обычай, чтобы дряхлые старики уходили от семьи в глушь лесов, где рано или поздно они падали от слабости и умирали с голода или в когтях диких зверей. Повидимому, такая именно участь и постигла этого старика...

Вылку пугала не жестокость обычая; страшно было то, что «дух» старика, голодный, всеми покинутый и забытый, мог накинуться на пришельца. Вылко быстро убежал, не оглядываясь назад; на лесной поляне он развел костер, кинул в него кусочек медвежьего сердца, разделся и долго перепрыгивал через огонь, следя, чтобы дым прошел по всему телу и по всей одежде и очистил его от «духа». Затем потряс одежду над дымом и, одев ее, поспешно зашагал от этого мрачного места.

Этот случай оставил в нем ощущение смутного беспокойства. Перед тем, как лечь спать, он несколько раз перепрыгнул через костер, шепча:

— Ты человек, а я «старик»¹⁾. Если ты не уйдешь от меня, то я тебя съем.

Хотя Вылко и был убежден, что встреча с мертвецом ему даром не пройдет и случится какая-нибудь беда, однако, ничего худого не вышло. Прошагав еще два дня, Вылко решил, что он сильнее

¹⁾ «Стариком» лопари называют медведя.

покойника и сумел хорошенько отпугнуть его.

Третье происшествие было еще ужаснее. Однажды на берегу бурливой речки Вылко увидел «сейта». Это было лопарское святилище: круглая площадка, на ней высокий тонкий камень, слегка напоминающий фигуру человека. Кругом — кучки позеленевших, сгнивших оленьих рогов: остатки жертв суеверия. Свежих рогов не было, люди, для которых это место было святилищем, повидимому, все вымерли. Иначе они не оставили бы своего предка-покровителя «голодать» без жертв.

Вылко с замиранием сердца подумал, что голодный дух «сейта» приманил его к себе, чтобы получить от него жертву. Кинув «сейту» кусок оленины, Вылко обошел вокруг святилища и стал, медленно птясь, удаляться. Это было сделано с целью обмануть духа, который начал бы кружить по следу и не пошел бы за Вылкой. Ведь след говорил, что Вылко шел прямо к духу.

В эту ночь Вылко разложил на земле кольцо ветки; встав внутри, он развел огонь и внимательно следил, чтобы сгорело все кольцо из сучьев. Затем, потеряв себя своим «духом-покровителем», Вылко лег и заснул мертвым сном.

Сухая холодная погода давала возможность быстро и без усталости проходить большие расстояния. Вылко не знал, сколько времени надо было идти, но помнил, что, прежде чем земля окончится (то-есть до берега океана), он найдет два железных бревна, у которых нет ни конца, ни начала, и по ним то в бегающих домах придет к большому городу. Уже целую неделю шел Вылко по лесу. Запаса пищи оставалось всего на два дня.

Было важно узнать, сколько дней пути ему осталось. Колдун, прощаясь с Вылкой, обещал в трудную минуту явиться ему на помощь в виде черного ворона. Поэтому Вылко, дойдя до высокой лесистой горы, дождался нужного ветра и не поленился взобраться на гору. По-

Внутри шалаша лежал труп старика с чернеющими глазами...

вернувшись лицом в сторону, откуда дул ветер, Вылко стал шептать свои призывы. Он долго бормотал, ожидая, что с нужной стороны прилетит черный ворон. Три раза над его головой пролетали черные вороны, но все с другой стороны. Вылко провожал их обиженным взглядом и снова уныло шептал свои просьбы.

Наконец, часа через три судьба жалилась над Вылкой: с нужной стороны появилась ворона и, лениво каркая, пролетела дальше. Вылко с испуганным лицом прижимал один за другим пальцы к ладони. Пальцев не хватило, так много

накаркала ворона! Бледный от ужаса, глядел Вылко ей вслед.

— Не может быть, чтобы было так много дней пути! — внезапно засмеялся он. — Ведь ворона — не ворон!

Пошел дождь, пришлось бегом спуститься с горы и спрятаться под корни полуповаленной ели. Пока шел дождь, Вылко благополучно разрешил задачу, почему колдун не явился к нему: вероятно, гора населена «духами», враждебными колдуну. Это объяснение успокоило Вылку, и вскоре он бодро зашагал по лесу.

IV. «Заяц» поневоле.

На следующий день к вечеру Вылко благополучно вышел на железнодорожный путь. Холодным блеском отливали бесконечные рельсы. Вылко сразу остановился, догадавшись, что это и есть «железные бревна».

Густели сумерки. Внезапно рельсы начали что-то тихонько напевать, затем все громче и отчетливее стало стучать где-то совсем близко. Вылко, спокойно сидевший на рельсе, вскочил и, схватив свой мешок, скатился с насыпи в кусты.

Грохот сделался оглушительным, что-то сверкнуло — и мимо Вылки бешено промчался ярко освещенный поезд. Испуганный, дрожащий Вылко не скоро вылез из кустов. Он понял, что в этих бегущих домах ему надо ехать, однако, они не остановились и не взяли его...

Печально побрел Вылко в ту сторону, куда пошел поезд. Вскоре он добрался до станции, где в серых сумерках светел паровоз, передвигавший вагоны, и стрелой понесся на станцию, где виднелось много народа. Толпа начала суетливо размещаться по вагонам. Вместе с другими влез в вагон и Вылко.

Вылко и не подозревал, как трудно проехать без денег. Пассажиры разместились, а Вылко остался без места. Все сидели, поэтому ему показалось неприличным стоять. Он принялась уныло слоняться из одного конца вагона в другой, стараясь где-нибудь присесть.

Наконец он кое-как уселся. Пожилой пассажир обратился к нему с расспросами. Видя, что все смотрят на него, Вылко сконфузился и сказал по-лопарски:

— Я еду в город и буду мудрым человеком.

Никто не понял его: кто-то пустил про него шутку. Затем пассажиры стали поудобнее размещаться на ночь. В вагоне начало стихать, как вдруг хлопнула дверь, вошли люди и послышалось:

— Приготовьте билеты, граждане!

И затем выкрики:

— Ваш билет... На кого второй билет?

Очередь дошла и до отделения, где сидел Вылко. На вопрос контролера Вылко молча посмотрел и не шевельнулся. Один из пассажиров объяснил контролеру, что Вылко не говорит по-русски. Контролер стал мимикой показывать, что ему нужно, но напрасно: Вылко ничего не понимал.

Проводник, на долю которого выпал ряд сердитых взглядов контролера, попытался стащить Вылку с места. Вылко взвизгнул, укусил его за руку и быстро-быстро заговорил, угрожающе размахивая руками. Ему казалось, что его хотят обидеть, и он голосом, словами и движениями старался показать, что не даст себя в обиду.

Сбежалась со всего вагона публика. Какой-то старик, судя по виду, торговец, объяснил Вылке по-лопарски, что надо дать билет и тогда никто его не тронет. У Вылки не было ни билета, ни денег.

Контролер с проводником ушли. Публика, ожидавшая интересного происшествия, разочарованно разошлась по местам. Все спали, когда поезд подошел к станции. Задремавшего Вылку разбудил пинок. Перед ним стояли контролер и проводник.

Старика, знавшего по-лопарски, не было. Вылко не понимал требования выйти из вагона. Он пытался кричать, пугая своих врагов и голосом и движениями. Это не понравилось незнакомцам, и проводник схватил его за руку, чтобы вытащить из вагона. Вылко, цепляясь за что попало, поднял вой. Так воют волки в голодную пору.

Испуганное лицо парня разжалобило многих пассажиров. На кондуктора посыпался ряд попреков. Кто-то сумел задеть его за большую струнку; кондуктор выпустил руку Вылки, начал с жаром объяснять свои права и обязанности.

Вылко, почувствовав себя на свободе, юркнул в толпу пассажиров. Какой-то парень схватил его за руку и с улыбкой толкнул под лавку. Вылко понял его и мышью скользнул за большую корзину. В это время поезд тихо двинулся, и проводник, уверенный, что Вылко убежал из поезда, вышел из вагона.

V. Заступник с красным значком.

Наступила ночь. Вагон затих. Уснул под лавкой и Вылко. Во время сна сначала одна, затем другая его нога вылезли из-под лавки. Под утро проходивший проводник, ругаясь, потащил предательские ноги из их убежища. Вслед за ногами появилось туловище и, наконец, голова обалдевшего от испуга, еще не окончательно проснувшегося Вылки.

Он снова поднял вой. Пассажиры проснулись. Какой-то молодой краснощекий парень с белыми зубами вступил в энергичные переговоры с проводником. Самый убедительный аргумент его состоял в том, что Вылке будто бы осталось ехать

до Ленинграда лишь около ста километров, а проехал он больше тысячи. Ведь ему же, проводнику, нагорит за это. Лучше молчать и не поднимать истории, а билет парень обещался купить.

Проводник, потоптавшись на месте, ушел. Вылко догадался, что парень помог ему и прогнал сердитого человека. Чтобы сделать приятное парню, Вылко вынул своего «духа-покровителя» и потер им руки и лицо парня, как это де-

Кинув сейту кусок оленины, Вылко обошел вокруг святилища...

лал его приятель-колдун, желая кого-нибудь отблагодарить за добро.

Удивленный парень схватил бумажку и мигом пробежал напечатанную на ней инструкцию. Затем он что-то крикнул. Прибежало несколько человек. Выслушав инструкцию, они стали жать руку Вылки и знаками показывать, что одобряют его.

Вылко многого не понял. Одно было ему ясно, что он попал в круг друзей. Парень отдал ему бумажку и ткнул Вылко в грудь, затем себя — в красный флажок с белыми буквами «КИМ» и, наконец, в свою фуражку со значком вуза. Этим он хотел сказать, что Вылко через КИМ сделается ученым человеком. Вылко понял по-своему, — что парень любит его и будет оберегать от напастей.

Ребята с такими же значками на груди, как заступник Вылки, принесли еды, и каждый старался угостить будущего студента. Радуюсь, что нашел друзей, Вылко уплетал за обе щеки и весьма выразительно показывал знаками, что ему особенно по вкусу. В колбасе попался перец, обжегший язык Вылке. С отчаянной гримасой лопарь выплюнул кусок колбасы и долго тер пальцами высунутый язык. Глядя на него, комсомольцы бурно хохотали.

Белозубый парень объяснил, что Вылко едет в Ленинград учиться, что денег, повидимому, у него нет, а билет купить нужно, иначе его прогонят с поезда. Молодой лопарь вызвал всеобщее сочувствие. Кто дал полтинник, кто — рубль, иные — двугривенный, и на первой же станции билет был торжественно вручен Вылке. Больше недоразумений с контролем не было.

Прошли вторые сутки. Наступило серое утро. Пассажиры завозились, начали связывать вещи и поспешно одеваться. Комсомолец знаками показывал Вылке, чтобы он держался рядом с ним. Наконец поезд остановился, и из вагона потянулась вереница пассажиров. Вышли и комсомольцы с Вылкой. Их живо подхватила толпа и понесла по перрону. Сквозь человеческий поток грузно пробивались носильщики с вещами и тележки с багажом.

Гора вещей, катившаяся прямо на Вылку, заставила его испуганно отскокить к стене; за первой тележкой по-

казалась вторая, третья... Минута — и Вылко очутился среди незнакомых людей. Он бросился вперед, но и там все чужие, кинулся назад — везде незнакомые лица.

Ребята спохватились только у выхода. Их поиски были напрасны, так как в это время Вылко, как заяц, улепетывал между пустыми вагонами от железнодорожников, принявших его за беспризорного.

Комсомольцы, напрасно проискав Вылку и поругивая себя за ротозейство, разъехались на трамваях в разные стороны.

VI. «Дух-покровитель» выручает Вылку.

Медленно проходил Вылко одну за другой улицы Ленинграда. Уже стемнело, когда он добрался до Октябрьского вокзала, на котором утром потерял своих надежных друзей. Чернеющей громадой высился памятник Александру III на фоне сверкающих огней домов. Вокруг него крутились залитые огнем трамваи, громыхали ломовики, двигались пешеходы. Вылко решил, что грузный всадник на коне — бог города. Он перелез через ограду и положил к подножию гранитного цоколя последний кусочек белой булки, случайно оставшийся у него в кармане от комсомольского угощения.

— О, дух города! — шептали его пересохшие губы. — Верни мне моих друзей!..

Жутко было Вылке на улицах утонувшего в ночи города. На Лиговке шмыгали вдоль стен подозрительные тени, слышался хриплый смех, ругательства... Вылко скорее чувствовал, чем понимал, что от этих людей ему не получить помощи. Он побрел дальше и, спустившись на берег канала, заснул в небольшой яме, уже сотни раз дававшей приют беспризорным.

Проснувшись утром от жужжания трамвайных звонков, Вылко снова пошел к памятнику, которому накануне принес свою посильную жертву... Перед ним тянулась широкая улица, по которой двигался поток людей. Вылко подумал, что, если он пойдет по тем дорогам, где много людей, ему легче будет найти своих друзей.

Лениво каркая, пролетела ворона... Бледный от ужаса Вылко глядел ей вслед...

Долго шел Вылко прямой, словно по нитке проведенной улицей; дошел до сада и перешел через ог-

лоса сразу напомнили Вылке потерянных друзей.

Вылко робко вошел в ворота и пополз вдоль стены. Войти в дверь он не осмелился. Внезапно в другую дверь, куда также устремлялся молодежь, проскользнул парень, похожий на его заступника.

— Друг! друг! — закричал Вылко, но фигура уже исчезла за дверью.

Вылко в один прыжок был у двери, распахнул ее и очутился в передней. Кругом сновали люди. Одни поднимались по лестнице, другие шли направо, в новую дверь.

Расталкивая всех, Вылко ринулся в эту дверь и очутился в большой комнате. Там было людно и дымно от папирос. В одну из боковых комнат входили лишь те, кто имел на груди красный флажок. Вылко, боясь снова пропустить своего защитника, влетел в комнату, остановился посредине и стал внимательно рассматривать лица.

Председатель собрания замолк, удивленно глядя на лопаря. Вылко ничуть не смутился тем, что все взоры устремились на него, щупал глазами лица и тихо повторял:

— Друг! друг!..

Один из сидевших за столом задал ему какой-то вопрос. Вылко упорно молчал, пытаясь разыскать среди десятков лиц хотя бы одно знакомое.

К лопарю подошел кто-то черный, в очках, жутко блестящих, и сердито спросил его о чем-то. Опасаясь, что его прогонят, Вылко быстро-быстро заговорил по-лопарски. С жаром размахивал он руками, стараясь жестами пояснить свои слова. Он рассказывал о том, как его хотели вытолкать из вагона, как новый друг помог ему. Все присутствовавшие смотрели на него, стараясь хоть что-нибудь понять.

ромный величественный мост. Напряженно всматривался он в лица прохожих: нет ли среди них его друзей с белыми значками на красном флажке?

Пройдя мост, Вылко заметил, что множество молодежи движется налево. Вместе с молодежью Вылко дошел до высокого, красного с белым, здания. В узкие ворота веселым потоком вливались молодые здоровые люди. Их смех и го-

Наконец Вылко дошел до того момента, когда он потерял друга своим «духом-покровителем». Иллюстрируя рассказ, он выхватил из-за пазухи бумажку, подскочил к стоявшему рядом с ним парню и начал бумажкой тереть ему лицо. Тот от неожиданности отшатнулся и, ничего не понимая, попятился назад.

На мгновение ребята остолбенели от изумления, затем, как по команде, захохотали, глядя, как пятился комсомолец, а на него наседали Вылко со своею бумажкой.

Продолжая свой рассказ, Вылко развернул бумажку и стал ее подносить к носу обалдевшего от неожиданности человека в очках. Кто-то выхватил у него бумажку и начал читать ее вслух. Вскоре один из присутствовавших крикнул:

— Ребята! Да ведь это будущий студент Северного рабфака!

В комнате поднялся шум, все столпились вокруг Вылки, стараясь разглядеть невиданного выходца с окраин Союза. Тотчас же поручили одному из комсомольцев провести Вылку в этнографический музей Академии Наук к профессору Б.

Скоро Вылко очутился в огромном здании. В обширных залах в застекленных шкафах неподвижно стояли представители различных народностей СССР в их обычной обстановке. Там был и остяк, и самоед, и гольд, и многие другие. В других залах можно было увидеть индейцев, негров, австралийцев — словом, народы всего мира были представлены в этом чудесном здании.

В небольшом кабинете, возвратясь с лекций из университета, сидел профессор Б. — один из организаторов единственной в мире школы — Рабфака Северных Народностей.

Быстро донеслось до профессора известие, что ведут студента на Севфак. На вопрос: «Какой народности» последовал ответ: «Неизвестной».

Долго пришлось ему ждать «студента неизвестной национальности». Не дождавшись, проф. Б. сам отправился разыскивать новичка.

Оказалось, Вылко задержался у витрин. Пока проходили мимо незнакомых ему вогул и остяков, Вылко с интересом

смотрел, перебегая от витрины к витрине. Но когда подошли к витрине с лопарями, то чуть не разразилась катастрофа... Вылко, забыв обо всем на свете от радости, стал ломиться в стекла... Он кричал и неистово размахивал руками. Как потом выяснилось, один предмет висел не так, как следует, или не так, как хотел Вылко. Тихие залы музея огласились дикими криками. Сбежавшиеся служители стояли и ахали:

— Ой, разобьет!.. Как пить дать, расквасит!..

Один из присутствовавших кое-как объяснился с Вылкой. Пришлось уступить его натиску и перевесить вещь по его указаниям.

Так состоялось первое знакомство культурного мира с выходцем из дебрей Кольского полуострова.

VII. В общезнании Севрабфака.

Существует в Ленинграде единственный в мире «живой музей», где самоед пьет чай рядом с гольдом, а лопарь — с тунгусом. У некоторых рабфаковцев деды, не зная железа, употребляли орудия из кости, подобно людям каменного века.

В эту-то школу и попал к вечеру памятного ему дня молодой лопарь Вылко. Стрижка волос, ванна, чистое белье и платье, по которому не ползают надоедливые насекомые, отдельная кровать с простынями — все это разом свалилось на Вылку, как из волшебного рога изобилия.

Впрочем, Вылко ничему не удивлялся. Ведь приемный отец Никау на прощание говорил ему:

«Стены в городе из хлеба, а на полу лежат кучи оленьих мозгов. Люди не работают, только сидят да едят, а их кормят за то, что они колдуны и посылают во все стороны заклинания. Поэтому их все боятся, и они имеют много-много пищи»...

Нелегко далось Вылке приобщение к культуре. Ныли затылок и бока, так как вначале ему случалось раза два в ночь слетать с кровати на пол. Оказалось, спать на кровати — не такое-то легкое дело. Порядок питания был также непривычен для Вылки: брюхо нико-

гда не было тугим, как горшок, и вместе с тем никогда не сосало под ложечкой, — кормили и утром, и днем, и вечером.

Первые дни прошли для Вылки незаметно. Регламент общежития и начатки культуры целиком занимали его голову. Когда, например, Вылко умывался, он старался мыться как можно тщательнее, чтобы не запачкать белого полотенца (дома он вытирался стружками); когда обедал, старательно доедал все блюда, чтобы в будущем не получить меньшей порции..

Но прошла неделя, другая, и жизнь Вылки потекла монотонно; все было известно, понятно, заключено в строгие рамки. Создавались привычки элементарных правил общежития. Но зато мало-помалу в сердце стала вползать тоска по прежней жизни. Потом стали делаться ненавистными стены, чистая постель, еда, даже товарищи...

VIII. «Снег! Снег!..»

Однажды, проснувшись, Вылко увидел, что крыши и улицы покрыты снегом.

— Снег! Снег! — шептал он с загоревшимися глазами.

К нему стали подходить другие, и все, прижавшись к стеклам, молча и жадно смотрели на снег. Каждый мысленно видел родные сцены недавнего прошлого. В тот день многие северяне были рассеянны.

После обеда, не сговариваясь (они еще не знали общего языка), рабфаковцы оделись и пошли на улицу. К их разочарованию, снег лежал лишь на крышах; на улицах старательные дворники быстро сгребали его.

Тесно сбившись в кучку, словно олени, учуявшие волков, шли рабфаковцы по улице. Дойдя до Академии Художеств, они с радостным гиканьем и уханьем понеслись в белеющий под снегом сад. Там, схватив мокрый, рыхлый снег, одни терли им лицо себе и товарищам, другие лепили сказочных зверей — не то оленей, не то собак.

— Друг! — кричал якут своему сородичу, — надо сделать оленя, а ты делаешь мышь!

— Нет. — отвечал тот. — Разве не видишь у него длинные ноги. Это и будет олень.

Довольно многочисленная группа тунгусов и якутов шумно обсуждала свою работу. Вылко же сидел одиночкой на скамейке и молча лепил олений чум. Уже темнело, когда в сад Академии прибежал запыхавшийся дворник общежития, один из многих, посланных в погоню за «беглецами».

На рабфаке, среди администрации царила паника: всем представлялась гибель молодежи под трамваями или автомобилями; мерещился суд за недосмотр и прочие ужасы. Все студенты, кроме Вылки, были водворены в общежитие. На скамейку Вылки, сидевшего одиночкой, подсели две городские парочки, поэтому его фигура в сумерках ускользнула от общего внимания.

В сад постепенно стали вливаться целые группы гуляющих. Утонувший в темноте сад зажил ночной жизнью городского бульвара.

Вылко почувствовал себя бесконечно одиноким. Он вышел из сада, медленно побрел по набережной, перешел какой-то мост и стал кружиться по улицам. Поздно вечером он очутился у развалин Литовского замка. Там, в одной из комнат, он залег между грудой кирпича и стеной. Руины ночью кишели особой жизнью: там и сям вспыхивали рыжие огоньки папирос, чиркались спички, слышался сиплый смех, иногда заглушаемый крик и несвязное бормотанье. Эта возня не стихала до утра...

Рано утром Вылко, ознонув на кирпичках, проскользнул мимо ночных обитателей замка. Перед ним встала задача, — разыскать свое общежитие. У Вылки, как у жителя лесов, с детства была развита наблюдательность. Он заметил, что трамваи идут по самым оживленным улицам; поэтому он пошел по линии трамваев и вскоре вышел на мост, по которому проходил накануне. Перейдя мост, Вылко тотчас же увидел сад, а там уже не трудно было найти и огромный серый дом общежития.

В общежитии ему сделали строжайший выговор. Но администраторы напрасно старались распекать Вылку. Они могли сколько угодно бранить его не только на русском, но и на любом языке мира, — он все равно не понял своего преступления...

IX. «Я гуляй лес!»

На следующее утро снег стаял. Снова — чернеющие крыши и жидкая грязь улиц. Подходя к окну, Вылко теперь уже не смотрел на прохожих с уважением: «Как это они не заблудятся на улицах!» Он сам долго бродил по улицам и не потерялся.

Вечер, проведенный в блуждании по улицам, и ночовка в разрушенном доме запомнились Вылке. Он все острее чувствовал ненависть к общежитию. Теперь все его мысли сосредоточились на том, как бы уйти на несколько дней в лес.

В первое же после этого происшествия воскресенье на рабфак пришла сроч-

ная телеграмма. Ее нужно было доставить одному из руководителей, находившемуся в этот день в Лесном институте и не имевшему телефона. Заведующий хозяйственной частью решил поехать туда сам. Увидав, что завхоз выходит на улицу, Вылко схватил первое попавшееся пальто и шапку и кубарем скатился за ним. Напрасно тот и мимикой, и жестами, и нарочито ломаными словами приказывал Вылке вернуться в общежитие. Вылко ни за что не хотел идти обратно.

Опасаясь, что на улицу выкатятся новые рабфакотцы, заведующий уступил, и они вдвоем поехали в Лесной. Вылку с особым провожатым пустили погулять в парке Лесного института. Парк с его вековыми деревьями, покрытыми лохмотьями снега, целиком захватил Вылку. Когда завхоз захотел отвезти его домой, Вылко чуть не в первый раз заговорил по-русски:

— Я гуляй лес!

Ему ответили:

— Ты гуляй домой.

Обе стороны стали горячиться. Кончилось тем, что тот, кто звал «гулять домой», был позален лицом в снег, потерял пенсне, а желавший «гулять лес» оленем стрельнул по боковой аллее и скрылся из вида.

Завхоз поднялся со снега, мигая близорукими глазами. Перепуганный ужасными «возможностями», он кинулся разыскивать Вылку. Долго бегал завхоз по парку, громко крича. Поиски Вылки ничего не дали. Следы по снегу не помогли найти его. Вылко, как лесной житель, лучше других понимал предательство следов по снегу. По протоптанным сотнями ног дорожкам Вылко выбрался из парка и, окружившись по снегу, как волк, залег до темноты в заброшенном сарае.

X. Бандит или иностранец?

Настала ночь. Медленно, как хищник прокрался Вылко через проволочную изгородь в парк и, уже не разбирая, пря-

Вылко, забыв обо всем на свете от радости, стал ломиться в стекла...

мо по снегу пошел в чашу. Его зачаровала группа гигантских лохматых елей. Он быстро наломал веток и спичками, случайно оказавшимися в пальто, разжег костер. Вскоре пламя огромными языками начало лизать ночную темноту. Кочковатый снег, неподвижные ели на иссиня-черном небе, острые всплески пламени — все это подействовало на Вылку возбуждающе. Неожиданно для самого себя он завыл песню и стал кубарем кататься по снегу.

— Ой! ой! огонь! — пел Вылко. — Я тебя давно не видел, в доме тебя спрятали в прозрачный горшок. Ой, как тесно огню в доме! Ой, как тесно Вылке в доме! Вылко и огонь оба любят простор, лес. Ох, они любят свободу!..

— Ух! Ух! — взвизгивал Вылко, катаясь по снегу. Когда снег заползал под одежду, он вскакивал, вытряхивал его и продолжал плясать, приседать и петь свои импровизации...

Однако недолго продолжалось его счастье. Дикий вой, отблески огромного костра встревожили сторожа. Он робко подкрался к группе елей. Фигура Вылки, то прыгавшая мячиком, то исчезающая в темноте, и непонятные звуки до того напугали сторожа, что он бросился за помощью. Однако и другой сторож не рискнул на открытый бой с неизвестным. В те времена в Ленинграде говорили о шайке Леньки Пантелеева. Почему вой и кувыркание у костра оказались связанными с представлением о бандитской шайке — так и осталось неизвестным. На совещании сторожей было решено привлечь милиционера. Нехотя приплелся заспанный блюститель порядка. Все трое по правилам военного искусства поползли по снегу, чтобы предварительно выяснить силы противника.

А противник, устав кувыркаться, прыгал вокруг костра, хлопал в ладоши и горланил:

— Ой! ой! ой! Какое чудное время! Вылко песню поет, а огонь горит. Огонь прыгает. Вылко прыгает. Огонь...

Раздались три варианта громовых ругательств, и три пары рук прижали обалдевшего от неожиданности Вылку к земле.

Десятиминутная борьба дала следующие результаты: Вылко был связан, а

у трех его противников оказались ранения: разбит нос, раздавлена губа и фонари под глазами. Что касается одежды, она больше всех пострадала у Вылки: так, например, больше половины брюк осталось у костра, на посиневших от мороза ногах трепались обрывки нижнего белья.

«Преступник», доставленный в отделение, поверг дежурного в полное смятение: никто из бандитов не стал бы в парке разводить костер, так как есть места удобнее и безопаснее; обрывки одежды говорили о хорошем материальном положении арестованного; сам «преступник» говорил на непонятном языке и не употреблял ни единого русского ругательства...

По всем этим признакам Вылку определили как иностранца. Трем ревнителям порядка были поставлены на вид излишек усердия и опасность подобного обращения с иностранным подданным. Это впечатление подтвердилось поведением Вылки. Он стучал по столу кулаками и грозно кричал на своем тарбарском языке...

Когда утром в милицию на всякий случай зашел старый ученый, к которому накануне приезжал заведующий хозяйством, — инцидент разрешился ко всеобщему удовольствию: милиция радовалась, что сплавляется с рук заморский гость, ученый — что беглец нашелся, Вылко — что увидел знакомое лицо. Фактически в происшествии пострадала лишь четвертая, безмолвная, сторона — государство: пришлось заново одеть Вылку.

XI. Вылко-рабфаковец и Вылко-дикарь.

Этот случай вызвал кое-у-кого из администрации сильнейшее недовольство и раздражение против Вылки; говорили о несправимости его, о необходимости исключить и т. д. Однако все эти голоса затихли перед голосом профессора Б., разъяснившего, что стихийное влечение к природе у Вылки искоренять вредно и не нужно, а следует лишь регламентировать его, введя в известные рамки.

Рамки оказались следующие: одна сторона обязалась не уходить без разрешения и точного указания своего марш-

рута и возвращаться домой к определенному часу; другая сторона обещала, при условии выполнения вышеуказанных требований, отпущать на «волю» противную сторону.

По праздникам и воскресеньям Вылко являлся к одному из служащих общежития и заявлял:

— Я иду ходить.

И при этом показывал маршрут, нанесенный кем-то красным карандашом на план города. Ему говорилось к которому примерно часу вернуться (часы при этом были солнечные: до захода солнца или до темноты), и Вылко отправлялся «ходить».

Чаще всего Вылко садился в трамвай № 6, затем пересаживался на № 21 и через час оказывался в Лесном. Там он старался в какие-нибудь два-три часа истребить всю «засидевшуюся» энергию и, выбрав где-нибудь за Сосновкой глухой уголок реденького бора, кувыркался, катался по снегу и дико прыгал. К вечеру с традиционным небольшим опозданием он являлся к начальству, стараясь чем-нибудь объяснить свою неточность.

Так прошло четыре месяца. Все это время Вылко жил двойственной жизнью: в течение недели в стенах института пребывал Вылко-рабфаковец, Вылко-лопарь проявлялся лишь на несколько часов в пустынных уголках Лесного. Но мало-по-малу Вылко-рабфаковец стал расти и ограничивать, а затем и вытеснять Вылку-лопаря. Вылко приобрел знание языка, связующего его с внешним миром. Как и все студенты Севфака, Вылко из кожи лез, стараясь обогащаться запасом русских слов. Месяцев через пять гольд говорил Вылке:

— Мой ел много-много рыба!

Вылко отвечал:

— Я ел рыба, и я ел мясо олень. А ты ел мясо олень?

Гольд сознавался:

— Мой не ел много-много мясо олень, — мясо олень не дешевый... Твой ел мясо олень? — спрашивал гольд у проходившего якута.

Рабфаковцы с интересом и жадностью распутывали друг у друга пелену незнания. Появились общие интересы, целиком заполнявшие дневное сознание. Только ночью, главным образом во сне, на-

чинала бродить «лесная болезнь» (по выражению одного из администраторов Севфака). Северянам грезилась величавая тайга, усталая снегами, и радость весенней тундры, встречающей мириады прилетных гостей.

В эти часы «лесной человек» царил не только над сознанием Вылки, — другие рабфаковцы во сне также шумно вздыхали, бормотали, даже кричали каждый на своем языке.

Утром соседи сообщали друг другу:

— Друг! Я видел большой медведь. Я хотел его убить.

Вылко прыгал вокруг костра, хлопал в ладоши и горланил...

— А я видал много-много собаки. Я быстро ехал упряжка...

Но надо было спешить умываться, и начинался обычный трудовой день, в котором сплетались арифметика и русский язык. естественная история и история края...

XII. «Какой народ крепче?»

Заметно увеличились весенние дни. Рабфаковцы окончательно прорвали душившую их пелену молчания и, помогая себе мимикой и движениями, могли передать любую свою несложную мысль. Постепенно разрушались национальные перегородки, и все фантастичнее сплетались комбинации друзей в виде лопаря и тунгуса, самоеда и гольда и т. д. Лишь изредка выходцы из тех племен, которые по экономическим обстоятельствам сделались друг другу враждебными например, якуты и тунгусы, вогулы и зыряне—коми), заводили ссоры, если было задето самолюбие одной из сторон. Впрочем, условия и среда Севфака мешали развитию национальной розни.

Одним из недостатков иных рабфаковцев было хвастовство.

— Мой народ, — говорил, например, тунгус, — самый крепкий: мороз, а он спит в худой одежде на снегу...

— Ой! Это что! — возражал зырянин. — А наш народ в бане моется, а потом голым в снегу купается.

— Ух! — вздрагивал кто-нибудь из присутствовавших. — Неужели не холодно?

— Нам никогда не холодно!..

Однажды во время такой беседы Вылко поспорил с одним из сибиряков, кто дольше пролежит на снегу в комнатной одежде. В тот же вечер, когда все улеглись, двое спорщиков, окруженные кучкой любопытных, вышли во двор и, подложив под себя пальто, легли на снегу.

Однако силы были не равные. Хитрый противник надел ряд фуфаяк своих сородичей и лежал в тепле. Вылко же был одет совсем легко. Так как спор шел на тему «какой народ крепче?», то закоченевший Вылко решил замерзнуть, но не уступить. Кончилось состязание так что свидетели стали мерзнуть и вынесли постановление:

— Оба народа самые крепкие!

На следующий день у Вылки появился сильный жар, стало больно дышать, колоть в боку; он начал бредить, кричать и метаться в постели. Врач определил острое воспаление легких и еще что-то. Спор по вопросу «какой народ крепче?» принимал трагический оборот...

Каждый день известия о ходе болезни Вылки делались все мрачнее. Обезумев от жара, бедняга мысленно носился по тайге, загоняя оленей, наталкивался на медведей, боролся с ними и пронзительно кричал, когда ему казалось, что медведь рвет его грудь... Больничный персонал, следя за симптомами болезни и за кривой температуры, угрюмо качал головой.

Однажды по рабфаку поползли слухи о смерти Вылки. Казалось, весельчак, так нежно рассказывавший о прелестях дебрей Кольского полуострова, так забавно прыгавший по свежему, еще неистоптанному снегу, навсегда ушел из сырого города... Тяжкая печаль придавила общежитие...

XIII. «Машина времени» в ходу.

Прошли весна, лето, наступила осень. Оправившись от болезни, веселый, довольный возвращался Вылко с родины в Ленинград, в горячо любимое общежитие.

Уже не было в вагоне недоразумений из-за билета, не было нарушений правил и порядка. «Советская машина времени» в один год сделала из Вылки культурного члена советской общест-венности.

В отделении, где ехал Вылко, копошились трое других лопарей. Это было живым наглядным свидетельством того, что Вылко выполнил наказ, данный Севфаком каждому, уехавшему на каникулы домой:

«§ II. Принимай деятельное участие в вербовке нового состава слушателей Рабфака Северных Народностей. Наме-чай кандидатов-туземцев: детей батраков, бедняков, середняков, честных, развитых, здоровых и хорошо знающих свой язык. Кандидаты должны быть по возможности не моложе 16 и не старше 25 лет. Грамотность необязательна»...

И Вылко ехал с кандидатами.

Прошел лишь год с того момента, как в вагоне, уцепившись за лавку, неистово вопил Вылко, отбиваясь от проводника. А теперь он с заботливостью исправной насадки следил, словно за цыплятами, за тремя веселыми лопарями,

беззаботно и без всяких трудностей ехавшими в дальний город.

«Советская машина времени» работает во-всю. И пройдет еще немного времени, Вылко и ему подобные вернутся на родину и разнесут по глухой тайге здоровые зачатки новой культуры...

Рейд оленьей упряжки „Следопыта“

ТЕЛЕГРАММЫ УЧАСТНИКОВ РЕЙДА

Мурманск, 19 XII. 19 декабря, при участии заведующего музеем т. Михайлова, ботаника биологической станции т. Кресса и т. Турчанинова состоялось совещание по вопросу об организации „Оленьего рейда Следопыта“ в Москву: на совещании выяснились следующие условия осуществления рейда:

Ягельные базы необходимо организовать начиная уже от Кандалакии, начав заготовку корма не позже сентября. Минимум оленей — шестнадцать, саней необходимо пять при двух возчиках. Общая стоимость рейда достигает семи тысяч рублей.

Осуществление рейда полностью придется, очевидно, в виду выяснившихся условий, отложить до будущего года. Протокол совещания высылаем почтой.

Местные краеведы рекомендуют нам проделать сокращенный тундровый приморский маршрут по всему Кольскому полуострову. Маршрут: Ловозеро — Иоканьга — Поной — Кузомень — Умба — Кандалакса, общим протяжением около тысячи километров.

В ожидании инструкций посетим порт Александровск.

Белоусов. Горлов.

Мурманск, 24/XII. Вернувшись из Александровска, куда ездили для осмотра биостанции, нашли в Мурманске человека, согласившегося сделать рейд оленьей упряжки до Ленинграда без ягельных баз. Он ездил этим маршрутом в 1898 г. Секретарь краеведческого музея т. Михайлов и местные краеведы считают рейд без баз крайне рискованным: леса последние годы горели и частью вырубались.

Белоусов.

Мурманск, 25/XII. Мурманское общество краеведения обращает ваше внимание на то, что рейд на оленях Мурманск—Москва в этом году невыполним. Общество высказывает пожелание сделать целевой установкой оленьего рейда определенный этнографический район, — в данном случае Кольский полуостров. В этом случае литературно-краеведческий материал окажется значительно более отвечающим задачам вашего журнала.

Секретарь о-ва Михайлов

Учитывая данные этих телеграмм, редакции „Следопыта“ дала своим сотрудникам, находящимся в Мурманске, телеграмму с указанием совершить большой краеведческий рейд на оленях вокруг Кольского полуострова совместно с Мурманским обществом краеведения, как более содержательный и целесообразный и менее рискованный. По дополнительным полученным нами сведениям в северной части предполагавшегося прямого маршрута на Москву выпали глубокие снега, которые также затрудняют осуществление в нынешнем году прямого рейда.

Рассказ Василия Яна

Рисунки худ. Б. Шварца

...Она, быть может, еще жива. Сухая, как стручок, темная, как шоколад, она сидит около костра из душистого вереска и рассказывает о далеких временах, сверкая белыми зубами и ожерельем изумрудов. И в глазах ее, блестящих живой мыслью, вспыхивают синие искры чудесных воспоминаний...

Автор.

I. Верблюды остановились.

Четыре наших верблюда стояли, в недоумении поворачивая высоко поднятые головы. Сошли с коней суровый Мердан, джигит-афганец и переводчик Курбан и остановились возле верблюдов, сбивая плеткой соленую пыль с сапог. Проводник, взятый из последнего персидского селения, сидел на корточках и чертил веткой гребенщика по мягкой, как зола, солончаковой почве.

Мы перевели коней на рысь и подъехали к нашему маленькому каравану. Профессор Хэнтингтон ¹⁾, который всегда вспыхивал, как ракета, стал кричать мне, погоняя своего маленького хивинского иноходца:

¹⁾ Профессор Хэнтингтон, геолог, автор нескольких исследовательских трудов о Центральной Азии; лучшее — «Пульс Азии». Участвовал в экспедиции Р. Помпелли в 1900 году, затем проехал из Асхабада до Белуджистана. В этой поездке принимал участие автор настоящего рассказа.

— Проводник, наверное, обманщик! Взятся провести нас до Кяфиркалы, уверяя, что знает дорогу, а оказался обычным восточным лгуном. Ничего не знает... Что мы будем делать? На вашей сорокакилометровой карте ничего не понять. Города показываются там, где они не намечены, а нужных городов не появляется. На американских картах этого не бывает...

Когда маленький профессор сердился, он всегда уверял, что в Америке все лучше.

— В чем дело, Курбан? Почему вы стоите?

— Вот этот человек говорит... — засмеялся по своей привычке Курбан, скаля ослепительные зубы и забрав глаза во множество морщинок, — этот человек говорит, что здесь три дороги, и все три плохие. Если хорошо заплатите, то он пойдет дальше, а не заплатите, повернет домой.

Хэнтингтон, вспомнив, что он сын набожного квакерского пастора, стал

еще пуще горячиться и выпаливать множество слов, которые Курбан едва ли понимал:

— Скажи этому несчастному обманщику, что если он договорился, если он дал слово, то, как порядочный, честный гражданин, он должен это слово исполнить! Американская поговорка говорит: «Один человек — это одно слово, а не два слова». У нас в Америке...

Я прервал его:

— Позвольте, дорогой Хэнтингтон! Все дело в каких-нибудь десяти лишних кранах¹⁾. Дадим ему их и двинемся дальше...

— Они, понимаете, они...—(профессор подразумевал под словом «они» всех восточных людей, в противоположность культурным «белым»; к восточным он в душе причислял и меня—«московита»).— Они,—задышался Хэнтингтон,—будут над нами смеяться. Вся равнина от Зюльфагара²⁾ до Индии будет через три дня знать, что мы дураки, которых всякий может обмануть. Скажи ему, что он, как американцы говорят, хэмбог—надувальщик!

Курбан снова смущенно засмеялся. Оттянув челюсть вниз и скосив глаза на кончик носа, он сказал:

— Слушаю, американ бояр-ага³⁾.

И он стал что-то говорить проводнику, равнодушно сидевшему на пятках. Курбан указывал плеткой и на меня, и на американца, и на джигитов. Он проводил руками по бороде, указывал на небо и на землю и, наконец, ткнул плеткой в живот вздрогнувшему верблюду. Проводник ответил по-персидски одной фразой. Курбан захихикал и согнулся, деликатно почесывая спину:

— Он большой нахал!

— Так что же он говорит?

Курбан снова хихикнул. Хэнтингтон погрозил проводнику своей маленькой рукой и прошипел, делая свирепое лицо:

— Хэмбог! Ты—хэмбог!—и, угрожая плеткой, стал надвигать крошечного иноходца на огромного, неповоротливого, как верблюд, горного крестьянина.

1) Кран—персидская монета — около 20 копеек.

2) Зюльфагар—ущелье, где сходятся границы Туркменистана, Афганистана и Персии.

3) Туркмены раньше называли знатных лиц «бояр». Ага—дядя, господин.

Мердан, желая предотвратить катастрофу, вмешался:

— Американ бояр! Ты его не бей! Не надо бить. Он убежит, и тогда мы пропали. Он просит, извините пожалуйста, еще десять кранов и немного териака⁴⁾: он териакеш и иначе итти не может; у него курсок⁵⁾ плохой...

— Ол-райт. Мы дадим ему еще десять кранов и териак. Но знает он дорогу?

Курбан переспросил проводника, провел руками по бороде и сказал:

— Он очень даже знает, только здесь есть три дороги, и все три плохие. Колдца нет, травы нет, карапшик⁶⁾ много. Лучше, говорит, поедем домой, он нам плов делать будет.

Мы двинулись дальше по седой солонцеватой пустыне.

II. Огонек в степи.

Мы шли до темноты, однако, не встретили ничего похожего на ручеек или колодец. Полузасохшие стебли ползучих растений с соленым кристаллическим налетом на ветках наводили уныние. Нередко попадались следы диких ослов. Мердан показал нам на горизонте несколько точек, едва заметных в дрожащем воздухе. Это были дикие ослы, а может быть, куланы⁷⁾. Мы с трудом разглядели в цейсовский бинокль их желтые спины с черными полосами на хребтах. Животные вскоре скрылись за холмами.

Хэнтингтон высказал предположение, что проводник хочет нас привести в лагерь кочевников-разбойников, и утверждал, что нам следует двинуться по компасу на юг, не слушая «хитрого восточного хэмбога».

К несчастью, пятый наш джигит, русский молоканин⁸⁾ Михаил, заболел тяжелым приступом лихорадки. Он был

4) Териак (по-туркменски)—опиум.

5) Курсок—сердце.

6) Карапшик—разбойник; буквально: «черная кошка».

7) Кулан—разновидность дикой лошади; куланы изредка встречаются на равнинах восточной Персии.

8) Молокане—сектанты, преследовавшиеся при царском строе. Поселки молокан были в горах Туркестана.

Мы подъезжали к арабским шатрам...

почти без сознания, лежал животом на своем рыжем жеребце, обняв его за шею. голова больного беспомощно болталась при каждом шаге коня.

В сгущавшихся сумерках мы не хотели останавливаться, полагая, что привал на солончаке не принесет отдыха ни нам, ни животным. Мнения разделились: Хэнтингтон считал, что надо продолжать итти на юг, я же возражал, что далеко на юг тянется голая безводная степь, поэтому необходимо направиться прямо на запад, к афганской границе. Там, в предгорьях, куда докатываются последние вздохи горных ручьев, можно

встретить бродячих арабов или кочующих афганцев. Они нас накормят, мы дадим передышку животным и снова двинемся на

юг, к нашей конечной цели — Белуджистану.

Хэнтингтон твердо стоял на своем; он опасался враждебных действий афганцев, которым ничего не стоило ограбить нас и бесследно исчезнуть в беспредельных равнинах.

В конце концов решено было разделиться: со мною поедет афганец Мердан и переводчик-туркмен из Теджена — Курбан; больной Михаил, молодой джигит Хива-Клыч и все верблюды пойдут с

Хэнтингтоном на юг. Через два-три дня, если все будет благополучно, мы должны снова встретиться на сто километров южнее. Проводник, проглотив темный шарик опиума, равнодушно сказал, что пойдет с верблюдами хоть к самому шайтану.

Через несколько минут мы втроем ехали на запад, а к югу от нас в сумерках терялись силуэты мерно покачивавшихся верблюдов и затихал монотонный звон их боталов.

Начали попадаться небольшие овраги — хороший признак, — значит, сюда доходят потоки воды во время горных ливней. Из-под куста выскочила и стремглав понеслась в сторону щетинистая гиена, отвратительно подбрасывая короткие задние ноги, похожие на букву Х. Стало совсем темно. Лошади шли чутьем, одна за другой; в темноте они то подымались, то опускались, ныряя куда-то в неровной почве.

Поднявшись по откосу оврага, кони остановились. Где-то впереди мерцал огонек. Он то пропадал, то снова загорался, едва заметный и тусклый. Где огонек в степи, там и люди, и вода в закопченных чайниках, и отдых, и указание ближайшей тропы...

III. Женщина в золотой тиаре.

Мы подъезжали к арабским ¹⁾ шатрам. Оранжевый огонек мотался среди черной мглы, облизывая большой котел, и отблески красного света прыгали по косям полотнищам темных палаток, припавших к земле, как крылья летучей мыши. Несколько женских фигур двигались около костра, поминутно закрывая его пламя.

Огромные мохнатые собаки бросились под ноги нашим вздыбившимся коням. С хриплым давящимся лаем они прыгали, как дьяволы, перед нами. Фигуры встретились, забегали, закричали по-персидски:

— Зачем вы приехали сюда? Здесь только одни женщины! Что вам надо?..

Кони подлетели к самому костру. Женщины в полосатых халатах, малиновые от огня, пронзительно кричали, хватая

с земли камни. Из мрака вынырнул старик в чалме с длинной седой бородой. Из-под руки он пристально посмотрел на нас и закашлялся.

— Теперь это у него долго будет, — Курбан безнадежно махнул рукой, словно он знал старика.

Наконец старик откашлялся и стал свирепо наступать на нас, требуя, чтобы мы уехали назад в степь.

— Это племя машуджи, одних женщин. Кафирам²⁾ безбожникам здесь нечего делать! Видите, как они вас боятся!..

Курбан, наклонившись с седла, дружески тронул старика за плечо. Тот отскочил, словно обожженный, и начал старательно отчищать место, которого коснулась рука нечестивого.

— Он нас не любит, — засмеялся Курбан, — потому что мы вам служим, а вы Магомета не уважаете. Значит, мы все тоже кафир.

Старик свирепел и шипел, как змея, а женщины продолжали пронзительно визжать. Камень пролетел мимо моей головы. Уговоры и объяснения Курбана, что мы заблудились и голодны, не помогали.

Вдруг к нам подбежала, звеня бусами и нашитыми на платье серебряными монетами, смуглая девочка и стала что-то быстро говорить по-персидски.

Курбан объяснил:

— В этом ауле есть старшина — баба, то-есть женщина... Биби-Гюндюз³⁾. Она просит не слушать старого муллу, — он дели⁴⁾ — и притти в ее кибитку.

Женщины сразу успокоились, подбежали к нам, взяли под уздцы коней, сняли наши хуржумы (мешки) и пошли с нами вслед за девочкой. Согласно законам восточного гостеприимства, мы могли о конях больше не беспокоиться — женщины-кочевницы лучше нас присмотрят за лошадьми, во-время их накормят и напоют.

У среднего шатра девочка сделала жест рукой, предлагая остановиться, и нырнула за узорчатый полог. Затем она выглянула и пригласила нас войти.

²⁾ Кафир — у мусульман — язычник, иноверец.

³⁾ «Биби» прибавляется к женскому мусульманскому имени в значении «наставница».

⁴⁾ Дели — сумасшедший, также — юродивый, блажной.

¹⁾ Отдельные группы арабов кочуют по всей Персии и часто пробираются в Туркестан.

Палатка была широкая, плоская и тянулась далеко в глубину. Посредине тлел огонек, и душистый голубой дымок приносил запах сухого степного вереска. Позади костра, на большом темно-лиловом афганском ковре сидела неподвижная фигура в красной шелковой одежде. В ярких вспышках костра я разглядел застывшее, как у буддийского идола, коричневое лицо под остроконечным золотым колпаком.

Курбан, знавший правила восточной вежливости, опустился на колени с правой стороны идола и пригласил меня сесть рядом. Я расположился около него, а Мердан, недоверчивый и угрюмый, остался стоять у входа. Женщины положили около нас хуржумы, седла и уздечки и удалились.

Курбан начал витиеватые обращения, спрашивая о здоровье коней, верблюдов, овечьих стад Биби-Гюндюз и о ее соб-

ственном здоровье. Женщина оставалась неподвижной, с опущенной головой.

Я начал всматриваться в ее лицо: она была немолода; сухое лицо с красивыми чертами и удлинненными скошенными глазами имело восточный тип. На бронзовой шее светилось ожерелье зеленых изумрудов, безжалостно просверленных и надетых на нитку. На ее халате было нашито множество серебряных монет и несколько талисманов. На голове — странная конусообразная тиара-колпак с золотыми цепочками и подвесками.

Мердан мрачно буркнул:

— А я пойду к коням. Их нельзя оставлять одних. Непокойное здесь место. И он вышел.

Неожиданно Биби-Гюндюз резко повернулась в мою сторону, и все украшения ее колпака зазвенели.

— Зачем ты приехал ко мне? — спросила она по-туркменски.

Биби-Гюндюз сняла серебряную кукурузу и протянула руку в мою сторону...

Курбан стал рассказывать про путь, проделанный нами от Ашхабада к соленому озеру Немексар ¹⁾, про наш план проехать верхом до Индии; он упомянул, что Хэнтингтон,—маленький человек, но большой мулла,—рисует и измеряет горы.

— Чтобы отнять их потом у мусульман! А до Индии вы не доедете!—сказала уверенно бронзовая женщина.—В Сеистане стоит очень большой отряд англичан, и они никого не пропускают в Индию. Чего они боятся?

— Откуда ты это знаешь?

Веки ее медленно приподнялись, и взгляд, тяжелый, пристальный, загадочный взгляд дочери Востока, остановился на мне:

— Откуда я знаю? Мой старинный род машуджи свободно кочует уже тысячу лет от каналов Хорезма до Гималаев и от Аравийского моря до астраханских киргиз. Я знаю все, что делается на моей равнине.

— Как же ты так свободно едешь? Разве тебя не задерживают на границах?

— Никогда! Никто не смеет остановить меня, потому что со времен Искандера Великого ²⁾ над моим племенем власти не было. Мы знаем все пути и тропы, которых не могут знать пограничные стражники. Да и зачем им нам мешать? У нас стадо баранов, которое проберется по таким горным крутизнам, где сорвутся в бездну кони.

— Разве коней у тебя нет?

— Ты знаешь пословицу: «Продать баранов и купить коней—не будет ни коней, ни баранов. Продать коней и купить баранов—будут и бараны, и кони».

— Только цыгане так кочуют, без родины, без дома.

— У меня есть родной аул—кала ³⁾, окруженная высокой стеной. В стене—

бойницы, где сидят наши сторожа. Эта кала лежит в горах, среди пустынь Дешти-лут ⁴⁾. Мы там бываем ежегодно весной, а затем откочевываем, спасаясь от жары, на север, где есть корм для баранов. Ты знаешь, где Дешти-лут?

Курбан ослабил и цокнул в знак отрицания.

— Дешти-лут—посредине Персии. Там идут пустыни, еще более песчаные и страшные, чем Кара-Кум. Персидские начальники и солдаты боятся туда ехать. Там живут свободные кочевые племена, которые грабят всех, и никто не мог их покорить со времен Искандера, завоевавшего весь мир...

Женщины в пестрых просторных одеждах внесли большие медные подносы с затейливой резьбой. Концами своих головных платков они закутали нижнюю часть лица: видны были только глаза, сверкавшие любопытством.

Перед нами красовались сеистанские финики, изюм, вяленые бураки, овечье молоко в плоских мисках и длинные палочки леденцов. Одна из женщин наломала лепешек, испеченных в золе, и разложила кругом угощение.

Снаружи я услышал сердитый грубый голос Мердана, вскрикивания и смех женщин. Биби-Гюндюз повернула голову в сторону шума:

— Почему этот аскер ⁵⁾ такой сердитый?

— Он зарезал в Герате жену со своим душманом ⁶⁾, застав их вместе. Чтобы его не повесили, он убежал из Афганистана. Вот он и скучает. А у Курбана четыре жены, и он от них уехал; поэтому он такой веселый.

Мердан, хмурясь и дергая седой ус, вошел в шатер, вернее его втолкнули несколько женских рук. Он сопротивлялся довольно слабо.

— Кардаш! ⁷⁾—пробормотал он шопотом.—Надо ночевать около коней. Это все цыгане, воры. Украдут коней,—что

¹⁾ Немексар — соленое озеро в восточной Персии, к югу от города Хафа.

²⁾ Искандер—Александр Македонский, такой же завоеватель и истребитель целых народов, какими впоследствии были Чингис-хан, Батый или Тамерлан. В эпоху римских императоров, мечтавших о покорении всего мира под власть Рима, Александр был возвеличен как дальновидный самодержец, носитель греческой культуры. О нем в Азии сохранилось множество легенд, песен и преданий.

³⁾ Кала—поселение, крепость, обнесенная глухой стеной, обыкновенно глинобитной.

⁴⁾ Дешти-лут—Лютая пустыня—лежит в центральной Персии; в значительной степени еще не исследована до сих пор.

⁵⁾ Аскер—солдат, воин.

⁶⁾ Душман—враг.

⁷⁾ Кардаш—приятель, друг.

мы тогда будем делать? Стыдно будет джигиту итти пешком, без коня.

Биби-Гюндюз догадалась о чем ворчал Мердан и величественным жестом пригласила его сесть:

— Ты у нас дорогой гость. Не бойся ни за коня, ни за свою голову. Ешь, пей и не думай о завтрашнем дне...

IV. Фирман великого Искандера.

— Великий Искандер дал фирман ¹⁾ нашему роду, разрешив свободно кочевать по всем равнинам Азии.

— Сохранился ли у вас этот фирман?

Биби-Гюндюз провела рукой по большому серебряному амулету у нее на груди. Этот амулет имел форму и размер очищенного от листьев початка кукурузы и висел на серебряной цепочке с сердоликовыми украшениями.

— Этому фирману тысяча лет!

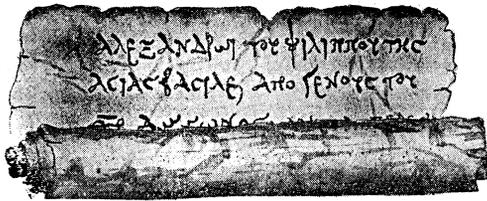
— Если его написал сам Искандер, то фирману две тысячи и двести лет.

Снова поднялись опущенные веки, и глаза испытующе остановились на мне:

— Фирман написан на древнем языке «руми» ²⁾, который знал только один Искандер.

Курбан прошептал:

— Твой гость—мусафир-ага ³⁾, знает тринадцать языков!..

...Это был настоящий старый папирус.

Биби-Гюндюз сняла серебряную кукурузу и протянула руку в мою сторону. Курбан подхватил амулет и передал мне. Серебряная коробочка была искусно сделана: бугорки подражали зернам кукурузы. С одной стороны открывалась крышка; на ней были тонко вырезаны три многоруких и многоногих индийских богини.

— Можно открыть?

¹⁾ Фирман—письменный указ, разрешение.

²⁾ Руми—так на ближнем Востоке называют греков и греческий язык.

³⁾ Мусафир—почетный гость.

Биби-Гюндюз прошептала:

— Эввет ⁴⁾!..

Внутри амулета лежал кусок шафрановой шелковой материи, в которой находился какой-то сверток. Я начал осторожно разворачивать край свертка. Я ожидал увидеть пергамент, истлевший от времени, но это был папирус ⁵⁾, состоящий старый папирус с желтыми прожилками. Сверху шла цепь косых, словно прыгающих букв, и я сразу узнал древне-греческие значки. Первое слово было написано так:

Ἀλεξάνδρω

Это было имя великого Александра, но почему оно стояло в дательном падеже: «Александро», а не «Александрос», как должен был бы начинаться указ?..

— Ты права: рукопись написана по-гречески, «руми». Если я спишу все, что там написано, то вместе с Курбаном мы переведем фирман и напишем его по-туркменски.

— Хорошо. Ты останешься один. Тебе никто не будет мешать. Люди будут сторожить палатку, чтобы никто не вошел.

Мердан шепнул:

— Не верь женщинам. Они хитрые. Лучше отдай ей это назад.

Я ответил Биби-Гюндюз:

— Хорошо. К утру я тебе все переведу.

Мое сердце трепетало. Неужели в моих руках в самом деле документ древностью в две тысячи лет? Ведь это же величайшая редкость! Что скажут все академики Лондона, Берлина, Парижа! И в какой ярости будет Хэнтингтон, шагающий сейчас по соленым тропинкам Немексара, что не он нашел документ Александра, а московский варвар, один из коварных восточных «хэмбог»!..

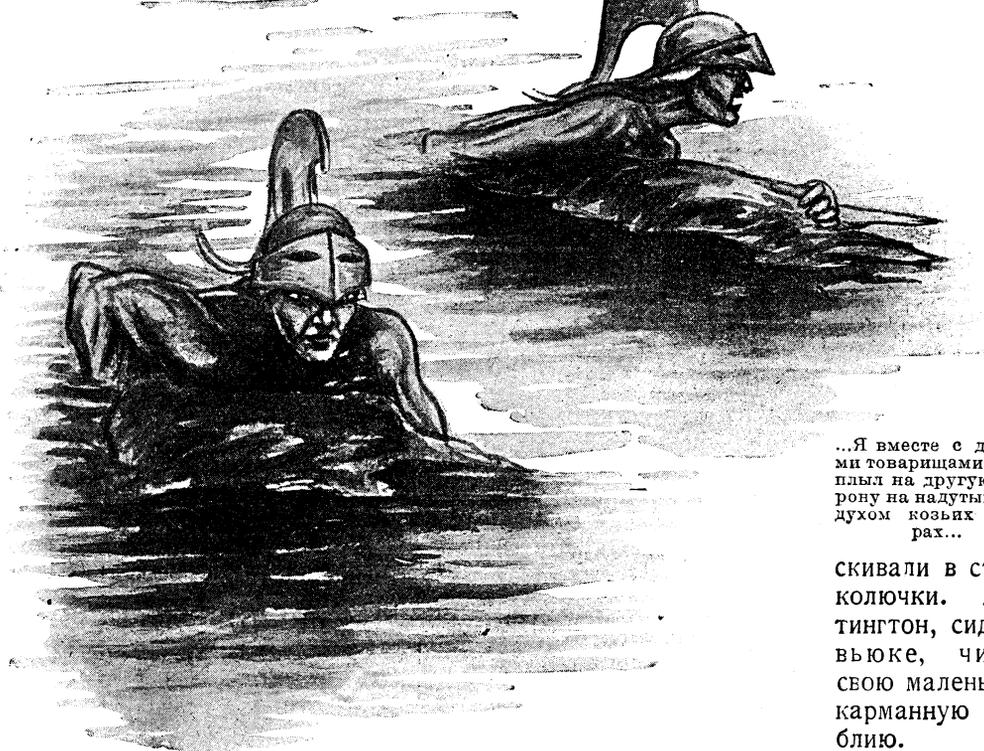
Меня провели в другую палатку. Старый мулла, ненавидевший «кафиров», сел около меня и сонными глазами следил за моими действиями. Вскоре он

⁴⁾ Эввет (по-турецки)—да. Пересыпать разговор турецкими и арабскими словами на ближнем Востоке считается признаком хорошего тона.

⁵⁾ Пергамент—материал для рукописи, сделанный из кожи. Папирус изготовлялся из египетского тростника.

свалился набок и крепко заснул. Я же всю ночь возможно тщательно копировал свиток, бывший около метра длины. Приблизительно я догадывался о содержании свитка. Это не был указ Александра Македонского, но тем не менее это была рукопись его времени.

У входа в палатку некоторое время шептались две женщины; одна из них

опиралась на старинное ружье-мултук. Вскоре обе куда-то скрылись. Из крайних палаток доносились песни и удары бубнов: это кочевницы забавляли моих спутников—угрюмого Мердана и веселого Курбана...

Уже сторели две сальных свечи и сквозь щели шатра стал пробиваться рассвет, когда я опустил голову на ковровый хуржум и закрыл глаза.

Утром Биби-Гюндюз угостила нас пловом с финиками. Она уже не была в своей золотой тиаре и походила на других женщин ее лагеря. Деловито осмотрела она наших коней и легко бегала между палатками, лоя разбежавшихся ягнят.

Я вернул ей амулет — серебряную кукурузу — и заявил, что это действительно указ самого Искандера (зачем

разрушать иллюзии ее рода?), но что мне трудно было перевести указ на туркменский язык...

Мы двинулись в путь.

Часов через шесть на склоне оврага мы увидели профессора Хэнтингтона. Верблюды со спутанными ногами оты-

...Я вместе с другими товарищами переплыл на другую сторону на надутых воздушных козьих шкурах...

скивали в степи колючки. Хэнтингтон, сидя на вьюке, читал свою маленькую карманную библию.

— Все ли благополучно? — спросил я. — Отчего вы не идете вперед?

— Как видите, все отлично. Сегодня воскресенье, когда я считаю долгом, как верующий, не двигаться с места и проводить время в размышлении. А кроме того, я подумал, что, может быть, вы меня догоните. Здесь есть небольшая лужа с малосолевой водой, которую лошади пьют. Одним словом, все оллрайт...

V. Кифаред Аристоник.

Через полгода я беседовал с профессором В. К. Ернштедтом¹⁾, известным

¹⁾ Профессор В. К. Ернштедт читал лекции в Ленинградском университете по древне-греческому языку и палеографии — науке о древних рукописях.

эллинистом, автором исследований о греческих рукописях, палимпсестах ¹⁾ и надгробных надписях.

— Мне жаль, — сказал профессор, — что вы не представили подлинника, однако, текст говорит многое. Это письмо к Александру, написанное одним из его воинов в последний период жизни великого авантюриста, когда он был уже властителем всей Передней и Центральной Азии и находился в Экбатане. Я перевел вам весь текст. Он написан неким беотийцем ²⁾ Аристонином, манера письма и сокращения слов, «титлы», также подтверждают беотийское происхождение рукописи. В книге Флавия Арриана о походах Александра упоминается некий Аристонинок, «кифаред», гуслир или цитрист, будто бы убитый скифами-массагетами ³⁾ подле Зариаспы, нынешнего Чарджуя. Может быть, Аристонинок был взят в плен и является автором этого письма. Я напишу обстоятельное исследование об этой рукописи. Желательно приобрести папирус у этой современной кочевой амазонки и передать на хранение в Публичную библиотеку.

Перевод, полученный от профессора Эрнштедта, я привожу ниже. Не знаю, написано ли им обещанное исследование;

¹⁾ Палимпсест — рукопись, на которой стерт первоначальный текст и написан новый. Ученым часто удавалось восстановить первоначальный текст и получать ценные древние записи.

²⁾ Беотия — провинция в древней Греции, из которой много колонистов переселилось на берега Малой Азии.

³⁾ Скифы — собирательное имя для различных народов индо-германского корня, кочевых и земледельческих, живших за несколько сот лет до начала нашего летоисчисления на равнинах Средней Азии, Кавказа, юга Украины, вплоть до устья Дуная. Отдельные племена назывались: саки, даи, абии и пр. Некоторые сведения о быте и образе жизни скифов сообщают древние греческие писатели: Геродот, Страбон, Птоломей и др. В виду того, что кочевые скифы своими нравами и обычаями напоминали монголов, ряд ученых (Нибур, Шафарик, Мищенко) считали скифов племенем, родственным позднейшим монголам и тюркам. Военственные и свободолюбивые скифы упорно боролись со всеми завоевателями и не раз совершали опустошительные набеги по всей Передней Азии, вплоть до Египта. Массагеты — одно из скифских племен. Смешавшись с свторгшимся племенем огузов, они образовали нынешнюю туркменскую народность.

может быть, оно хранится среди его посмертных бумаг. В печати я его не видел.

VI. Письмо, которое не дошло.

«Александру, сыну Филиппа, царю Азии, потомку бога Аммона ⁴⁾, победителю персов, египтян, эфиопов, скифов, бактриан, согдиан ⁵⁾, парапамисадов ⁶⁾ и тысячи других племен и народов, имена коих я не знаю, а знаешь только ты, великий, да Зевс всемогущий, — привет и пожелание здоровья и новых побед посылает твой верный товарищ по сражениям кифаред Аристонинок, сын Калимаха, родившийся в городе Акрафии, в Беотии, близ Копайского болота.

Во время твоего блистательного похода к реке Оксу ⁷⁾ я вместе с другими товарищами переплыл на другую сторону на надутых воздухом козжих шкурах ⁸⁾ и участвовал в сражении.

Меня ранили скифы-массагеты заокские; я был сброшен с коня, который влачил меня по камням, пока я не потерял сознание. Я очнулся от сильной боли. Около меня сидел старик, их лекарь, и держал выдернутую стрелу. Он спросил меня: «Что ты умеешь делать? Шить ли сапоги, ковать мечи, строить храмы или делать что-либо другое полезное? Тогда ты сохранишь себе жизнь, иначе тебя убьют».

Это было с его стороны коварством. Так как скифы любят знание и хотят уподобиться грекам в просвещении, то они из пленных отбирают им полезных и оставляют навсегда у себя, перерезав сухожилия около пятки, чтобы те не убежали. Я не знал этой хитрости и сказал, что умею играть на гусях и плясать священные танцы. Старик передал это скифским старейшинам, и те оставили меня у себя рабом, тогда как других плен-

⁴⁾ Во время похода в Египет Александр Македонский прибыл в храм бога Аммона, находившийся в оазисе Сивах, среди Ливийской пустыни. Аммонские жрецы торжественно провозгласили его «сыном бога Аммона».

⁵⁾ Бактриане и согдиане — племена, жившие в нынешнем Узбекистане и Таджикистане.

⁶⁾ Парапамисады — афганцы.

⁷⁾ Окс — река Аму-дарья.

⁸⁾ Способ переплывать реку на надутых шкурах (бурдюках) сохранился в Таджикистане до сих пор.

ных они отослали к берегу Окса, чтобы обменять на взятых тобою в плен скифов. Мне не перерезали сухожилий, чтобы я мог плясать перед скифами во время их пиршеств.

Уже прошло три долгих года, как я нахожусь в плену, и теперь надеюсь послать тебе это письмо через товарища Пифона, сохранившего целыми свои ноги. Он решил убежать, изучил скифский язык, женившись на скифской девушке из племени амазонок, которые мужей не имеют, а живут своими женскими общинами. Поэтому и жена моего товарища не может оставаться больше с амазонками, и теперь вдвоем они хотят переплыть реку на выносливых конях и прибыть к тебе, величайший, непобедимый, сын Зевса, равного которому нет, не было и не будет на земле!

Когда Пифон доберется до тебя, он передаст мою мольбу к тебе, который всегда так заботился о всех своих товарищах по битвам, покрывших себя ранами ради славы твоей и нашей дорогой родины. Ты давал каждому больному и

Когда скифы хмелеют, они прыгают вокруг костров с дикими песнями и воплями...

раненому всаднику, возвращавшемуся на родину, по два таланта¹⁾. Я молю тебя прислать эти деньги на берег Окса, около Зариаспы, и здесь через посредников твой посол пусть вызовет скифа Будагена, чтобы выкупить меня из рабства. Тогда я снова буду сражаться за тебя и петь тебе гимны, воспевая твои походы и доблесть твою и твоих товарищей.

Добровольно скифы меня выпустить не хотят, а заставляют учить их детей писать и говорить по-гречески, петь греческие боевые песни и играть на гусях. Я живу только надеждой, что снова увижу родные вершины Геликона²⁾ и долины Беотии, покрытые зелеными виноградниками и маслиновыми рощами.

Скифы-массагеты, меня захватившие, весьма храбры и больше всего на свете любят свободу и коней. Они гордятся, что убили непобедимого Кира персидского и голову его положили в мешок, наполненный кровью, чтобы он, ненасытный в убийствах, наконец напился крови досыта. Один из знаменитых храбростью скифов, Будаген, узнав, что я умею играть на гусях, предложил сделать меня своим другом, держать в почете, если я сделаю гусли и буду ему играть, когда к нему придут гости. Он выкупил меня от того скифа, который подобрал меня на поле битвы, дав за меня пять отличных кобылиц.

Скифы очень любят, когда я воспеваю твои походы и особенно твои победы при Гранике³⁾ и взятии горной крепости Аримазы⁴⁾ с помощью крылатых воинов.

Скифы любят пить при всяком случае, даже во время совещаний о набеге, войне или заключении мира они пьют охмеляющий напиток, сделанный из молока,

¹⁾ Талант — мера золота, около 1 600 рублей на современные деньги.

²⁾ Геликон — горный хребет в Беотии.

³⁾ При реке Гранике Александр одержал первую блестящую победу над персидским войском, превышавшим численностью македонские войска в несколько раз.

⁴⁾ Аримаза (ущелье Байсун-тау) в нынешнем Таджикистане. Арриан описывает взятие этой крепости Александром при помощи следующей хитрости. Воины Александра с огромными трудностями взобрались на скалы, возвышавшиеся над неприступной крепостью и, размахивая плащами, изображали крылатых воинов. Суеверные жители после этого сдались Александру.

...На кургане стоит человек, закутанный в изодранный греческий плащ. Около него присели на корточки скифы...

при чем передают друг другу золотую чашу, украшенную рисунками ¹⁾. Эта чаша переходит из рук в руки, а виночерпий подливает в нее вино. Особенно славным считается сразу выпить всю чашу и затем сохранить ясным свой рассудок.

Когда скифы хмелеют, они прыгают вокруг костров с дикими песнями и воплями, размахивая короткими обоюдоострыми ножами, похожими на листья. Тогда они хотят в ярости перебить всех пленных, борются друг с другом и на конях носятся вперегонки по равнине, не разбирая дороги. Меня тогда спасает мой хозяин Будакен, который гордится перед другими скифами, хвастаясь, что ему играет на кифаре тот самый артист, которого любил слушать Александр непобедимый, богу Арею ²⁾ равный.

Еще у скифов есть обычай: когда умирает знатный скиф, то с ним должны вместе умереть его жены, которых связывают и кладут на дрова, где они сгорают живыми вместе с телом их мужа. Жены в это время поют песни, а те, ко-

¹⁾ В курганах скифского происхождения часто находились чаши с рисунками, искусно сделанными, повидимому, греческими мастерами. Знаменитая Куль-Обская ваза, сделанная из чистого золота, хранится в Эрмитаже, в Ленинграде.

²⁾ Арей — бог войны у греков.

торые боятся огня, просят их скорее зарезать, что охотно делают друзья покойного. Потом рабы насыпают курган и на нем распяливают на кольях кожу любимого коня, думая, что покойный герой едет на нем по ночам и бьется с врагами скифов. Конь на кургане стоит, как живой, убранный словно на битву. Вместе с женой убивают и любимых рабов, которые должны вместе с ними пойти в другой мир и там им служить.

Так как мой хозяин настолько любит мою музыку, что хочет слушать мои гусли и после смерти, я молю богов, вечно сущих, чтобы они дали Будакену долгую жизнь и здоровье. Надеюсь, что тем временем ты, великий Александр, пришлешь за меня выкуп или обменяешь

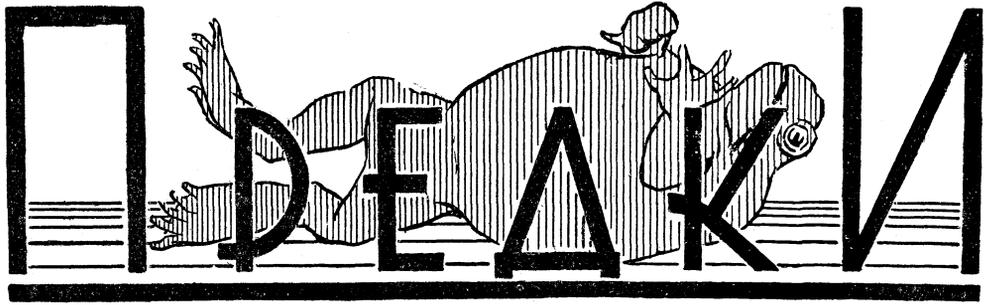
на другого кифареда, из числа, имеющихся у тебя египетских рабов-музыкантов, и тогда я хотя бы старым калекой вернусь в милую моим очам Беотию, где буду воспевать детям и внукам твою храбрость, величие и заботу о воинах, деливших с тобою все трудности твоих незабываемых походов...»

* * *

Передо мной лежат выцветшие листки моей путевой тетради с греческим текстом и рядом написанный бисерным почерком перевод профессора В. К. Ершtedта.

Я закрываю глаза, и мне кажется, что на фоне заходящего солнца вырисовывается высокий курган; на нем стоит одинокий человек, закутанный в изодранный греческий плащ. Около него присели на корточки длинноволосые скифы в остроконечных войлочных клобуках и широких пестрых штанах. Они ждут песен.

Пленник смотрит в даль, туда, где тянутся синие хребты персидских гор; его глаза жадно ищут в туманном горизонте караван верблюдов, который спасет его из рабства. Но все пусто в беспредельной степи, и он, зазвенев цепями, берется за гусли...

Фантастический рассказ

Рисунки худ. А. Шпира

Автором настоящего рассказа, присланного на литковкурс «Всемирного Следопыта» 1928 г. под девизом «Путь», оказался Леонид Андреевич Черняк (из Киева). Рассказ получил 8-ю премию — 150 руб.

I. Печальные глаза.

Профессор Сомов только что захлопотформировал крупную водяную лягушку и распыл ее животом вверх на деревянной дощечке для вскрытия. Лапки были приколоты большими булавками, белое брюшко подымалось и опускалось, огромные прекрасные глаза смотрели печально, подернутые дымкой наркоза.

— А ведь она похожа на человека!— с оттенком жалости сказал один из учеников-лаборантов.

Сомов расхохотался:

— В старину существовал какой-то чудак, уверявший, что в эпоху ихтиозавров и птеродактилей люди плавали в воде в виде лягушек. Сейчас я вам покажу, насколько внутренние органы лягушки отличаются от человеческих.

Профессор взял скальпель и, попробовав его острие на ногте, готовился приступить к делу...

— Можно войти?— раздался голос за дверью лаборатории.

— Входите!— крикнул Сомов, узнавая говорившего.

Рейдаль был высокого роста, худой, сутуловатый, со взглядом исподлобья. Когда он входил, хотелось спросить: «Убил ли ты кого-нибудь или только собираешься убить?» Но после первого мрачного впечатления всякий убеждался, что в сущности это бесконечно добрый, отзывчивый человек, который не обидит и мухи.

— Ну, как ваши работы по палеонтологии?— спросил Сомов, дружески пожимая руку Рейдалю.

— Как всегда,—брожу в потемках и лишь изредка вижу просветы. Сделано так много, а в результате мы не можем уверенно ответить на самые простые вопросы.

— Например?

— Да вот хотя бы взять вопрос о происхождении человека. Дарвин наградил нас обезьяноподобным предком. Эта гипотеза, казалось, подтверждалась находкой неандертальского черепа. Следовательно, во главе человеческого родословного дерева стоит обезьяна. Одна из обезьяньих пород стала прогрессировать умственно и физически, и постепенно сложился человеческий тип—*homo sapiens*¹⁾. Но вот нашли гейдельбергский череп, и теория рухнула. Есть полное основание думать, что предок наш был человеком, существом разумным, а обезьяна — продукт одичания и вырождения этого человека. Эта гипотеза соответствует и взглядам дикарей, которые убеждены, что обезьяны—одичавшие люди.

— Ну, что же! Можно только порадоваться прогрессу науки.

— Да, но вопрос о происхождении человека становится все запутаннее. Откуда взялся человек — общий предок прогрессирующей человеческой породы и регрессирующей обезьяны?..

Сомов покачал головой:

— Вы, кажется, научный фантазер, мой милый, а я старый позитивист и, с вашего разрешения, приступлю ко вскрытию лягушки.

¹⁾ *Homo sapiens* (по-латыни)—разумный человек.

Рейдаль только теперь обратил внимание на распростертое тело земноводного:

— Посмотрите, профессор, какие у нее печальные глаза. Она смотрит прямо по-человечески.

— То же самое говорит мой ученик. Он утверждал даже, что лягушка похожа на человека.

Рейдаль вздрогнул и пробормотал невнятно:

— И он прав... Я не хочу присутствовать при вскрытии, — сказал он громко. — Пойду и подожду вас в кабинете. Не мучьте слишком ее.

Провожая Рейдаля глазами, Сомов бросил ученикам:

— Вот чудак-то! Расчувствовался над лягушкой!..

Через полчаса оба ученых сидели в кабинете за бутылкой золотистого хереса.

— А знаете, — сказал Сомов, — я не ожидал от вас такой сентиментальности. Положим, вы возитесь с костями давно умерших животных, но ведь должны же вы были изучать и живые, соьременные экземпляры?

— Ну, конечно, изучал.

— И делать вскрытия, производить вивисекции?

— И производил, и произвожу.

— Ну, как же в таком случае понять ваше волнение по поводу лягушки?

Рейдаль долго не отвечал.

— Не знаю сам почему, — начал он наконец глухим голосом, — но вы мне внушаете доверие. Я готов вам рассказать то, что хранил до сих пор втайне от всех из боязни быть смешным, так как не имею чем подтвердить все мною виденное. Впрочем, лучше я пришлю вам мою рукопись. Можете ее оставить у себя навсегда. Но читая, не утешайтесь мыслью, что я или мистификатор или сумасшедший. Все до последнего слова там чистая правда, ни тени выдумки...

Через два дня Сомов получил рукопись и так увлекся ею, что долго читал и размышлял над ней. Он почувствовал, что его вера в основы науки, которые он много лет считал неоспоримыми, поколебалась под влиянием прочитанного в записках Рейдаля, правдивость которых в его глазах была вне сомнений.

РУКОПИСЬ РЕЙДАЛЯ:

II. Сон или явь?..

В 25 лет я был одержим страстью к путешествиям. У меня были хорошие средства и, что еще важнее, не очатые молодые силы и цветущее здоровье. Мне удалось найти двух товарищей с такими же вкусами и стремлениями, как мои. Мы объездили множество стран, совершая длинные путешествия пешком и подвергаясь иногда значительным опас-

Орел закогтил странное существо и поднялся с ним на воздух...

ностям со стороны стихий, хищных зверей и дикарей.

Однажды, бродя в области Скалистых гор, мы заночевали в долине, окруженной с трех сторон гигантскими каменными стенами. В долине бежал ручеек и росли кустарники. Таким образом, мы имели все для лагерной стоянки. Развели костер и зажарили убитую днем дичь. Наевшись, мы легли спать, при чем по обыкновению один из нас сторожил, сменяясь с товарищем через каждые три часа.

Моя вахта наступила под утро. Было прохладно, над долиной стоял туман, и я возобновил костер, чтобы согреться. Легкая дремота то и дело овладевала мной, и я с трудом боролся с нею. Принято думать, что самое тяжелое дежурство — ночное. Это неправда. Именно утром у здорового человека сон хотя и не так крепок, как с вечера, но, если можно так выразиться, особенно навязчив. словно невидимая рука закрывает тебе глаза, и не успеешь оглянуться, как уже находишься во власти легких утренних видений.

В одну из таких минут до моего слуха донесли странные стонущие звуки. Я быстро очнулся и стал прислушиваться. Кругом все было тихо. Повидимому, стоны мне пригрезились. Чтобы не поддаваться больше дреме, я закурил трубку. Туман начал розоветь, и его плотная пелена под горячими стрелами солнца пошла волнами и за клубилась. Местами в тумане уже образовались просветы. Скоро надо было готовить завтрак.

Вдруг снова раздался стон. Он несся, повидимому, от истоков ручья. Я настоятельно различал крики и голоса различных животных. Однако в этих странных звуках я не узнавал ни плаксивого голоса гиены, ни стоны некоторых пород птиц, обманывающих неопытных сходством с плачем ребенка.

Стон повторился. Теперь я уловил переливы человеческого голоса. Несомненно, кто-то страдает там, у истоков ручья, нуждается в моей помощи... Я схватил ружье и бросился бежать вдоль ручья. Туман почти рассеялся, и солнце заглянуло во все закоулки долины. Стоны усиливались, и я уже не

сомневался, что они принадлежат человеку.

Остановившись, чтобы перевести дыхание, я стал внимательно смотреть по сторонам. Никого. А стоны, как нарочно, прекратились. Наконец около одного куста я увидел что-то белое и бросился туда.

Что это? Может быть, я все еще сплю у костра, и воображение мое создает чудовищные химеры?.. Где найду слова, чтобы описать необычайное существо, судя по ослабшему голосу, доживавшее последние минуты!..

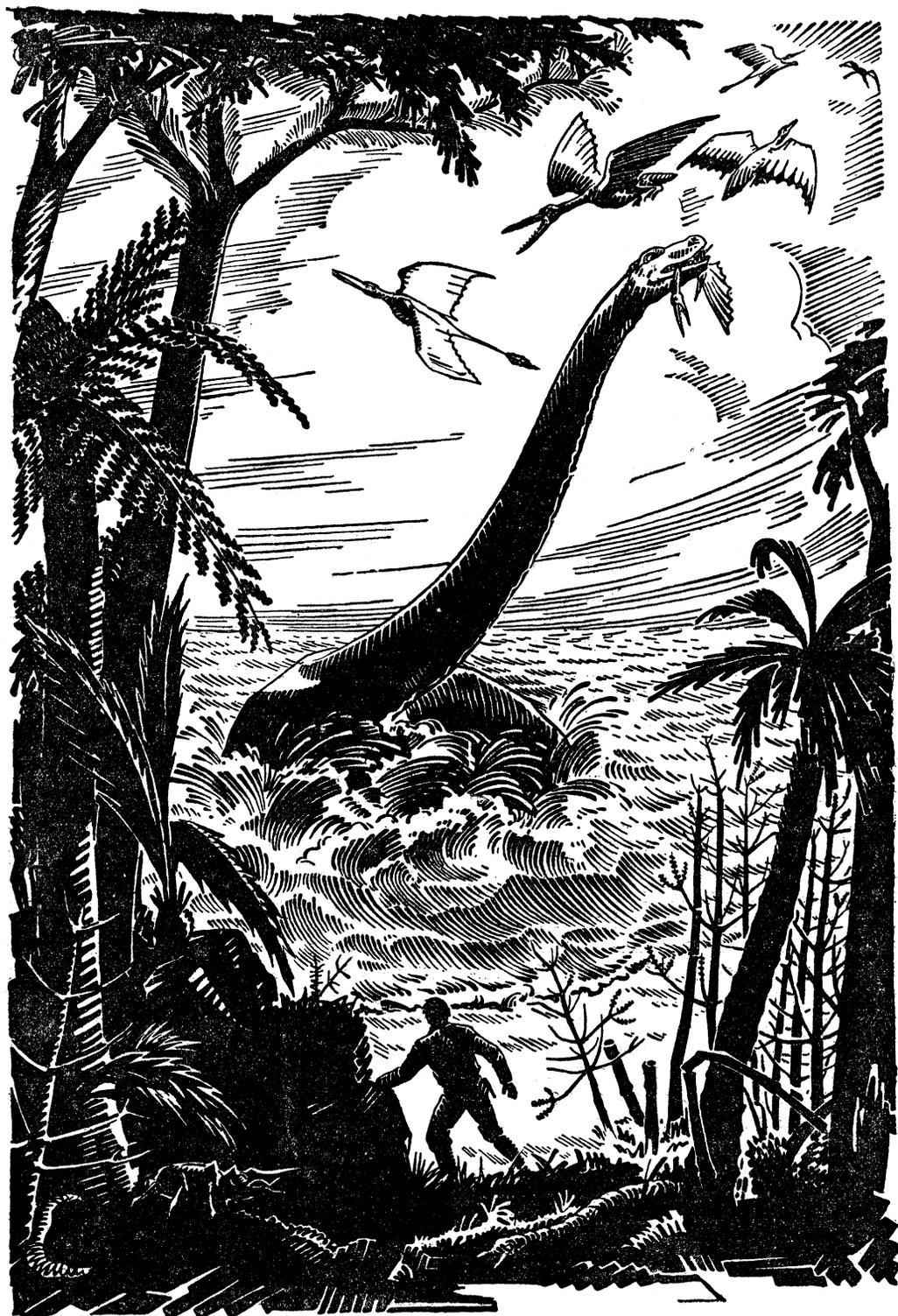
Оно было ростом не более полутора метров и общим видом напоминало человеческую фигуру. Но, вглядываясь пристальнее, я не мог признать его за существо одной породы со мной. Оно лежало на спине, и солнце ярко освещало большой белоснежный живот, такого же цвета грудь с довольно неопределенными женскими формами и выпятившееся горло, находившееся в непрерывном движении. Раскинутые руки и ноги походили на человеческие, хотя бедра были гораздо толще и длиннее. Пальцы были очень длинные и соединялись между собой плавательной перепонкой.

Но изумительнее всего была голова. Шея совершенно отсутствовала. Огромный рот тянулся почти до ушей. Нос маленький, приплюснутый. Но глаза!.. Я никогда не забуду их страдальческого выражения! Величиною с яблоко, они были темно-синего цвета, и в них отражались, несомненно, и человеческие чувства и разум...

Я нагнулся и дотронулся до диковинного существа. Кожа скользкая, влажная, но не холодная, как у гадюк.

Внезапно надо мной потемнело, слышался взмах могучих крыльев, и на землю спустился огромный горный орел. Он быстро закогтил странное существо, уже не подававшее признаков жизни, и поднялся с ним на воздух. Растерявшись от неожиданности, я не успел выстрелить, и орел скрылся со своей добычей за зубчатым краем скалы...

Надо было спешить в лагерь. Товарищи могли проснуться каждую минуту, и я мысленно уже слышал их брань и воркотню по поводу неприготовленного завтрака.

Голова метнулась вперед и схватила одну из больших птиц, стаей носившихся над морем...

Но тут внимание мое привлекло одно необъяснимое на первый взгляд обстоятельство. Ручей у истоков был так же широк и глубок, как и ниже, а до каменной стены, из-под которой он выбивался, оставалось всего метров двадцать.

Я решил исследовать, откуда берется поток воды, и дошел до скалы. Здесь сразу все объяснилось. Внизу каменной стены находилось большое отверстие аркой, из которого вода и устремлялась наружу со значительной силой. Очевидно, подземный ручей пробил себе здесь дорогу на поверхность земли.

III. «Пещера Рейдаля».

Я ничего не сказал товарищам о виденном мною странном существе. Они, конечно, не поверили бы и только посмеялись бы надо мной. Да и самому мне через два дня это происшествие показалось невероятным. Я готов был с натяжкой признать, что просто спал у костра и видел необычайный сон, навеянный дикой природой Скалистых гор...

Мы продолжали свое странствование и на ночь обыкновенно останавливались в одной из узких долин, удивительно похожих друг на друга.

Через неделю мы набрали на обширную долину, далеко уходившую в глубь гор и раскинувшуюся цветущей поляной с рощицей и небольшим озером. Все здесь сулило хорошую охоту, и мы решили остановиться в долине на несколько дней. Устроили шалаш из ветвей на берегу озера под сенью трех гигантских деревьев. В два дня мы настроили столько дичи, что могли бы питаться ею целых две недели. Имея в виду, что при дальнейшем путешествии нам предстояло пройти почти бесплодную местность, мы занялись копчением и вялением дичи. Я проявил к этому делу мало способностей и охоты и продолжал бродить по долине.

Однажды я зашел далеко и не заметил, как стало темно. Возвращаться назад темной, безлунной ночью было трудно, к тому же я порядочно устал.

Я стал отыскивать для ночлега углубление в скале, но долго ничего не находил. Стены шли гладким отвесом. К концу долины строение гор, однако,

значительно изменилось. Я уже готов был остановиться на одной неглубокой пещерке, но там весь пол был засыпан острыми камнями, и расчищать себе ложе было бы слишком сложно.

Я пошел дальше и вскоре наткнулся на широкое отверстие аркой. Войти можно было не сгибаясь. Это был узкий коридор, приведший меня в большую пещеру. Я засветил электрический фонарик, но его света было недостаточно, чтобы разогнать мрак, повидимому, весьма высоких сводов.

Мне пришло в голову, что я могу развести в пещере костер и заняться приготовлением убитой утки. Собрать несколько охапок сухих веток и разжечь большой огонь было делом получаса. Костер осветил довольно большое пространство, тем не менее, я не мог составить себе понятия об истинных размерах пещеры.

За ужином я рассуждал вслух и хватался, что сделал замечательное открытие. Наверно, эту пещеру назовут моим именем. «Пещера Рейдаля»!.. Завтра с товарищами мы произведем подробное исследование и составим описание пещеры. Может быть, найдем что-нибудь замечательное.

Я радовался как дитя своей находке и заснул, убаюканный яркими образами, созданными фантазией. Если бы я знал, что меня ожидает впереди, я, конечно, бежал бы из этого проклятого места...

О том, что наступило утро, я узнал по потоку света, вливавшегося через коридор в пещеру. Наверху все еще густел мрак, но пол и противоположная стена были ярко освещены. Пещера оказалась действительно огромной, но составляла лишь часть подземного лабиринта, потому что виднелся вход во второй коридор.

Доев остатки утки и запив их горячим чаем, я поспешил к товарищам.

IV. А товарищей все нет...

Мы составили военный совет, на котором было решено, захватив побольше провизии и воды, произвести детальное исследование пещеры. Для факелов мы нарубили смолистых ветвей. Кроме того, у каждого имелся электрический фона-

рик. На следующий день утром мы углубились в толщу гор и в трепетном ожидании чудес прошли второй коридор. Он привел нас в пещеру меньших размеров изумительной красоты. Кристаллы горного хрусталя сверкали при свете факелов, как драгоценные камни.

Пройдя одну за другой четыре пещеры, мы попали в подземный зал необъятной величины и, сделав несколько шагов, убедились, что находимся на берегу озера.

— Эх, если бы у нас была лодка! — вырвалось у одного из товарищей.

Пришлось обходить подземное озеро кругом. По дороге мы сделали остановку и плотно закусили. Неподвижная гладь озера, освещенная красным пламенем костра, таинственный мрак недр земли, странное эхо наших голосов — все это подействовало на меня удручающе, и, подчиняясь тяжелому предчувствию, я предложил товарищам дальнейшее исследование лабиринта отложить на следующий день. Мое предложение было встречено смехом и упреками в трусости, и мы пошли дальше. Большая арка указала нам путь в неизвестное. Коридор был очень высок, но вскоре он раздвоился, и мы остановились в не-

доумении на распутье. Что предпринять? Какого направления держаться?

Мне пришла несчастная мысль разделиться. Бросили жребий, и мне досталось итти одному. Мы разделили провизию и запасы воды, сердечно простились и бодро двинулись в путь: я — по правому коридору, товарищи — по левому. Через четыре часа мы должны были вернуться к распутью.

Больше мы никогда друг друга не видели...

Я быстро справился со своей задачей. Коридор привел меня в пещеру, из которой, повидимому, не было другого выхода. Пол ее был усеян костями каких-то огромных животных. В то время я был слаб в палеонтологии, но теперь могу с уверенностью сказать, что это были скелеты гигантских ящеров.

Осмотр пещеры занял много времени. Прошло более четырех часов. Товарищи, верно, меня ждут. Я поспешно вернулся к распутью. Однако, там никого не было... Я просидел часа полтора, нервно куря трубку, но товарищи все не показывались.

Дело становилось серьезным. Я пробовал кричать, выстрелил из револьвера. Звуки страшным грохотом, отражаясь

На берегу сидели огромные лягушки... Их пение напоминало человеческие голоса...

от скал тысячу раз, понеслись в темноту. Все смолкло...

Наконец ожидание стало невыносимым, и я решил пойти навстречу товарищам. Левый коридор сначала ничем не отличался от правого. Я шел, тревожно вглядываясь в темноту и освещая дорогу маленьким фонарем. Факелы все догорели. Сколько времени я шел так?.. Вероятно, не менее двух часов. Часы мои остановились, но я сужу по усталости, какую испытывал. Краткий отдых не давал мне облегчения. Воздух был пропитан сыростью, и температура его была не менее 25°C. Это напоминало атмосферу оранжереи. Я решил вернуться.

И снова я шел долго-долго, до полного изнеможения. Казалось бы, я давно должен был достигнуть распутия, но коридор нескончаемо тянулся то по прямой линии, то изгибаясь вправо и влево. Воздух становился все жарче и душней.

Наконец я понял, что заблудился. Жестокое отчаяние овладело мной. Я плакал, бился головой об стену, кричал до хрипоты и зачем-то стрелял...

V. Уголок первобытного мира.

Несколько часов провел я в беспмятстве. Очнувшись, я подкрепился едой и выпил последнюю воду. Необходимо было искать выход из проклятого лабиринта. Жажда вскоре начала томить меня... Были минуты, когда я готов был застрелиться. Я уже приставлял револьвер к виску, но жажда жизни каждый раз побеждала. Наконец я упал, и мне казалось, что вот-вот наступит смерть...

Странный шум, напоминавший морской прибой, долетел до моего слуха. Это было что-то новое, и я напряг последние силы, чтобы встать и идти вперед. Коридор круто заворачивал влево. Шум усилился, но нечто другое заставило меня радостно вскрикнуть. Впереди сквозь небольшое отверстие виднелся свет, и лица моего коснулась легкая струя воздушного тока... Я побежал, спотыкаясь о груды камней, добрался до отверстия, заглянул и замер от удивления...

Это было окно в другой мир, который еще никогда не отражался в глазах человека. Я увидел обширное подземное море, по которому ходили черные волны,

разбиваясь о берег. Вверху клубились густые облака. Освещение было желтовато-красное, какое бывает иногда на закате. Справа чернел высокий лес.

Я решил во что бы то ни стало выбраться на волю. Один вид воды приводил меня в безумие. Раскидать камни, увеличить отверстие было бы нетрудно, но я страшно ослаб и лишь силой воли победил все препятствия. Пробившись сквозь отверстие, я бросился к морю. Вода оказалась горько-соленой. Я разделся и выкупался, что сразу меня освежило. Затем я поспешил к лесу, где надеялся найти какую-нибудь пищу.

Вид растительности привел меня в новое изумление. Я видел такие деревья только на картинках. Папоротники, хвощи, лишай, мхи, грибы — и все это в гигантских, сказочных размерах! Я видел улитку длиной около метра и жука ростом с сенбернара. Исполинские черви, которых я сперва принял за змей, ползали в гнили и сырости леса...

Мучимый голодом и жаждой, я попробовал есть молодые побеги хвощей. Большинство из них имело водянистый вкус, но я напал и на мучнистые, сладковатые, которыми мог утишить терзания желудка.

Я старался не удаляться от моря и держался в виду его. Сильный шум заставил меня оглянуться на водную гладь. Над вспененными волнами показалась отвратительная чудовищная голова на длинной шее и молниеносно взвилась в воздух. Казалось, поднялся столб, увенчанный головой крокодила. Голова метнулась вперед и схватила одну из больших птиц, стайей носившихся над морем. Послышался лязг челюстей, птица исчезла в пасти, за ней другая, третья. Остальные разлетелись, оглашая воздух пронзительными криками, а голова вновь опустилась в морскую бездну...

Я продолжал свой путь по лесу. Вскоре судьба столкнула меня с новым чудовищем. Этого я знал по учебнику геологии. Оно принадлежало к сухопутным ящерам. Грузно ступал гигант, ломая на пути деревья и волоча за собою длинный хвост. Сравнительно маленькая голова и тонкая шея не соответствовали горлоподобному туловищу. Чудовище срывало с деревьев побеги и пожирало их. Оно

мирно паслось, подобно нашим коровам. Тем не менее, я поспешил уйти от него подальше.

VI. Люди-лягушки.

Дорогу мне пересекла довольно широкая речка. Вода в ней оказалась превосходного качества, и я с наслаждением утолил жажду. Переплыть речку я не решился и пошел вдоль ее берега. Вскоре она расширилась, образуя большую заводь.

Удивительные звуки заставили меня остановиться и прислушаться. Из кустов раздавался целый хор голосов, не лишенный некоторой стройности:

— А-а-а-а... у-у-у...

И потом резко:

— Э-э-э-э-э...

Я пробрался через гигантские мхи и осторожно вы-

Налетела стая огромных птиц, в раскрытых клювах которых виднелись ряды острых зубов...

глянул наружу. Передо мною был большой залив, повидимому, неглубокий, так как местами со дна поднимались моховые кочки и вода заросла высокими травами. Повсюду на берегу, на кочках, наполовину высунувшись из воды, сидели огромные лягушки. Некоторые достигали двух метров в высоту. Они были увлечены концертом, и их белые горла все время находились в движении.

Я невольно вспомнил о странном существе, выброшенном ручьем в долине. Однако оно гораздо более походило на человека, чем эти лягушки-великаны.

Вскоре я разобрался в звуках и понял, что к этому грубому хору примешивается другой, более нежный, несущийся с правой стороны залива.

Осторожно пробираясь по берегу под защитой мхов, я наконец нашел и вторую группу артистов. Они сидели на берегу около целого городка хижинок, грубо сплетенных из ветвей и грязи. Это были сородичи странного существа, которое унес на моих глазах орел Скалистых гор. Люди, похожие на лягушек, или лягушки, похожие на людей. Сиде-

ли они так же, как и настоящие земноводные, с согнутыми под острым углом ногами, между кото-

рыми помещались передние конечности.

Однако ходили они на двух ногах. Ходили тяжело, грузно, нередко падая и переходя в лягушечьи прыжки. Их пение напоминало человеческие голоса и было мелодично и заунывно, хотя основной мотив оставался неизменным...

Я не нахожу этих существ безобразными. У них такие прекрасные синие глаза с детским, жалобным выражением. За два дня, проведенных мною около залива, я имел возможность наблюдать этот странный народ. Их нравы произвели на меня самое лучшее впечатление.

Эти создания никогда не дерутся, не обманывают друг друга и очень любят своих детей, маленьких смешных человеко-лягушат. Старики и старухи отличаются огромными отвисшими животами и не в состоянии ходить на двух ногах.

Повидимому, эти существа не лишены дара слова и обмениваются разнообразными звуками, состоящими почти из одних гласных. Я заметил также, что лягушкоподобные относятся с презрением к настоящим лягушкам и не входят с ними в общение. Люди-лягушки нуждаются в частом купании и, говоря по совести, в воде мало отличаются от настоящих лягушек.

Я видел их общественные собрания. Несомненно, они совместно обсуждают общие вопросы. Рассаживаются на берегу. Один, старейший, мурлычит особым образом, другие слушают внимательно. Потом начинают отвечать, иногда в одиночку, иногда хором.

В одно из таких собраний случилось несчастье. Налетела стая огромных птиц, в раскрытых клювах которых виднелись ряды острых зубов. Люди-лягушки бросились к землянкам, но птицы успели унести троих взрослых и нескольких детей.

Когда хищники улетели, народ снова вышел на берег и затянул жалобную песню:

— А-а-а-а-а...

Скорбный стон окончился душераздирающей трелью, и мне показалось, что эти существа способны плакать. Они утирали лапками свои прекрасные синие глаза... Я весьма жалею, что не мог детальнее наблюдать жизнь и обычаи людей-лягушек.

На третий день я углубился в лес в поисках пищи. Изнуренный зноем, я решил выкупаться в ручье. Едва я опустился в прохладную воду, как меня подхватило и понесло стремительное течение. Я боролся изо всех сил, но пенный поток увлекал меня все дальше, ударил о камень, и я потерял сознание...

Очнулся я на берегу ручья, протекающего по долине. Лишенный одежды, оружия и припасов, я едва не погиб, но меня спасла партия охотников за козами.

Несомненно, передо мною на короткий миг открылся мир прошлого, и занавес вечности опустился вновь над этой необычайной картиной...

(Конец рукописи)

VII. Что говорит наука?

Рассказ доктора Рейдаля может показаться читателям плодом болезненной фантазии. Продолжительные блуждания по подземному лабиринту, крайняя усталость, жажда и голод действительно могли вызвать у Рейдаля бредовое состояние, в котором он видел людей-лягушек.

Весьма неправдоподобным на первый взгляд кажется описание пещеры: неизвестный источник света, ветер и волнуемое подземное море. Однако при очень больших размерах пещеры всегда возможны нарушения равновесия атмосферы вследствие местного повышения или понижения температуры, а следовательно, и образование воздушных течений. Труднее объяснить источник света. Не следует, впрочем, забывать, что далеко не все световые явления объяснены удовлетворительно наукой. Много ли мы знаем, в сущности, о природе северного сияния или зодиакального света?

В низших слоях атмосферы наблюдаются иногда странные световые явления, например, огни св. Эльма, появляющиеся на корабельных снастях, огни Кастора и Поллукса, всегда состоящие из двух огненных языков и долго держащиеся над шпилем высокой башни или колокольни. Принято относить эти явления к электрическим феноменам. Однако до сих пор остается необъяснимым, почему в данном месте появились именно такие, а не другие огни, а в очень многих местах никогда не появляется таинственных огней. В пещере Рейдаля могли быть светящиеся облака, скопившиеся под высокими сводами.

Что же касается главного, т. е. людей-лягушек, необходимо пояснить следующее: биология установила, что все животные произошли от первичной клетки путем ее постепенного развития под влиянием внешних условий и борьбы за существование. Для доказательства этой теории существует два пути: палеонто-

логия и эмбриология — наука о развитии зародыша.

Наука об ископаемых пытается установить непрерывную цепь форм между существами, населявшими Землю в различные эпохи, и современными. К сожалению, сохранились кости лишь немногих первобытных животных. Науке удалось, однако, установить связь между ящерами и птицами через промежуточные типы.

Сложнее обстоит дело с происхождением человека. Однако теоретически на вопрос: существовал ли предок человека, современник завров и древовидных папоротников? — Мы должны ответить положительно. Предок этот, по тогдашним условиям жизни на Земле, был, несомненно, земноводным животным. Принимая во внимание, что потомки сделались людьми, вполне допустимо, что и предок был не лишен некоторой разумности.

Напомним, кстати, что в преданиях каждого народа упоминается о чудовищах, драконах и химерах. Вероятно,

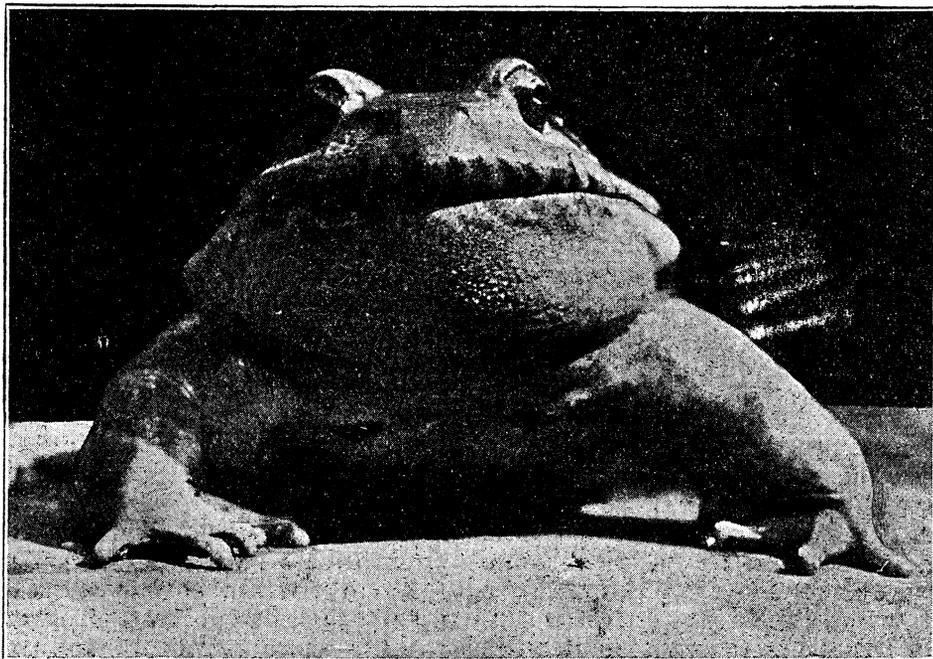
в мозгу земноводных предков запечатлелся образ чудовищных ящеров, и память о них передалась потомкам.

Второй путь доказательства теории эволюции дает эмбриология. Как известно, зародыш человека в течение девяти месяцев утробной жизни повторяет всю историю развития человека. Сперва он напоминает низшие одноклеточные существа, потом — многоклеточные. Затем он уподобляется моллюскам и слизнякам и в некоторый момент своего развития даже является двуполым. Но самое замечательное — это то, что в известный период зародыш человека имеет признаки жабр.

Если мы сравним постепенное развитие зародыша человека и лягушки, мы найдем много сходных черт, например: лягушка, как и человек, дышит только легкими, а головастик имеет жабры...

Действительно ли видел Рейдаль мир прошлого или это лишь фантастический бред, но рассказ его не так противоречит науке, как кажется на первый взгляд.

Личико, которое может нравиться только матери...

Крупная жаба, 12 1/2 сантиметра в поперечнике, носящая в зоологии название „bufo marinus“, пойманная экспедицией ученых на реке Парагвае (в Южной Америке).

Очерки **Ал. Смирнова**

участника экспедиции, снаряженной Академией Наук в помощь **Л. А. Кулику**

Сотрудник „Следопыта“ Ал. Смирнов, в рнувшийся в Москву 23 ноября 1928 г. из экспедиции по оказанию помощи т. Кулику в районе падения тунгусского метеорита, собрал в течение своего двухмесячного путешествия богатый краеведческий материал о Тунгусии, об условиях работы т. Кулика и о падении „тунгусского дива“. В этом номере мы даем пока лишь вводную часть исключительно интересных и содержательных очерков т. Смирнова. Основной же материал будет помещен во 2-м и 3-м номерах „Всемирного Следопыта“.

Дата — 30 июня 1908 года — отмечена астрономами и метеорологами. Этот день был кульминационным днем исключительных в истории астрономии и метеоритики ночных зорь или белых ночей, наблюдававшихся в течение двух недель в Западной Европе и России до Черного моря включительно.

В этот же день около шести часов утра пассажиры сибирского поезда наблюдали в окрестностях Канска не совсем обычное зрелище. В северо-восточной части неба показалась огненная точка, которая по мере приближения к земле быстро увеличивалась в своих размерах.

Достигнув величины дневного светила, загадочное тело огненным зигзагом пронеслось над лесом и, оставляя за собой блестящий след, скрылось за щетинистым гребнем тайги. Вслед за этим послышался удар — точно о наковальню ударился гигантский молот, — потом еще и еще.

Звуковая волна нарушила таежную тишину и звоном задребезжавших в окнах стекол всполошила только что поднимавшихся с постели обывателей Иркутска и Красноярска.

Приборы Иркутской физической обсерватории вышли из состояния покоя, а

на берегах Катанги ¹⁾ тунгусы в ужасе попадали на землю, умоляя добрых духов притти им на помощь, чтобы защитить их от грозного гнева всепокрушающего Огды ²⁾...

Что это было: комета, шаровидная молния, землетрясение?

Ни то, ни другое, ни третье. Это старушка-земля приняла в свои недра одного из посланцев далеких миров. Пассажиры поезда под Канском, тунгусы на Подкаменной Тунгуске и много других людей в Приангарье и Туруханском крае были свидетелями падения исключительного по своим размерам метеорита.

С того времени прошло ровно двадцать лет, а таинственный посланец небес еще лежит в таежных болотах за Подкаменной Тунгуской, повитый ожерельем тунгусских легенд. Ему не повезло с первых же дней пребывания на земле. Несмотря на то, что приход небесного гостя наблюдался тысячами людей, его тяжелая поступь была отмечена барографами и сейсмографами, горячее дыхание метеорита долетело до

¹⁾ Местное название Подкаменной Тунгуски.

²⁾ Дух грома и молнии.

самых отдаленных пунктов бывшей Иркутской губернии и Туруханского края, а там, где он поцеловался с Землей, на сотни километров преобразился таежный ландшафт, погиб весь животный и растительный мир, — всего этого, однако, оказалось недостаточно для того, чтобы привлечь к себе внимание научного мира того времени. Это, может быть, можно объяснить тем, что тогда метеоритика, как самостоятельная наука, еще не имела прав гражданства. Изучением метеоритов занимались попутно представители наук геологического цикла, а также астрономы.

Тунгусским дивом заинтересовалась лишь небольшая группа сибирских научных работников, которая и предприняла первую попытку найти место падения метеорита. Однако эта попытка успеха не имела.

Основываясь главным образом на показаниях очевидцев, наблюдавших падение метеорита из окон вагонов и в один голос утверждавших, что огненный шар упал в какой-нибудь версте от линии железной дороги, группа заинтересовавшихся метеоритом лиц ограничила свои поиски окрестностями г. Канска и, конечно, ничего не нашла.

Безрезультатность этих поисков вполне понятна, потому что было упущено из виду одно весьма существенное в таких случаях обстоятельство: лицам, наблюдающим падение какого-нибудь тела за горизонт, всегда кажется, что это тело упало где-то совсем близко — «за этой околицей, за этим леском»...

Так было и с тунгусским метеоритом.

Если бы его первым искателям пришла в голову мысль расширить район поисков — придвинуться на пятьсот километров к северу, — то и здесь от жителей приангарских селений они услышали бы то же самое: «небесный камень упал вот тут, за Ангарой»... На самом же деле его надо было искать даже и не за Ангарой, а еще на двести километров севернее, т. е. в пределах Тунгусии, за Подкаменной Тунгуской.

Как бы то ни было, а неудача первых поисков разочаровала даже тех, кто был заинтересован метеоритом с первого момента. Дальнейших поисков предпринято не было, и о небесном госте

скоро забыли. Не вспомнили бы, быть может, и до сего времени, но тут пришла на помощь простая случайность.

В марте 1921 года в руки научного сотрудника Академии Наук Л. А. Кулика случайно попал листок отрывного календаря от 15 июня 1910 года с заметкой о падении тунгусского метеорита. Это навело т. Кулика на мысль серьезно заняться этим делом, тем более, что в то время в Метеоритном отделе Академии Наук накопилось много сведений о падениях мелких метеоритов в Сибири и проектировалась экспедиция для проверки этих сведений. Попутно можно было выяснить вопрос и о падении этого метеорита. Хотя обстановка в тот момент была крайне неблагоприятна для снаряжения научной экспедиции, последняя, тем не менее, была осуществлена. Это была вообще первая метеоритная экспедиция, которая в то же время являлась первым шагом в научной работе по изучению тунгусского метеорита.

Материалы, собранные Куликом во время этой экспедиции, указали ему, где надо искать таинственного пришельца, но для этого нужна специальная экспедиция. С мыслью об организации такой экспедиции Кулик возвратился в Ленинград, и с этого момента «тунгусское диво» всецело овладело ученым. Подкрепив свои материалы солидными научными данными в виде сейсмических и барографических записей, собранных заведующим Иркутской обсерваторией А. В. Вознесенским еще в 1908 году, Кулик стал хлопотать об отпуске средств на экспедицию. Прошло, однако, пять лет, прежде чем вопрос об экспедиции на Подкаменную Тунгуску разрешился в положительном смысле.

В начале марта 1927 года Л. А. Кулик выехал из Ленинграда, а в конце того же месяца он уже был на фактории Ановар, т. е. в непосредственной близости от места падения метеорита. Тут он встретил тунгусов, а среди них даже непосредственных свидетелей «гнева Огды», и хотя они говорят об этом весьма неохотно и не иначе как шопотом, все же ученому удалось получить кое-какие сведения о том месте, где этот сердитый Огды «валил тайгу, кон-

чал оленей, кидал чумы»... Метеорит надо было искать где-то в верховьях реки Хушмо, правого притока Чамбэ.

Но дика, сурова девственная тайга и нелегко раскрывает она человеку свои сокровенные тайны. Два раза пытался Кулик проникнуть в район легендарного Великого Болота — места гнева Огды — и оба раза безрезультатно. Может быть, это он, Огды, не хочет, чтобы «ключе» (русский) увидел Страну Мертвого Леса, где не живет ни зверь, ни птица и куда ни за какие блага мира не пойдет тунгус?

Нет, причины неудач были самого обыкновенного свойства. Первый раз Кулик должен был вернуться, потому что отправился к месту падения метеорита не на оленях, а на лошадях, — они по уши вязли в глубоком снегу. Во второй раз его подвел тунгус. Взявшись проводить ученого до границы метеоритного бурелома, тунгус взял в поход свою многочисленную семью, которой так понравились продукты экспедиции, что она поела их раньше, чем экспедиция добралась до границ бурелома. Кулику пришлось вернуться на факторию из-за недостатка продуктов.

Только при третьей попытке, уже по наступлении весны, Кулику удалось достигнуть заветной цели. Шестнадцать дней двигалась экспедиция на плотах вверх по реке Хушмо, преодолевая массу препятствий и испытывая множество приключений, а на семнадцатый день взору ученого открылось странное зрелище: глубокая долина, очерченная холмистым горизонтом, была вся завалена сплошным буреломом. Это не был обычный таежный бурелом, в котором деревья валяются без всякого порядка по всем направлениям, — это был бурелом строгой закономерности. Плотно прижатые к земле, слегка обожженные деревья были обращены вершинами в одну сторону...

Картина происшедшего стала совершенно ясна ученому, когда он, достигнув цирка гор на водоразделе между

Хушмо и Кимчу, обошел лысые гребни: тайга была повалена по радиусам, центром которых являлось Великое Болото. И этот центр был усеян множеством разной величины воронок, похожих своими очертаниями на лунные кратеры...

Итак, краешек завесы над событием, в реальности которого сомневались до того еще многие из ученых, был приподнят. Кулик нашел место падения метеорита. Дальше стоял вопрос об изучении района падения метеорита и извлечении из земли раздробившихся на осколки метеоритных масс.

Вернувшись в Ленинград, Л. А. Кулик весной 1928 года снарядил новую экспедицию и принялся за работу.

Лето. Июль на исходе. Таежные дебри кишат птицей и зверьем, но на плоскогории, что раскинулось между верховьями Хушмо и Кимчу, пусто и безжизненно. Тут — Страна Мертвого Леса. Ни движения, ни звука. Только таежный гнус — бесчисленный рой комаров, оводов и мошки — нарушает царящее вокруг безмолвие. Группе людей, копошащихся среди бурелома с цепью и теодолитом, гнус не страшен: против него можно защитить себя плотной одеждой и сеткой. Но у людей мало продуктов, их питание крайне однообразно. Над ними витает грозный призрак цыгги...

Сначала заболел молодой рабочий, за ним — другой, потом помощник Кулика — Сытин. Надо немедленно покинуть тайгу, пока еще воля к жизни не погашена страшной болезнью. Кулик вывел экспедицию ближе к фактории и тут расстался со своими сотрудниками. Прощаясь с ними, он говорил:

— Пока не кончу намеченных работ, я не уйду отсюда, что бы ни случилось...

И это решение было бесповоротным.

Место падения метеорита было найдено, но его тайна еще ни разгадана, а для таких людей, как Кулик, неразгаданная тайна природы — это источник великих исканий. Пренебрегая собственной безопасностью, ученый остался в тайге, чтобы искать...

(Продолжение в следующем номере)

КАК ~~это~~ было

Со щитом за горными курочками

Рассказ-быль Керима.

Пустынен и сух Копет-даг¹⁾. Родник «чешме» в его щелях и долинах — драгоценность. Неустанное солнце позволило здесь расти лишь причудливым колючим растениям, а в высоких горах — древовидным можжевельникам — «арче». Однако эти пустынные горы населяет огромное количество самой разнообразной дичи. В предгорьях — стада джейранов, в горных расселинах — косяки кабанов, ближе к арче — козлы, бараны. И повсюду кудахчут «кеклики» — горные курочки.

Невольно удивляешься несоответствию между скудной растительностью и обилием населяющей эту пустыню дичи. С ружьем здесь всегда будешь сыт. Нередка встреча с хитрым, осторожным леопардом, а к югу, на самой персидской границе, где водится олень, можно наткнуться на медведя, даже на тигра.

Днем, в жару джейраны держатся высоко в горах, где прохладнее и есть для

них корм, а ночью спускаются в долины и на равнины — к воде. Обычная охота на джейранов — засада на пути их к водопою или у самой воды.

* * *

Всю ночь я пролежал на горе в засаде. К утру стало так прохладно, что пришлось натягивать на себя чапан. Светало. Джейранов нет. И не будет — очевидно, прошли другой дорогой. Я решил здесь же, под камнем, выспаться до наступления жары...

Проснулся я внезапно со смутной настороженностью. «Барс...» — мелькнуло в голове. Ущелье было наполнено солнечным светом; после крепкого сна все казалось необычным. Однако, повидимому, ничто не обещало опасности.

За камнем послышались мягкие, осторожные шаги по осыпи.

Шаги остановились. Была полная тишина. С винтовкой наготове, осторожно выглянул я из-за камня. Первой мыслью было — стрелять. В двухстах шагах от меня на перевальчике стояло что-то необыкновенно пестрое. Внезапно это пестрое трепыхнулось и исчезло. На его месте стоит человек.

— Тпейлема! Адам бар!²⁾ — кричит он, подняв ружье.

Теперь я понял, что это «нэрдэ».

— Корхма! Гел бура!³⁾ — кричу я человеку.

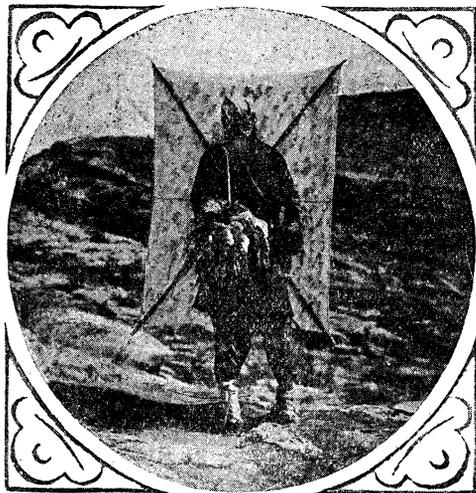
Туркмен подошел. Оба смущены, но довольны.

— Ну, что же, неси свой нэрдэ.

Туркмен неохотно отправился за своим орудием.

Охота на горных курочек с нэрдэ запрещена. О нэрдэ я слышал давно, но только что происшедший случай дал

¹⁾ Копет-даг — горный массив в Туркмении, по которому проходит граница с Персией.

Высмагривание дичи через отверстие в шите.

²⁾ Не стреляй! Человек есть!

³⁾ Не бойся! Иди сюда!

мне возможность близко познакомиться с этим интересным видом охоты.

Нэрдэ—это щит, почти квадратный, длиной около полутора метров. Сделан он из легкой ткани, например, бязи, натянутой на две, расположенные накрест по диагоналям, камышевые палки. В центре щита — дыра для ствола ружья,

Сидит туркмен за щитом притаившись...

которое при стрельбе кладется на пересечение палок, а выше — два отверстия для глаз. Наружная сторона сплошь унизывается разноцветными лоскутками.

Способ пользования нэрдэ обычно таков. Идет туркмен горами; всходя на перевальчик, закрывается щитом и высматривает дичь сквозь отверстия для глаз. Если курочек не видно, он встряхивает щитом. Тряпочки ярко пестрят, и вскоре курочки начинают перекликаться. Сидит туркмен за щитом притаившись. Куры с любопытством всматриваются в щит, собираются в кучу и либо ближе подходят к охотнику, либо он сам осторожно продвигается к ним. На расстоянии выстрела он бьет дробью в кучу птиц. Тем не менее, оставшиеся в живых куры далеко не улетают, а иной раз снова идут к щиту. Туркмены рассказывают, что бывают случаи, когда куры подходят к щиту и клюют цветные тряпочки.

Запрещение охоты со щитом вызвано возможностью массового истребления курочек. Туркмен весьма экономен с за-

рядными припасами; брать по одной-две курочки за выстрел — не в его обычае, а со щитом он бьет птиц стайками. И крупную дичь туркмен стреляет только наверняка, — выследит, отсидится, отлежится и бьет на расстоянии нескольких шагов из своего старинного «хырли»¹⁾.

После моего неожиданного знакомства с туркменом-охотником и его щитом трудно было удержаться от испытания нового для меня способа охоты. Приехав в город, я отправился в знакомые мне семьи, где занимаются шитьем. После дипломатических переговоров в мое распоряжение передавался узел с лоскутками, и я мог сколько угодно рыться в узле. Когда я снова уезжал в горы, у меня был роскошный щит — нэрдэ.

Рано утром мы вышли на охоту. Батыр-Мерген дал мне в помощь своего сына Дурды, и мы разошлись в разные стороны. Первая встреча с кекликами произошла так. Шли мы отлогим каменистым склоном.

— Смотри, смотри! — шепчет Дурды.

Впереди, дальше чем на расстоянии выстрела, стояло несколько курочек, еле заметных среди камней, благодаря защитной окраске оперения. Курочки, увидев нас, с беспокойством направились в сторону. Я остановился, прикрывшись щитом. Дурды спрятался за мной.

Я встряхнул щитом. Кеклики насторожились, остановились, подняли головы, с любопытством всматриваясь в щит. Перекликнулись курочки. Из-за камней вышли — новые птицы — двенадцать-пятнадцать молодых кур — и бегом направились прямо на щит. Тревожно закричала старуха-мать, и часть молодых курочек побежала за ней. Остальные, нахохлившись, глядели на щит. Я снова встряхнул щитом. Оставшиеся возле матери молодые куры, невзирая на ее крики, побежали к щиту. На расстоянии шагов пятидесяти я прицелился.

— Не стреляй, — шепчет Дурды, — иди к ним ближе.

Не верится, что куры не улетят, жалко упустить дичь, но ведь я «охочусь ради опыта»... Держа щит под углом, как это делал Батыр-Мерген, я стал

¹⁾ «Хырли» — нарезное шомпольное ружье.

осторожно подходить к курочкам. Но куры, к моему изумлению, сделали решительное движение к щиту. В двадцати шагах от меня они остановились кучкой; парочка отделилась — подходит еще ближе.

— Не стреляй, — снова шепчет Дурды, — остальные подойдут.

Однако я не стал поджидать новой дичи и выстрелил в ближайших курочек... Дурды бросился с ножом к куче трепыхавшихся окровавленных кур, чтобы сделать «домагын чал»¹⁾. Горы и ущелья мигом ожили, — повсюду зычно закричали бесчисленные кеклики. Их гортанный крик напомнил мне местное название курочек — «кяк-лик». В разных местах начали перелетать новые стайки.

— Ну, теперь бери сколько хочешь, — говорит Дурды, возвратившись с семью птицами.

И пошла работа. Завидев вдали группу кекликов, я бегу со щитом прямо к ним. Кеклики выбегают мне навстречу.

Неожиданно в пяти шагах наталкиваясь на пару незамеченных птиц. Стрелять нельзя: разобьешь в клочья. Прохожу мимо этой пары. Как только птица стала видна моя фигура за щитом, перепуганные, с криком они понеслись прочь.

Солнце стало ожесточенно палить. Поднялся ветер. Я окончательно выбился из сил, неуклюже бегая со щитом, который отчаянно мне мешал.

Мы спустились в глубокое ущелье, оглашаемое криками встревоженных табунков кекликов. Под тенистыми гранатными кустами присели отдохнуть. Плоды гранатов, правда, еще не вполне зрелы, но в безводном ущелье это прямо клад.

Дурды уже сделал разведку в ущелье и принес целую охапку кистей душистого черного винограда и почерневшего от зрелости инжира. Странным кажется, каким образом в таких каменистых, без намека на присутствие воды, ущельях могут так обильно расти и плодоносить

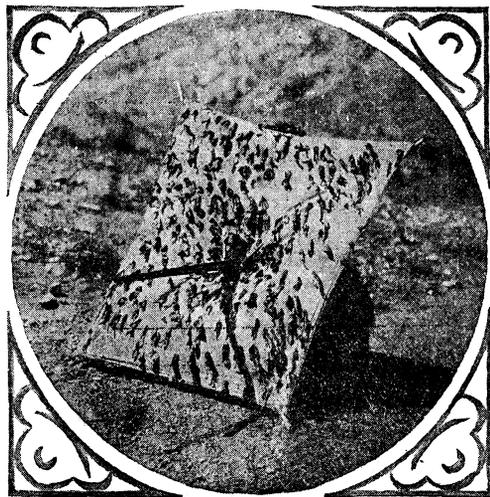
дикие деревья и кусты. Все это для кекликов — лакомства, а главная их пища, как я заметил, — мелкие луковичы растений-эфферов, которые ранней весной, в марте, цветами, как ковром, устилают каждый клочок каменистой почвы. Кеклики выкапывают эти луковичы и набивают ими зоб.

Пересчитали добычу: двадцать четыре молодых и две старых курочки: Дурды с сожалением смотрит на меня и на новых кекликов, подошедших на выстрел.

— Довольно! — категорически заявляю я.

Свернув щит, мы стали возвращаться домой, к кибитке, спугивая на пути новые стайки кекликов. Дурды с укоризной смотрит на меня, явно осуждая во мне недостаток охотничьего пыла.

— Чиль! — внезапно кричит Дурды. Мы спрятались в кусты. Дурды натянул нэрдэ на палки. Мне интересно было проверить действие щита на этих птиц. Чиль (каменная куропатка) так же, как и кеклик, — название, основанное на звукоподражании.

Что видит курочка...

По совету Дурды я пошел прямо к чиллям: сами они к щиту не подойдут. Целый выводок куропаток, во главе с матерью, насторожился, однако итти ко мне не намеревался, порываясь сняться с места. Трудно было удержаться от выстрела. Ясно было, что чилли не имеют такого тяготения к щиту, как кеклики.

¹⁾ Выпустить кровь, перерезав дичи горло. Мусульмане не едят дичь, у которой до остывания не успели перерезать горло.

До самой кибитки мы не сделали ни одного выстрела.

У кибитки дочь Батыр-Мергена, Гуль-Джамал, готовила гок-чай, а жена его возилась у казана (чугуна), стряпала коурму из кекликов, принесенных хозяином.

— Ты много стрелял, — говорит Батыр-Мерген. — Думал, всех кекликов перебьешь.

Сам же он, сделав два выстрела, принес полтора десятка курочек. Часть их он уже успел отослать соседям.

— Мы охотимся по очереди, — поясняет он, — и всю добычу распределяем между собой.

Солнце спустилось к голубовато-оливковым конусам ближней гряды гор. Мы сидели за кибиткой на цветистой кошме, медлительно наслаждаясь гок-чаем. Вместе с дымом из казана донесился запах почти готового ужина.

После ужина снова чай в уютной прохладе тихого вечера под легкое по-

трескивание веток держи-дерева в костре и спокойное повествование Батыр-Мергена. Он — старый местный охотник. Это особая порода людей, открытых, общительных.

Долго рассказывал мне Батыр-Мерген о повадках и нравах различных птиц и зверья: как барса обмануть, как дикобраза-бахчелюба из норы выудить, как от укуса черной «гюрзы» и белой очковой змеи спастись и много другого...

Ночью, засыпая, я глядел на темное обильно-звездное небо, слушал, как мой иноходец Жених фыркал и жевал посохшую люцерну, и думал о том, как мало нужно человеку для счастья. Здоровая усталость от дневного беганья в горах, сытость и свежий ночной воздух гор не дадут долго думать лежащему на мягком одеяле человеку. Осталось самое лучшее — сон...

Пустынен и сух Копет-даг, но для охотника он изобилен.

Гуль-Джамал готовила гок-чай...

ОТ
РЕДАКЦИИ

Прошлогодняя читательская анкета «Следопыта» выяснила, что читатели желают видеть на страницах нашего журнала юмористические рассказы. Редакция охотно идет навстречу этому желанию наших читателей.

С немалым трудом удаётся извлекать из присылаемого в редакцию материала такие юмористические рассказы, которые совладали бы с общей программой журнала. Для того, чтобы разрешить этот вопрос, мы объявим в № 2 «Следопыта» литературный конкурс юмористических рассказов.

Редакция просит авторов, склонных участвовать в этом конкурсе, заранее подготовиться к нему, помня о том, что наш юмор должен идти в разрезе путешествий, научной фантастики, краеведения и охоты. В особенности желательны **серии** юмористических рассказов с одними и теми же героями.

Рассказ-быль П. Казанского

Рисунки худ. В. Щеглова

Автор рассказа „Уточка“ провел в Манжероке, на месте действия рассказа, лето текущего года, изучая как Манжерокский порог, так и порядок сплава плотов через него. Имя героя рассказа вымышлено, но вся обстановка и действующие лица списаны с натуры. Иллюстрации к рассказу сделаны худ. В. Щегловым по фото, заснятым автором на месте действия (Манжерокский порог — в нижнем течении реки Катунь).

I. В Манжерок за Агничкой!

Летом горожанина тянет прочь из города. Куда-нибудь, где яркое солнце, чистый воздух, где красиво и необычно. Москвича тянет в Крым, на Кавказ, на Волгу. Сибиряка тянет на Алтай. Потянуло и Петра Иваныча Перепелкина, счетовода в одном из новосибирских «торгов». Кое-как сбился, очистил к лету сотняжку. Получил разрешение продлить законный двухнедельный отпуск еще на две недели «без сохранения содержания». С такими ресурсами далеко не заедешь.

Однако далеко заезжать и не потребовалось: Агничка уехала в Манжерок, стало быть, и Петр Иваныч едет туда же. Агничка — учительница, значит, у нее целых два месяца свободных. У Петра Иваныча — всего один. Но... горы, тропинки, скалы, Катунь... Неужели не хватит месяца, чтобы в такой обстановке довести дело с Агничкой до благополучного конца? Отдых отдыхом, но дела сердечные, пожалуй, поважнее, тем более, что в Новосибирске Агничка не очень-то обращала внимание на Петра Иваныча. Серенький он, обыкновенный, а Агничке хочется героя не героя, но чего-нибудь эдакого... замечательного.

И в самой потаенной извилине мозга у Петра Иваныча почти незаметно

для него самого сидела робкая надежда на случай. Горы... Мало ли что может в горах случиться! И вдруг он, Петр Иваныч, спасает кого-нибудь (конечно, лучше всего самое Агничку) от какой-нибудь горной опасности. Спасает, рискуя жизнью и, во всяком случае, выказывая чудеса ловкости, — на манер Гарри Пиля. И тогда... о, тогда...

Поплыли мимо красавца-парохода однообразные берега широкой мутной Оби. Промелькнули Камень, Барнаул. К концу третьих суток Петр Иваныч вместе со всеми пассажирами шарахнулся к правому борту — смотреть, как из-за поросшего кустами мыска широкой струей выходит мутная белесоватая Катунь навстречу синей прозрачной Бии и как их воды, клубами врываясь одна в другую, ведут борьбу за первенство. Ни та, ни другая одолеть не может: равны силы у сестер-соперниц. Постепенно смешиваются их воды, теряется граница; но еще на шестьдесят километров ниже слияния заметно, что у правого берега Оби вода прозрачнее, у левого — мутнее. Справа пришла Бия, слева — Катунь. Вместе — Обь составили.

Посмотрел Петр Иваныч на борьбу бийской и катунской воды, на далекие синие силуэты передовых гор на горизонте; выслушал громогласные пояснения случившегося на пароходе алтаеведа.

Узнал, что подлинные алтайские названия Бии и Катуня — «Бий» и «Катын», (по-русски — «Начальник» и «Хозяйка») и что, стало быть, алтайцы представляют себе их слияние в образе супружества.

А затем пришлось складывать и увязывать вещи: через час пароход причалил к Бийску — конечному пункту паромного движения. От Бийска до Манжерока сто десять километров колесной дороги. Ямщика Петр Иванович нашел недорогого, дорога гладкая, пыль ветерком в сторону относит, — не езда, а удовольствие!

В самом Бийске Петр Иванович переплыл на перевозе Бию; через пятнадцать километров увидел Катунь; еще через двадцать — и через Катунь переправился у первых нависших над перевозом скал. За Катунью дорога лугами и пашнями через большие богатые села. Ближе и ближе придвигаются к Катуня сопки, выше и круче встают они. За длиннейшим селом Ай, вытянувшимся между сопками и Катунью, совсем сузилась Катунская долина, лесом поросла. Немного выше Ая перевоз перекинул Петра Иваныча обратно через Катунь, на землю автономной Ойротии.

Еще двадцать километров красивой горной долиной, с шумной Катунью посередине, с цветистыми лугами и веселыми березняками, с откосами и скалистыми обрывами гор, и вот — тенистый сосновый бор и посреди него Манжерок.

II. Беседы с дедом Егором.

Не высоки у Манжерока горы — не выходят из пределов леса. Как почти везде на Алтае, их северные, теневые склоны поросли лесом и гигантскими, метра в два-три вышиной, травами, а южные, солнечные склоны почти безлесны. Широко расступились горы вокруг Манжерока, дали место и бору, и селу, и вечно шумливой Катуня. На все вкусы: есть простор, есть тень лесная, есть скалы с головоломными по ним тропками. А уж земляники в бору — не переест!

Снял Петр Иванович горницу в крестьянской избе (других дачных помещений в Манжероке пока нет), договорился с хозяевами насчет еды, мигом отыскал

в небольшом селе Агничку и пристроился к ее компании.

Собралось человек шесть. Гуляли по бору, усердно собирая и поедая землянику. Лазили на окрестные сопки. Однажды отважились штурмовать широкую неуклюжую Синюху, самую высокую возле Манжерока гору, при чем вымокли по пояс в гигантской сырой траве и вдоволь нагляделись на вековечные мшистые листовницы и пихты, росшие по горным склонам. Ходили за пять километров в небольшую Талдинскую пещеру, где девицы охали, пробираясь на короточках по низкому проходу, и визжали, цепляясь за наклонное сучковатое бревно, заменяющее перила при крутом подъеме по гладкому камню.

Однако больше всего просиживали у нижнего конца села над порогом Катуня. Пройдя широким руслом мимо села, Катунь резко поворачивает влево и, перегородженная и стиснутая скалами, с глухим, но мощным ревом несколькими бешеными потоками пробивает себе дорогу к следующему спокойному плёсу. Манжерокский порог — самый красивый и один из самых опасных в нижнем течении Катуня.

Все было интересно, весело, необычно, иногда трудновато, иногда чуть-чуть жутковато, но спасать кого бы то ни было не представлялось ни малейшей надобности. И с Агничкой дело шло ничуть не лучше, чем в Новосибирске. Скорее наоборот: обилие впечатлений заставляло ее почти совсем упускать из виду Петра Иваныча.

Недели через полторы Петр Иванович с горя стал даже избегать Агничкину компанию и полюбил уединение, которое охотно разделял с ним старик — отец его домохозяина. Вдвоем они то часами резались в дурачки, то вели бесконечные беседы на немудрые темы крестьянской жизни. И каждый раз, как пробегали по улице вереницы оседланных лошадей без всадников, старик неизменно оживлялся и торопил:

— Ого, паря, опять коней прогнали! Айда скорее на порог, поглядим, как плот пройдет!

Дело в том, что манжерокские крестьяне занимаются сплавом леса по Катуня через пороги. Вверх, к месту за-

«А эвон, за струей-то, за воротами — Уточка», говорил дедушка Егор...

готовок леса — километров за сорок-пятьдесят уезжают верхом; обратно лошадей гонит один человек, а остальные идут на плоту. Рысью бегущие лошади всего на какие нибудь полчаса опережают плот.

Петр Иванович с дедушкой Егором, завидя лошадей, устремлялись к нижнему концу села, на Шиш—каменный мысок, вдающийся в самый порог. Под Шишом вода вспенивается высоким грозным буруном. Ревут и пенятся, разбиваясь о камни, срываясь с них и сталкиваясь, бешеные белогривые струи Катуня.

Плот огибал верхний, протянувшийся поперек течения камень порога, стремительно пролетал под узкой гладкой струей между двумя следующими камнями и через мгновение, наполовину зарываясь в бурунах, несся уже мимо нижних камней порога в сравнительной безопасности по более широкому фарватеру.

— Вот энто, гляди, паря, Смирёна, — говорил дедушка Егор, указывая на верхний камень, обрамленный сверху по течению широким воротником пенистых валов. — Ты не гляди, что у ей пены много, она добра. Это она струю отшибат, значит. Коли к ей плот прижмет, николи не разбиват. Так постоит плот,

когда час, а когда и с полсуток, ну, а там плотовщики его стяжками ¹⁾ как ни на есть и отпихнут... А вот энто, под наш-от берег, ниже-то Смирёны, — это Кулюмес. Ишь, как коло него вода-то кулюмесит! Тут, брат, плоту самая ханá! Коли на Кулюмес наткнется, редко цел выйдет! А эвон, за струей-то, за воротами — Уточка. Маленький-то камешек. Промеж ей и Кулюмесом плоты-то и правят. Ну, бывает, и на Уточке разбивают плоты, только потише там, чем у Кулюмеса. За Уточкой, мотри дале, к тому берегу — Гусь. Он от плотов в стороне, никого им не обозначат. А ниже, эн, за буруном-то — Шиши. Об их тоже бьет плоты-то, да редко!.. Ноне, мотри, народ отчаянный стал — да и путь знат хорошо, дак уж вот сколь годов не тонуло людей-то. Хошь и разобьет который плот, за брезна ловются, а то на камне остаются. Ну, с камня их тот же раз сымают, на лодке подъезжают. Ты не гляди, что бурлит, есть мастаки — загоняют сюда и лодку!..

Дедушкин рассказ повторялся чуть ни слово в слово при каждом проходе плота через порог. И Петр Иванович, сначала почти с ужасом смотревший на плоты в пороге, мало-по-малу проникался убеждением, что пройти через порог на плоту — дело эффективное, но вполне безопасное. Плоты разбивает редко; люди уж сколько лет не тонут; даже с камней порога благополучно снимают потерпевших крушение...

Это незаметно росшее убеждение привело однажды к неожиданно для самого Петра Ивановича вырвавшемуся вопросу:

— А что, дедушка, проехаться на плоту нельзя будет?

— А пошто нельзя-то! — ответил дед. — Тупай, паря, к Ивану Орлову, — эн, на пригорке-то изба с новыми ставнями, — он всей здешней артели голова, всем плотовщикам. Он тебя приспособит. Тупай, паря, тупай, ошибки не дашь!

III. Герой дня.

У избы Ивана Орлова толпилась кучка плотовщиков. Шел дележ денег, полученных за сплав ряда плотов. Сам Иван

¹⁾ Стяжок — короткая толстая жердь.

Орлов, могучий брюнет с несколько выдающимися скулами и узковатыми глазами, потомок обрусевших алтайцев, в легком подпитии был особенно разговорчив. Угостив Петра Ивановича огромной рюмкой водки, он живо согласился «прокатить» его за пятишку через порог на плоту.

На следующее утро Петр Иванович уже выезжал верхом с кавалькадой плотовщиков вверх по Катунь. Предыдущий вечер не пропал даром: чуть ли не все манжерокские дачники были оповещены о геройском предприятии Петра Ивановича и приглашены на послезавтра наблюдать его плавание через порог.

Сенсация случилась изрядная, и в первый раз в Манжероке увидел, наконец, Петр Иванович в глазах Агнички живой интерес и сочувствие к своей персоне.

— Петр Иванович, но ведь это опасно! Ведь плот разбиться может? — ахнула она.

И Петр Иванович ответил с великолепным наружным спокойствием:

— Конечно, Агния Петровна, бывают такие случаи, но ведь это не обязательно! А зато впечатления!..

Трясаясь верхом на лошади, Петр Иванович не без гордости вспоминал этот свой ответ и старался учесть, сколько лишних шансов прибыло в его пользу в Агничкином мнении...

Проехав верст сорок, за деревней Чепошем подъехали к нарубленному и вывезенному на берег лесу. Поели и принялись «плотить» плот. Дело началось с рамы будущего плота. К концам двух крайних продольных бревен накрепко привязали два поперечных, более коротких бревна.

Иван Орлов, не столько работавший, сколько наблюдавший за ходом работы и дававший указания остальным как командир будущего плота — «сплавщик», находил время для объяснений Петру Ивановичу.

— Эта вот самая держава в плоте и есть, — говорил он, указывая на поперечные бревна рамы. — Эвон, к вершинкам-то привязано бревно. Это «подушка»; а к комлям которого — «игла» называется. Завсегда плот «подушкой» вперед идет, вершинками, значит.

Всю середину рамы плота набили продольными бревнами. Поверх их накатали ряд поперечных бревен. По бокам плота этот ряд был прижат сверху еще двумя нетолстыми продольными бревнами-связями, крепко привязанными по концам к бревнам нижнего ряда. В «подушку» и в «иглу» вдолбили по здоровому колу с развилиной наверху. В этих развилинах, как в ключинах, укрепили два громадных весла, тут же вытесанных из нетолстых бревен, так что одно смотрело вперед, другое — назад. Плот был готов.

День кончился. Развели костер и расположились вокруг него на ночевку. Комаров в Катунской долине не водится, и Петр Иванович выпался на вольном воздухе отлично.

Утром — на солноесходе — отчалили.

IV. Роковой прыжок.

К переднему веслу встало шесть человек, к заднему четыре. Сам сплавщик — Иван Орлов — также поместился около заднего весла и иногда помогал грести, но большею частью зорко смотрел вперед и молча, одним движением руки командовал то передним, то задним гребцам. По взмаху руки сплавщика гребцы с силой били веслом по воде, гоня плот то влево, то вправо, то поворачивая его и удерживая таким обра-

Петр Иванович ответил Агничке с великолепным наружным спокойствием...

зом в фарватере. Бурное течение делало остальное. Плот летел. Поместившись на середине плота, чтобы не мешать ни передним, ни задним гребцам, Петр Иванович с замирающим сердцем смотрел, как мчались мимо берега, выныривали из-за поворотов, неслись навстречу и через минуту уже исчезали позади береговые утесы и торчащие из воды, обрамленные пеной камни.

Вот показалась на левом берегу оригинальная — со всех сторон крутая — гора, напоминавшая колокол. С реки наплывал навстречу глухой мощный рев. Гребцы подтянулись, впилась глазами в сплавщика. Вытянувшись во весь рост, Орлов зорко смотрел вперед. Резкий, отрывистый взмах руки, и переднее весло бешено, торопливо бьет воду. Другой взмах — заработало и заднее весло. Миг — и плот со страшной быстротой пролетел по узкой гладкой струе между двумя пенными уступами, окатился двумя-тремя волнами буруна и уже сравнительно спокойно мчался дальше, по широкому, свободному фарватеру. Рев порога остался позади.

— Ну, слава богу, Косой порог прошли — облегченно говорил Орлов Петру Ивановичу. — Хуже всех порогов его считаю.

Петр Иванович изумлен. Он так привык уже по грозным камням и белогривым перебойным струям Манжерокского порога судить о степени опасности, что тут, где не было ни торчащих из воды скал, ни бешеного перебоя перекрестных струй, даже не особенно испугался.

— Этот порог? — переспросил он. — Да неужели он хуже Манжерокского? Чем же?

— А пучина на ём бывает страшная, никак не угадаешь ее, не справишься ни за что. Садит на камень.

— Что это «пучина»? — не понял Петр Иванович.

— А это со дна воду выпучивает вдруг, ну и кидат плот в сторону.

— А на Манжерокском пороге «пучины» бывают? — осведомился Петр Иванович.

Орлов утвердительно кивнул головой. Он снова ётынулся, готовый отдать молчаливую команду. Снова надвигался глухой рев реки, разорванной в этом месте несколькими скалистыми остров-

ками со щетиной сосен на них. Птицей пролетел плот и это опасное место.

— Скажите, пожалуйста, — поинтересовался Петр Иванович, — почему вы словами не командуете, а только рукой показываете? Ведь словами понятнее?

— Некогда нам на Катунь слова-то разводить, шибко строга она у нас, — ответил Орлов. — Тут иной раз пока два слова промолвишь, уж их сполнять поздно будет. Рукой-то скорё. Вон Бея ¹⁾ потише нашей будет, дак там словами командуют. Приезжали это лонись ²⁾ к нам на Катунь бейски сплавщики, пробовали тут сплавлять, да нет, не выходит у их на Катунь-то — полупрезрительным тоном добавил Орлов.

Наконец показали окружающие Манжерок вершины. В каких-нибудь пять минут промчался плот мимо села, и уже неся навстречу рев Манжерокского порога. Петр Иванович, освоившийся на плоту и получивший возможность сознательно наблюдать окружающее, успел издали заметить на скалах возле порога десятка три человек. — «Встречают!» — с удовлетворением подумал он и вытащил из кармана платок — махнуть Агничке.

Ход плота по фарватеру он здесь знал твердо. Вон, впереди, обрамленная пеной Смирёна. Она должна остаться близко от плота слева.

И вдруг... Точно закипело под плотом, забурлило кругом и с неодолимой силой бросило плот влево, к Смирёне. «Пучина!» — еле успел догадаться Петр Иванович.

Дальше все пошло с головокружительной быстротой. Резкий взмах руки сплавщика. Бешеные удары весел. Левый передний угол плота врезался в широкий пенистый воротник Смирёны. Плот на секунду приостановился, словно в нерешительности, затем повернулся к камню боком и пронесся мимо него в струю.

Гребцы остановились было, но второй резкий взмах руки Орлова заставил их еще отчаяннее налечь на весла: плот шел не серединой струи, а левым краем. В следующее мгновенье резко черкнуло по левому краю плота, и вдруг средние бревна, на которых сидел Петр Иванович,

¹⁾ Бия.

²⁾ В прошлом году.

левыми концами полезли вверх и затем назад.

Петр Иваныч успел еще заметить, как дугой выгнулось над ними бревно крепи. И с мыслью: «Сейчас, сейчас плот разлетится по бревнышкам!» — одним прыжком кинулся через трещавшую и гнущуюся крепь на камень. Поскользнулся, упал. Одна нога попала в воду, и ее рвануло бешеным течением. Отчаянно цепляясь за камень, кое-как удержался.

Справившись на камне, Петр Иваныч взглянул на воду, ожидая увидеть разбитые бревна и тонущих людей, и дух у него захватило: плот летел через буруны целый, со всеми людьми, а он сидел на камне в самом сердце порога, оглушаемый ревом воды, обдаваемый брызгами...

Пока Петр Иваныч спасался на камне, плот, надвинувшийся на него левой стороной, соскользнул в воду и поплыл дальше. Крепь выдержала и, окунувшись в буруны, плот, перекошенный, но целый, вышел из порога на широкий фарватер и в километре ниже села стал подваливать к берегу.

На берегу против порога волновались, бегали, указывали друг другу на человека, оставшегося на камне. Но Петр Иваныч далеко не сразу заметил эту суматоху. Как опасность, так и отчаянная нелепость его положения так безжалостно ясно предстали перед ним при виде уходящего плота, что он на несколько минут лишился способности замечать еще что бы то ни было.

V. Пленник Уточки.

Когда прошел первый приступ острого стыда и отчаяния, Петр Иваныч огляделся. Он находился на небольшом, в какой-нибудь десяток квадратных метров, камне, очень невысоко выдававшемся над водой. Большую часть вида вверх по течению загораживала длинная и сравнительно высокая масса Смирёны. Позади нее по течению была относительно тихая заводь; но как раз перед камнем, на котором сидел Петр Иваныч, заводь эта кончалась: струи, срывавшиеся с правой и левой стороны Смирёны, тут соединялись, чтобы тотчас же с ревом и пеной разбиться о прибежище Петра

Иваныча. Между ним и правым — деревенским — берегом стремительно неслась гладкая, слегка волнуемая струя плотохода; за ней ревел Кулюмес, каскадами сбрасывая с себя яростно налетающую воду; а за Кулюмесом несся другой поток, отделяющий его от берега. В сторону левого берега река представляла беспорядочно клокочущий между камнями котел перебойных струй.

Не было никакого сомнения, — Петр Иваныч сидел на Уточке... Он с ужасом вспомнил, что однажды, когда он стал подробнее расспрашивать дедушку Егора, как подъезжают на лодке к камням порога для спасения застрявших на них людей, тот решительно утверждал, что можно подъехать к любому камню, кроме... Уточки.

— С Уточки, паря, мудрено снять. Разве что плот мимо ее пустить поближе, — говорил старик.

Петр Иваныч еще раз огляделся. Положительно, старик был прав. Камень был слишком мал для того, чтобы ниже его по течению образовалось затишье: разбивавшиеся о него струи, обойдя камень, тотчас же соединялись и с прежней скоростью неслись дальше, к буруну в нижней части порога.

Мало того, Петр Иваныч знал, сам видел, что во время прибыли воды невысокая Уточка почти скрывается из вида и бешеные волны то и дело перелетают через нее. А прибыль воды в Катунь может случиться в любое время, — стоит пройти хорошему ливню где-нибудь выше по течению. Петра Иваныча охватило отчаяние...

Как бы подчеркивая безвыходность его положения, из-за Смирёны вдруг вылетел плот и с головокружительной быстротой промчался в каких-нибудь трех метрах от Петра Иваныча. На плот легко было бросить что угодно, но нечего было и думать попасть самому.

Петр Иваныч боялся глядеть на воду: от бешеного бега струй у него начинала кружиться голова, и он чувствовал, что вот-вот сползет с камня в ревущую воду. Люди на берегу кричали ему что-то, но из-за рева порога нельзя было разобрать ни слова.

Петр Иваныч осторожно, едва двигаясь, выбрал сравнительно безопасное

Отчаянно цепляясь за камень, Петр Иванович кое-как удержался...

положение на камне, лег и закрыл глаза, чтобы не видеть окружающего ужаса...

Сколько времени он пролежал так, в оцепенении, он себе не представлял. Наконец солнце так припекло его к голому камню, что лежать стало невыносимо. Нужно было что-то сделать, лучше всего — намочить голову, да пожалуй, и сухие места камня.

Петр Иванович открыл глаза и, стараясь не глядеть на мчащуюся мимо воду, осмотрелся. Солнце ушло далеко за полдень. Намочив голову, Петр Иванович взглянул на берег и увидел, что к обрывистым скалам Шиша прислонены две широкие тесины, и знакомый дачник из Агничкиной компании, лепясь по обрыву, усердно выводит на них известкой огромные, в половину человеческого роста буквы.

Напряженно следя за его работой, Петр Иванович букву за буквой по мере их появления прочел:

«З-А-В-Т-Р-А Ж-Д-И П-Л-О-Т-А»

Больше на тесинах места не нашлось. Но и без дальнейших пояснений Петру Ивановичу было ясно, что спастись можно только прыжком на проходящий близко от камня плот. Удастся ли провести плот достаточно близко к Уточке и в то же время не разбить об нее?.. Вот что пришлось теперь в голову Петру Ивановичу. Но как бы то ни было, другого пути к спасению не было.

Петр Иванович махнул рукой и кивнул в знак того, что понял сообщение. Потом снова лег и закрыл глаза, так как почувствовал головокружение.

VI. Упущенные плоты.

К вечеру дал о себе знать голод. Есть было решительно нечего. Можно было только обманывать желудок, усиленно

наполняя его мутной катунской водой. Так Петр Иванович и делал. И каждый раз, как он нагибался к воде и черпал ее пригоршнями, он боялся, что вот-вот закружится голова, он потеряет равновесие и упадет в ревуший поток.

Зашло солнце. Постепенно стемнело. Ночь была безлунная. Еле виднелась бурная стремнина вокруг, но зато еще грознее, безжалостнее редела она. В темноте Петр Иванович совсем замер, соясь неверным движением сбросить себя в порог.

Ужас положения гнал от него сон. Вдобавок ночь становилась все прохладнее. У Петра Ивановича зуб на зуб не попадал. Согреться единственным возможным способом — усиленными движениями — в темноте нечего было и думать. Оставалось свернуться как можно плотнее и дрожать.

Недолга летняя ночь, но Петру Ивановичу она казалась бесконечной. И когда, наконец, взошло солнце, он готов был плакать от радости.

Почти сразу после восхода солнца на Шише против Петра Ивановича стали показываться люди. Они глядели на обитателя Уточка, делали ему одобряющие знаки, пытались кричать, но слов не возможно было разобрать.

Петр Иванович чувствовал себя, благодаря этим знакам внимания, не таким одиноким, не так безвозвратно оторванным от мира. Кроме того, сегодня он ждал плота.

Однако была в этом ожидании и неприятная сторона: надо было все время глядеть, борясь с головокружением от голода усилились. Глядеть вверх по течению, откуда должен был гритти плот, — мешала Смирёна. Глядеть все время на вырывающийся из-за Смирёны поток, на котором должен был показаться плот, Петр Иванович был не в силах — кружилась голова. И он старался глядеть поверх воды на смеявшихся на берегу людей, надеясь, что ему дадут знак, когда сверху покажется плот.

Прошло несколько часов. Наконец на Шише оживились, усиленно замахали руками вверх по тече-

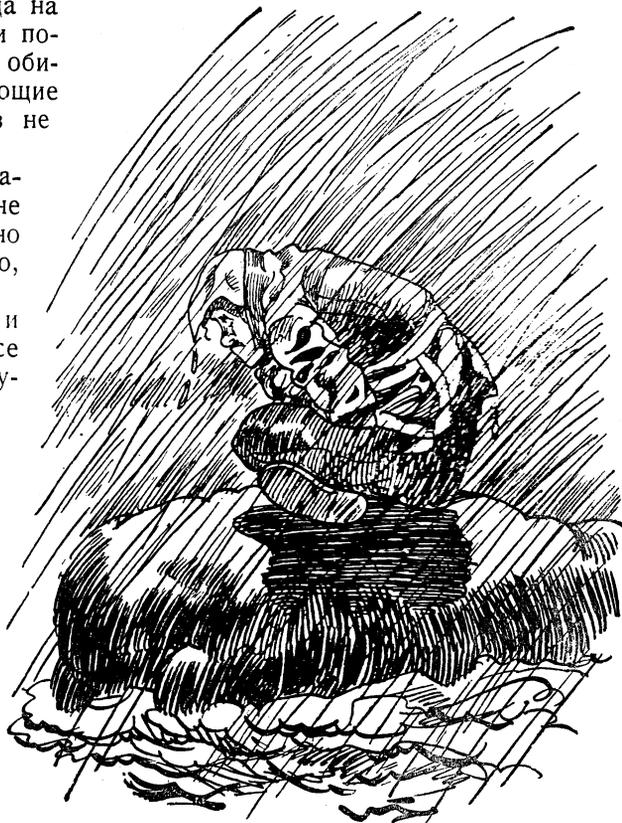
нию. Петр Иванович понял и устался на Смирёну.

Прошло минут десять, показавшихся Петру Ивановичу часами... И вот, наконец, из-за Смирёны вылетел долгожданный спасительный плот. Петр Иванович видел, как сильные удары переднего весла гонят плот к Уточке, и приготовился прыгнуть.

Близко от Уточка летел плот. Петр Иванович бросился к краю камня... Но от быстроты движения мчавшегося мимо плота замелькало в глазах, замерло сердце, подкосились ноги... И вместо того чтобы прыгнуть, Петр Иванович бессильно опустился на камень.

А плот виднелся уже далеко внизу, купаясь в бурне. Петр Иванович зарыдал...

Когда он снова поднял голову, с берега отчаянно махали ему и снова указывали вверх по течению. Не успел он понять, что это значит, как из-за Смирёны показался второй плот.

На Петра Ивановича хлынул ливень...

Но едва плот обогнул Смирёну, как забурилась под ним «пучина». И несмотря на отчаянные усилия гребцов, второй плот бросило к Кулюмесу, и он с трудом прошел мимо этого страшного врага. Уточка с Петром Иванычем осталась далеко в стороне.

На берегу толпились, переговариваясь. И наконец один из зрителей неудачного спасения Петра Иваныча полез по обрыву к тому месту, где все еще стояли прислоненные к камням доски с надписью, и указал на слово:

«ЗАВТРА».

Петр Иваныч понял, что сегодня плотов больше не будет и ему предстоит провести еще одну ночь на Уточке. Он лег и закрыл глаза по-вчерашнему.

Однако испытания этого дня еще не кончились. Из-за гор выползла туча. Все приближаясь и усиливаясь, зарокотал гром. И на Петра Иваныча хлынул ливень. Вечер он встретил, мокрый до нитки...

VII. «Прыгай, чорт!..»

Вторая ночь на Уточке оказалась для Петра Иваныча куда хуже первой. Тучи затягивали и без того безлунное небо. Тьма была почти полная, и в ней гремевший со всех сторон рев порога казался вдвое ужаснее. Мокрая одежда не только не защищала от сырой прохлады, но наоборот, холодила еще больше. Петр Иваныч продрог насквозь, до неудержимой внутренней дрожи. Вдобавок голод немилосердно грыз и крутил внутренности злополучного узника Уточки...

Петр Иваныч дошел до такого отчаяния, что его начала соблазнять возможность покончить разом со всеми страданиями, соскользнув с камня. Только проснувшийся инстинкт самосохранения помешал ему отдаться соблазну.

Новый рассвет он встретил как избавителя от мучений. Однако при свете дня обнаружилось новое осложнение. После ливня Катунь за ночь заметно прибывала. Петр Иваныч оцепенел от ужаса. Что если прибывь будет продолжаться? Если Уточку начнет заливать?..

Ночью подавленному тьмой и продрогшему до мозга костей Петру Иванычу

казалось соблазнительным сплзти с камня и разом покончить с мучениями; но перспектива сидеть и, наблюдая прибывь воды, ждать, когда она сама доберется до него, смочет, сорвет, закрутит в реве и пене, возбудила в нем новый прилив ужаса.

Река, казалось, дышала: вода то сбегала куда-то, немного понижая уровень, то снова поднималась. С каждым таким подъемом вода все ближе и ближе подвигалась к верхней площадке камня.

Петр Иваныч чувствовал слабость. Он был уверен, что если сегодня не удасться попасть на плот, завтра у него нехватит сил даже на маленький прыжок; и если даже вода не поднимется слишком высоко, он все равно погибнет.

Часы проходили то в приступе отчаяния, то в проблеске надежды. Хорошо было уже то, что жаркое летнее солнце, поднявшись повыше, высушило одежду Петра Иваныча и согрело его.

Наконец, около полудня с берега снова энергично замахали ему, указывая вверх по реке. Он приготовился встретить плот.

Как и вчера, плот вылетел из-за Смирёны и несясь, казалось, прямо на камень. Но короткий взмах руки сплавщика, три-четыре сильных удара весел, и плот мчится мимо, чуть не задевая Уточку левым боком. Чтобы попасть на него, нужен даже не прыжок, а просто широкий шаг.

Петр Иваныч занес ногу... И снова рябит в глазах, замирает сердце, дрожат колени. А плот летит мимо...

— Прыгай, чорт паршивый! — свирепо кричит сплавщик.

Петр Иваныч зажмурил глаза и прыгнул наудачу. Его ноги рвануло быстро мчавшимся плотом, он нелепо взмахнул руками и упал, больно ударившись носом о бревно. Сильная рука ухватила его за шиворот и посадила на одно из бревен.

В ту же минуту плот обдало пенистыми волнами буруна. Не держи Петра Иваныча за шиворот все та же благодетельная рука, он, чего доброго, покатился бы по плоту и свалился бы с него в воду.

Петр Иваныч начал приходить в себя, и первое, что он осознал, был поток

отборной ругани, которую сыпал на него чей-то знакомый голос. Он робко поднял глаза и увидел над собой обладателя благодетельной руки — Ивана Орлова.

— И какой тебя чорт понес с целого плота на камень-то?! — орал на него Орлов, то и дело прибавляя самые забористые словечки. — Это надо отпетым дураком быть, — плот не разбило еще, а он на камень скок!.. Из-за тебя, холеры, тридцать человек жизни решиться могли, — три плота не-путем вести пришлось! Ты что думаешь, язвы те в сердце, игрушки это — в самых воротах не-путем итти, к Уточке подгрести-ся?! Проще простого и плот и народ решить! А он расселся, как барин, прыгать не прыгат!.. Пошто первый плот пропустил?! У, напасть те задави!! Становь теперь ведро на всю артель. Даром, что ли, тебя добывали! — неожиданно закончил спаситель.

От боли в ушибленных местах, от потока ругани, которой нельзя было оскорбляться, так как она, — Петр Иванович чувствовал это, — была вполне заслужена, но больше всего от сознания, что он все-таки спасен, Петр Иванович разрыдался...

Жалкую фигуру представлял собой Петр Иванович, когда полчаса спустя он

сходил с плота, подвалившего к берегу в километре ниже порога. Он дрожал и пошатывался; кровь из разбитого носа, смешиваясь со слезами, текла на мокрый костюм.

О, да, его встречало почти все население Манжерока, почти все дачники. Но разве о такой встрече мечтал он, пускаясь в плавание! Если и пожалели его две-три сердобольные дачницы, их голоса утонули в хоре насмешек, иронических поздравлений, а то и просто ругани в стиле Ивана Орлова.

Была тут и Агничка. Но, увы! когда Петр Иванович поднял на нее молящий о пощаде и сочувствии взор, она передернула плечами и молча отвернулась.

На другой же день, выдав Ивану Орлову по его настоящему требованию сверх пятишки еще на полведра для артели «за спасение», Петр Иванович нанял ямщика и покатиł обратно в Бийск.

На выезде из села, когда с дороги открылся как на ладони порог, ямщик обернулся к Петру Ивановичу:

— Вся она, Уточка-то! Гляди, паря, на ее в последний раз, любуйся! Поди, соскучишься теперь без ее.

Петр Иванович помянул чорта и повернулся к порогу спиной. Он был сыт Уточкой по горло...

Агничка передернула плечами и молча отвернулась...

Галерея колониальных народов мира

АВСТРАЛИЙЦЫ

(К таблицам на 4-й стр. обложки)

Когда европейские мореплаватели впервые высадились на негостепримные пустынные берега Австралии, они не нашли эту часть света незаселенной. Они застали здесь коренное темнокожее население, которое мы называем собирательным именем «австралийцы».

Здесь, в Австралии, изолированной ее островным положением от культурных влияний соседей, среди своеобразного растительного и животного мира (сумчатые млекопитающие), это население создало и сохранило первобытную своеобразную культуру, не знающую ни металлов, ни земледелия, ни домашних животных, — культуру «зари человечества».

Австралийцы — бродячие охотники. Небольшими ордами в несколько десятков мужчин, женщин и детей бродят они по строго ограниченной от соседей территории; мужчины — в поисках зверя и птицы, женщины — для собирания диких плодов и корней. Заостренная палка для выкапывания корней — это примитивнейшее земледельческое орудие — необходимая принадлежность каждой женщины. Не даром в женщинах видят зачинателей земледелия в противоположность мужчине — охотнику и рыболову.

Рыба, пресмыкающиеся и насекомые, которых австралийцы очень любят, дополняют их пищевые продукты.

При таком характере хозяйства австралийская семья недолго задерживается на месте.

Жилищ, в нашем смысле, у австралийцев вовсе нет. Заслон из коры, устанавливаемый наклонно по направлению ветра и дождя, составляет их единственный кров. Главное назначение такого «ветрового заслона» — защита огня, этого «главного дара богов», добыть который австралийцу нелегко. Добывают огонь трением двух кусков дерева, употребляя для этого нередко бумеранг — прославленное, своеобразное орудие австралийцев. Бумеранг — узкая, плоская, около трех четвертей метра длины палка, изогнутая под тупым, или близким к прямому, углом. Правильно сделанный, брошенный опытной рукой, бумеранг обладает замечательным свойством возвращаться назад к бросившему его. Употребляют его при охоте на птицу и мелких млекопитающих на расстоянии до 200 шагов.

Другим важным изобретением австралийцев, в котором сказался охотничий опыт и гений первобытного человека, является метательная

дощечка, особое приспособление для метания копья. Это — слегка вогнутая доска с ручкой на одном, с крючком на другом конце; крючок (обычно — зуб кенгуру) вкладывается в отверстие на нижнем конце копья. Метательная дощечка, которую держат с вложенным в нее копьем на уровне глаза пальцами правой руки, дает копьё правильное направление и увеличивает (действием наподобие рычага) силу удара.

Копье австралийцев весьма простого устройства. Это — тонкая заостренная палка, длиной около двух метров, иногда с зазубринами из кремня на конце.

Палицы — грубые дубины с зубцами на толстом конце.

Лука — важнейшего технического изобретения первобытного человека — австралийцы еще не знают.

Кроме дерева, материалом для орудий является камень. Можно сказать, что европейцы застали туземное население Австралии в каменном веке. Топоры, ножи, скребки из камня — обычный инвентарь, очень напоминающий изделия древнекаменного века Европы. Австралийцы для нас — живые свидетели давно пройденных человечеством этапов развития.

На нашем рисунке показана стоянка австралийцев. Охота прошла удачно: убит кенгуру — лучшая добыча. Быстро сооружен ветровой заслон. С копьем в одной руке, с метательной дощечкой в другой — вернувшийся на стоянку охотник. Старик добывает огонь. Другой каменным ножом здесь же свежует добычу. Приготовление пищи — дело несложное: накалинные в огне камни суют во внутрь осуженного кенгуру, кладут его на золу очага — и быстро готова обильная трапеза.

Одежда австралийцев весьма несложна. Пояс из человеческих волос со свисающей с него впереди раковины, передничек из волос, перьев птицы эму или травы — полный костюм и мужчины и женщины. Но и этот костюм мы встречаем далеко не у всех австралийцев.

Насколько слабо применение одежды, настолько же богаты и разнобразны украшения. Это соотношение характерно вообще для первобытных племен: не даром ученые видят в украшениях прототип и источник одежды. У австралийцев здесь первое место занимает татуировка: раскрашивание тела, лица и волос красной, рыже-желтой и белой красками и украшение тела наколами и насечками. В стрем-

Карта Австралии. Штрихами обозначен район кочевий племени «арунта».

лении к украшению австралийские модники не отступают перед болезненной операцией, при которой на теле делают надрезы, оставляющие выпуклые яркие рубцы. На ряду с массивными ожерельями, подвесками из раковин, зубов, плодов, мы встречаем у австралийцев своеобразное носовое украшение. В прободенную носовую перегородку вставляется палочка, пучок перьев, разрисованная кость.

Густая борода, горящие глаза на широком плоском лице, широкий нос с торчащей в нем палочкой — традиционный и верный портрет австралийца.

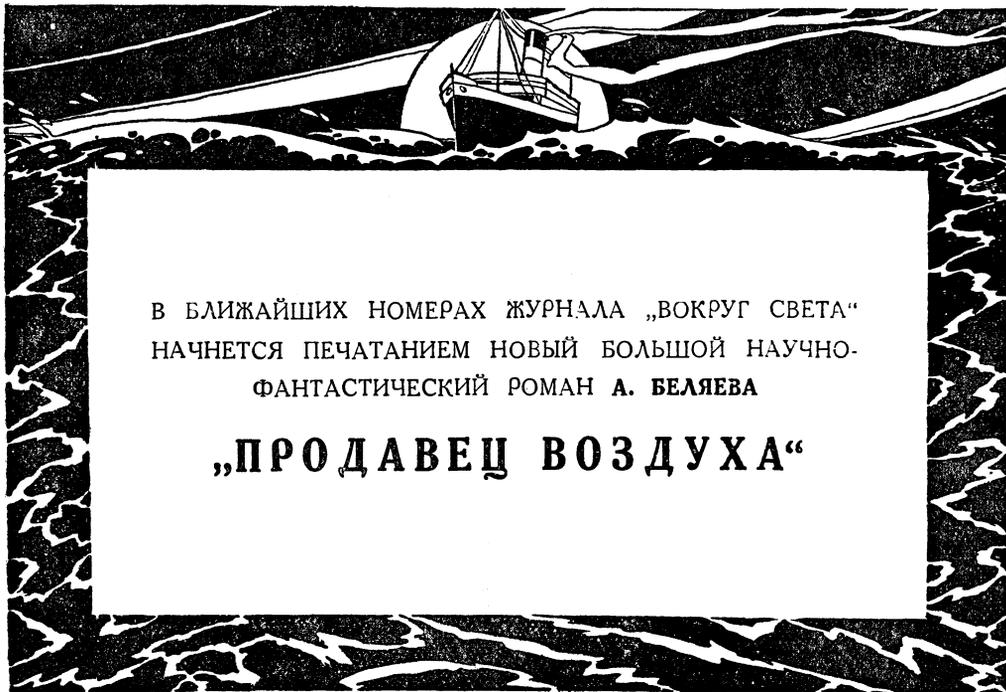
Австралийцы живут, как говорилось выше, небольшими, рассеянными по материке группами. Ни народов, ни государства эти первобытные охотники создать, конечно, не могли. Высшее объединение у них — племя, включающее несколько таких отдельных групп. Каждое племя имеет свое название ¹⁾, свой особый знак, свои специальные обычаи, но внутренняя жизнь каждой отдельной группы вполне самостоятельна, автономна; до нее нет дела ни племенному вождю, ни племенному совету. Племенной совет — это совет стариков. Власть стариков — яркая черта австралийского общества, в котором строго проведено разделение на группы по возрасту — «возрастные классы»: разряды детей, юношей, совершеннолетних, и над ними класс стариков, пользующихся почетом, влиянием и властью.

Переход из одного класса в другой всегда сопровождается специальными религиозными

церемониями, сложным и строго разработанным ритуалом. Особой пышности достигают церемонии, сопровождающие переход юношей в класс совершеннолетних, посвящение их в тайные обряды племени. Длинный ряд всяких испытаний проходит юноша: болезненные операции татуировки, выбивание зубов, испытание огнем. Стойкостью своею посвящаемый должен доказать, что он достоин нового звания. Специальные наставники руководят «приобщением» юноши. Пантомимы и танцы, недоступные для непосвященных и для женщин, сопровождают ритуал. Особые костюмы, специальная татуировка способствуют торжественности этих церемоний, на которые съезжаются члены племени и приглашенные иноплеменники. Костюмы символизируют иногда священных животных.

Интересные верования, обычаи, своеобразные брачные нормы, изученные у разных австралийских племен, раскрывают перед нами яркую страницу книги развития общественных форм человечества. Но стираются тысячелетиями вписанные строчки! 1788 год, когда европейцы впервые утвердились на территории Австралии, основав здесь колонию для ссыльных, — переломная дата в неписанной тысячелетней истории австралийцев. Теснимые европейской колонизацией, безжалостно уничтожаемые «во имя цивилизации», австралийцы катастрофически уменьшаются в численности, отступают все дальше и дальше с коренных своих территорий. Ко времени прихода европейцев их насчитывалось свыше 150 000 человек, теперь их едва наберется до 30 000. Только в пустынных областях центральной Австралии мы встречаем остатки коренного населения.

¹⁾ Одно из наиболее интересных и хорошо изученных австралийских племен — племя «арунта» в центральной Австралии (см. схему).

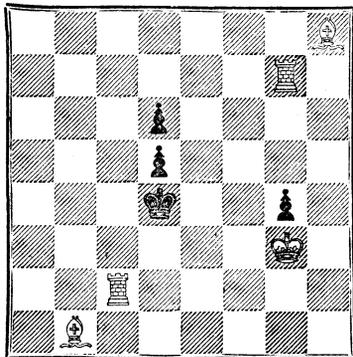
В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ ЖУРНАЛА „ВОКРУГ СВЕТА“
НАЧНЕТСЯ ПЕЧАТАНИЕМ НОВЫЙ БОЛЬШОЙ НАУЧНО-
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН А. БЕЛЯЕВА

„ПРОДАВЕЦ ВОЗДУХА“

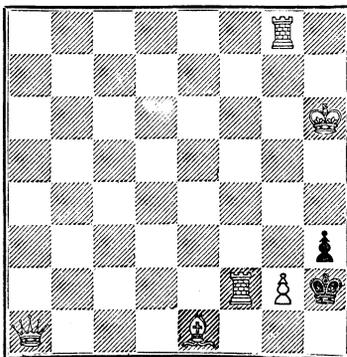
Шахматная доска „Следопыта“

Отдел ведет Б. Д. Ильинский

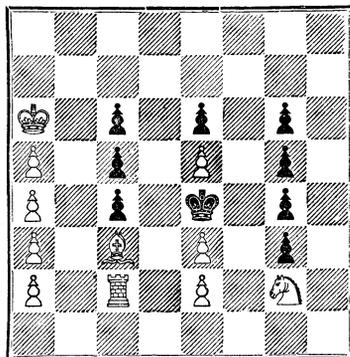
ТРИ ЗАДАЧИ С. ЛЛОЙДА

Мат в 2 хода.

Мат в 2 хода.

Мат в 4 хода.

ЛОВУШКИ В ДЕБЮТАХ

Завлечение неосмотрительного противника в засаду уже в самом начале партии часто практикуется игроками.

„Ловушки следует запретить через полицию“ — шутит по этому поводу Тартаковер, так как немало было даже и турнирных партий между первоклассными игроками, где победа достигалась с помощью тонких ловушек.

Мы приведем здесь несколько дебютов, где, неосторожно играя, легко можно сразу попасть в проигрышное положение.

ИСПАНСКАЯ ПАРТИЯ.

1. e2—e4	e7—e5
2. Kg1—f3	Kb8—c6
3. Cf1—b5	a7—a6
4. Cb5—a4	Kg8—f6
5. o—o	d7—d6
6. d2—d4	b7—b5
7. Ca4—b3	e5 : d4

Если теперь белые сделают слабый ход:

3. Kf3 : d4 . . .

то черные выигрывают слона за две пешки.

Весьма употребительна из той же испанской партии следующая ловушка, на которую попадают многие неискушенные шахматисты:

1. e2—e4	e7—e5
2. Kg1—f3	Kb8—c6
3. Cf1—b5	Kg8—f6
4. o—o	Kf6 : e4
5. Lf1—e1	Ke4—d6
6. Kb1—c3	Kd6 : b5
7. Kf3 : e5	. . .

Здесь черные, играя Cf8—c7, получают удовлетворительное положение. Если же они ответят:

7. . . .	Kc6 : e5, то
8. Le1 : e5+	Cf8—e7
9. Kc3—d5	o—o
10. Kd5 : e7+	Kpg8—h8
11. Fd1—h5	. . .

(Угрожаи Ф : h7+ и мат в следующий ход).

11. . . .	g7—g6
12. Fh5—h6	. . .

Если теперь черные идут d7—d6, то

13. Le5—h5	g6 : h5
14. Fh6—f6	. . .

Если же черные на 7-м ходу: Kb5—c3, то терпят фигуру:

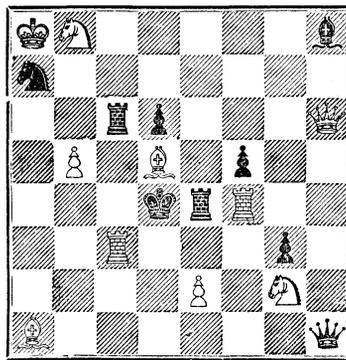
8. Ke5 : c6+	Cf8—e7
9. Kc6 : e7	Kc3 : d1
10. Ke7—g6+	Fd8—e7
11. Kg6 : e7 и т. д.	

Большой известностью пользуется ловушка, на которую попадались многие сильные шахматисты. Это омиг-таки из испанской партии:

1. e2—e4	e7—e5
2. Kg1—f3	Kb8—c6
3. Cf1—b5	a7—a6
4. Cb5—a4	Kg8—f6
5. o—o	Kf6 : e4
6. d2—d4	b7—b5
7. Ca4—b3	d7—d5
8. d4 : e5	Cc8—e6
9. c2—c3	Cf8—e7
10. Lf1—e1	o—o
11. Kf3—d4	. . .

Если черные, усматривая, что не могут взять пешку e5 без потери фигуры (f2—f3), и не желая усилить неприятельский центр обменом коней, сыграют 11. . . Fd8—d7 (лучше Fd8—e8), то белые отвечают: 12. Kd4 : e6, и чем бы черные ни брали коня, они терпят фигуру ходом 13. Le1 : e4.

ЗАДАЧА А. Ф. МАКЕНЗИ.

Мат в 3 хода

ЗАДАЧА

Можно ли придумать такое положение, когда на доске стоят все белые и все черные фигуры и пешки и ни те, ни другие не имеют ни одного хода?

ЧТО СКАЗАЛ ЧИТАТЕЛЬ

Отчет редакции об анкете „Всемир. Следопыта“ среди читателей, проведенной в 1928 году.

Анкета «Следопыта» за 1927 год дала много ценного материала, позволившего редакции в 1928 году строить журнал в соответствии с запросами массового читателя. В результате выполнения многих тогдашних пожеланий наших подписчиков (издание Дж. Лондона; крышки для переплета «Следопыта»; использование последней страницы журнала под красочные таблицы; учащение выхода «Вокруг Света» и другие) — журнал развернул огромный тираж, связался с новыми толщами трудового читателя, ближе подошел к нему в содержании журнала, шире охватил его интересы и запросы.

Четвертая анкета, разосланная в только что минувшем 1928 году с № 7 журнала, полностью подтвердила правильность пути развития журнала и дает материал для дальнейшего роста нашей работы.

3000 ответов читателей (98% из них — от подписчиков) — несколько больше, чем в 1927 году — достаточно полно отражают нашего читателя и его мнение о журнале. Свыше 70 анкет заполнено от имени коллективов (школы, избы-читальни, культкомы, пионеротряды, даже жилтоварищества). Анкеты и до сего времени продолжают поступать в редакцию.

Читатель «Следопыта».

Состав читателей изменился за счет, главным образом, новых подписчиков, увеличивших тираж: 14,5% — рабочие (было 13,5%), 5,4% — проф-, культ- и политработники (вместо 2%), 1,3% — красноармейцы и краснофлотцы (было 0,5%), 2,9% — служащие (было 3,8%), 12% — крестьян (было около 10%), 32% — учащихся (попрежнему), 5% — остальные категории трудящихся. Особенно отрадно отметить увеличение процента (при росте тиража) крестьян и красноармейцев, что доказывает доступность журнала и малосостоятельным слоям трудящихся. Нельзя не отметить значительного роста числа подписчиков в среде культурработников (в большинстве — учителя, библиотекари, избачи). В числе благожелательных (и активных) читателей — забойщики, инженеры, врачи, нарсудьи, капитан дальнего плавания, женорганизатор, садоводы, текстильщики, певец, «семья из 11 человек» (железнодорожники), вузовцы, пионеры, инвалид-учительница 72 лет, кандидат в академики, председельсовета — тысячи людей десятков профессий и сотен специальностей...

Возрастной состав читателя мало изменился: несколько меньше подростков и детей (11%, а было 13%), больше взрослых (59% против 56%), почти прежний состав молодежи (было 31%, теперь около 30%).

Прежде каждую сотню экземпляров читали 550 человек, теперь, в среднем, 578 человек (почти 6 человек на каждый номер) при чем в этот подсчет не входят коллективы'

подписчиков, насчитывающие 35, 50 и даже свыше 100 человек на один экземпляр (библиотеки, избы-читальни и т. п.) В этом году — еще больше указаний на чтение «Следопыта» в слух. Аудиторию «Следопыта» нужно исчислять, приблизительно, в 600 000 человек, а «Вокруг Света» — в 1 200 000 человек. Значит, читаемость не меньшая, чем для крупнейших газет!

Читатель о журнале.

Из 3000 читателей 14 человек сказали, что журнал в целом не нравится; 52 читателям (1,7%) журнал нравится «не особенно», «не очень», «не во всем»; 21 человек не ответили на вопрос. Остальные 97% ответили «нравится», и многие из них (16%) добавляют: «очень», «больше всех журналов», «лучший в СССР из журналов этого типа».

28 человек (0,9%) заявили, что журнал ухудшается; зато 77% (2330 человек из 3020) отметили дальнейшее улучшение журнала и в этом году. 5% считают, что журнал остается на завоеванной высоте. Около 3% считают, что журнал, улучшаясь в одном каком-либо направлении, уступает прежним годам в другой области. Остальные 14% не ответили на вопрос или сообщили, что не берутся сравнивать с прошлым, так как читают журнал недавно.

Недочеты в содержании журнала отметили 37% читателей, но многие ответы при этом противоречат друг другу; например, некоторые пишут — «мало научной фантастики», а другие — «надо поменьше научно-фантастических рассказов»; «мало о путешествиях» — «перегрузка путешествиями». Конечно, такие указания примирить нельзя, и редакция держится той средней линии, которая соответствует запросам большинства читателей. Но указано и много серьезных недочетов. Большая часть их относится к отдельным рассказам (неудачен один из юмористических рассказов; иногда не все непонятные слова пояснены; бывали повторные пояснения одних и тех же слов; упрекают отдельных авторов за тот или иной промах).

Однако есть замечания и общего характера; главные из них: 1) в «Вокруг Света» материал в целом слабее материала «Следопыта» (причина — малый объем номера «Вокруг Света», и отсюда трудность подбора материала; в 1929 году редакция обратит на «Вокруг Света» особое внимание); 2) мало иностранных рассказов (несправедливый упрек: собр. сочинений Лондона уравнивает меньший объем переводного материала на страницах «Следопыта»); 3) мало уделено внимания мелким очеркам и заметкам — отделам «Обо всем и отовсюду», «Диковинки техники», «По советской земле» и др. (в 1929 году, продолжая давать в «Следопыте» большие рассказы, редакция постарается уделить больше места и

маленьким заметкам, особенно — иллюстрированным); 4) много лишнего места занимали списки пожертвований в фонд самолета «ЗИФ» (в 1929 году будут печататься лишь сводки поступивших за месяц сумм, без фамилий).

63% читателей вовсе не отметили недочетов в содержании журнала, при чем 30% подчеркнули, что «недостатков в содержании нет, а потому и не мог заметить».

Во внешности журнала недочеты отмечены лишь в 25% анкет. 36% не указали недочетов, а остальные 39% дают повышенно благоприятную оценку журнала («оформление выше критики», «внешность безукоризненна», «не оставляет желать лучшего», «гораздо лучше, чем в других журналах» и т. п.). Главные из указанных недочетов следующие: 1) неудовлетворительное сшивание листов «Следопыта» (к сожалению, в ближайшие годы этот недочет нельзя изжить: шить проволокой — значило бы испортить журнал при переплете годового тома, а шитье нитками на существующих машинах улучшить нельзя; ручное же шитье и шитье на «крылатках» — немислимы при огромном тираже «Следопыта»); 2) в отдельных номерах плоха печать красочной «Галлерей народов» (приняты меры к улучшению в 1929 году офсетной печати); 3) печать рисунков в тексте бывает грязноватой (редакцией и типографией усилено наблюдение за печатью, особенно — «Вокруг Света»); 4) мелок шрифт текста «Галлерей Народов» (в 1929 году очерки этого отдела будут помещаться в тексте, а не на одной страничке обложки, что позволит увеличить объем очерка и укрупнить шрифт).

Недочеты в работе экспедиции и контроеры отметили 47% читателей. Большинство замечаний касается отдельных случаев опоздания или недосылки номеров журнала, что ставится подписчиками в связь с системой рассылки журнала по карточкам. Эта система вызвала настолько серьезное недовольство, что в 1929 году Изд-во решило рассылать журнал по адресным ярлыкам (кроме Москвы), как было в прежние годы. Основные недочеты карточной системы — загрязнение обложки надписями почты (из-за отсутствия бандероли), запаздывания (журнал иногда доставляется после появления его в киосках), частые недоразумения с почтой и письмоносцами. Из других недочетов подписчики отметили не всегда аккуратные ответы на запросы. Заполненные подписчиками талоны, содержащие жалобы, заявления о перемене адреса, заказы на книги и пр., переданы в контору журнала, где особыми сотрудниками выполнено их рассмотрение и удовлетворение.

Из материала, печатаемого в наших журналах, попрежнему больше всего увлекают читателей путешественнические рассказы и научная фантастика; затем — приключения и краеведческий материал; несколько слабее — охота,

туризм, далее — юмор, техника, изобретения. Из отдельных произведений больше всего понравились (не считая Дж. Лондона) романы «Человек-амфибия» и «Маракотова бездна», повесть «На слом», рассказ «Когда земля вскрикнула» и очерки Амундсена.

Пожелания читателей.

На вопрос, чем занять последнюю страницу обложки, читатели дали более 200 различных советов, из них очень много интересных и оригинальных, которые редакция использует и для будущих годов. Пока же редакция остановилась на пожелании большинства и дает логическое продолжение «Галлерей народов СССР» — «Галлерей колониальных народов мира». Много сторонников собрали следующие предложения: 1) Альбом животных, 2) Альбом картин известных художников, 3) «Галлерей путешественников», 4) «Уголки СССР», 5) «Галлерей писателей» («Следопыта»), 6) Флора и фауна СССР, 7) «Альбом бабочек».

На вопрос о желательных изменениях в самом журнале ответили немногие (26%). Почти половина из них говорит лишь об улучшении того или иного отдела, просит улучшить обложку и т. п. Другая группа — настаивает на дальнейшем развертывании: «Следопыта» — в двухнедельник (или увеличить объем), «Вокруг Света» — в еженедельник; некоторые просят дать дополнительное приложение, кроме Лондона, еще и других писателей; некоторые просят возобновить издание сборников «Библиотеки Следопыта». Третья группа требует введения новых отделов (радио, шашки, почтовый ящик, советы читателя, кино и др.) или усиления внимания тому или иному из существующих. В начавшемся году редакция (по причинам общего характера) не могла пойти на дальнейшее расширение объема издания. Поэтому нельзя пока ни участить выхода «Следопыта» или «Вокруг Света», ни дать новое дополнительное приложение. А следовательно и введение новых отделов невозможно без ущерба существующим. В частности такие отделы, как «почтовый ящик», «советы читателям» и т. п., удовлетворяя немногих, отнимали бы дорогое и нужное место от сотен тысяч остальных читателей, — явная нецелесообразность для нашего журнала, обслуживающего широчайшие круги разнороднейшей массы.

Из остальных пожеланий читателей главные: давать побольше переводных рассказов; помещать большие романы (с продолжением); чаще печатать исторические повести и рассказы (как «На слом» или «Охотник за микробами»); увеличить количество иллюстраций; проводить конкурсы среди читателей — литературный, шахматный и другие; позаботиться о крышках для переплета собр. соч. Дж. Лондона.

Редакция надеется, что все эти пожелания будут в 1929 году выполнены.

От редакции: В № 11 „Следоп.“ з 1928 г. в очерке „К истокам неведомой реки“ фамилию автора следует читать: М. Ковлев (а не „Ковалев“, как было напечатано).

И. д. ответственного редактора **Н. Яковлев.**

Заведующий редакцией **Вл. А. Попов.**

НА
1929
ГОД

П О Д П И С Ы В А И Т Е С Ъ Р Ь

НА ЖУРНАЛ ДЛЯ СЕМЬИ И ШКОЛЫ

ВСЕМИРНЫЙ СЛЕДОПЫТ

ПЯТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

ЖУРНАЛ ПУТЕШЕСТВИЙ, ПРИКЛЮЧЕНИЙ, НАУЧН. ФАНТАСТИКИ, КРАЕВЕДЧЕСТВА И ОХОТЫ
САМЫЙ РАСПРОСТРАНЕННЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК В СССР

В 1929 г. ПОДПИСКА НА „ВСЕМИРНЫЙ
СЛЕДОПЫТ“ РАСПАДАЕТСЯ НА
3 АБОНЕМЕНТА

1-й АБОНЕМЕНТ (за 6 руб.)

12 номеров **ВСЕМИРНЫЙ СЛЕДОПЫТ**
журнала
24 номера **ВОКРУГ СВЕТА**
журнала
12 номеров **ВСЕМИРНЫЙ ТУРИСТ**
журнала

ВСЕ ЖУРНАЛЫ в прежнем виде и объеме. КРОМЕ
ТОГО, 4-я стр. обложки „Следопыта“ по примеру
1923 года будет занята серией красочных таблиц
ГАЛЛЕЯ КОЛОНИАЛЬН. НАРОДОВ

2-й АБОНЕМЕНТ (за 10 руб.)

КРОМЕ ПЕРЕЧИСЛЕННОГО В 1-м АБОНЕМЕНТЕ

24 книги полного **ДЖЭКА**
СОБР. СОЧИН. **ЛОНДОНА**
(Вторая половина —
с 25-й по 43-ю книгу).

Каждая книга содер-
жит до 160 страниц убористого, четкого шрифта,
всего в 24 книгах около 3500 страниц. В отдель-
ном издании „ЗИФ“ полное собрание сочинений
□ □ □ ДЖ. ЛОНДОНА стоит 36 руб. □ □ □

3-й АБОНЕМЕНТ (за 14 р. 50 к.)

В этот 3-й абонемент входит, кроме перечисленного
в 1-м и 2-м абонементах, первая половина (с
1-й по 24-ю кн.) собр. сочинен. **Дж. Лондона**,
выходившая приложением к „Следопыту“ в 1923 году.
**Всего 48 книг полн. собра-
ния соч. ДЖЭКА ЛОНДОНА**

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА (с пересылкой и доставкой
во все местности СССР)

1-й АБОНЕМЕНТ: на год—6 руб., на 6 мес.—
3 р. 25 к., на 3 мес.—1 р. 75 к., на 1 мес.—60 к.

2-й АБОНЕМЕНТ: с приложением второй
половины (25—43 книги) соч. Джэка Лондона
на год—10 руб., на 1 месяц—1 руб.

3-й АБОНЕМЕНТ: с приложением всех 48
книг Джэка Лондона—14 руб. 50 к. за год.
Подписка принимается на год

При подписке **НЕПО-
СРЕДСТВЕННО** в изда-
тельстве или его отде-
лениях допускается
□ рассрочка платежа □

ПО ПЕРВОМУ АБОНЕМЕНТУ: при
подписке—3 руб. 50 коп. и к 15
□ □ июня—2 руб. 50 коп. □ □

ПО ВТОРОМУ АБОНЕМЕНТУ: при
подписке—3 руб., к 15 марта—3
руб., к 15 июня—2 руб. 50 к. и к
□ □ □ 15 сентября—2 руб. □ □ □

ПО ТРЕТЬЕМУ АБОНЕМЕНТУ: при
подписке—5 руб., к 15 марта—5
руб., к 15 июня—2 руб. 50 к. и к
□ □ □ 15 сентября—2 руб. □ □ □

К СВЕДЕНИЮ ПОДПИСЧИКОВ

Контора журналов издательст-
ва „Земля и Фабрика“ перееха-
ла в новое помещение,—перевод-
ды и всю корреспонденцию (за-
просы, письма) адресовать так:
**Москва, Ул. Герцена,
12 а, Отдел Периодич.
Изданий Издательства
„Земля и Фабрика“**
Вся корреспонденция и пере-
воды, высланные по старому
адресу, передаются по указан-
□ □ ному новому адресу □ □

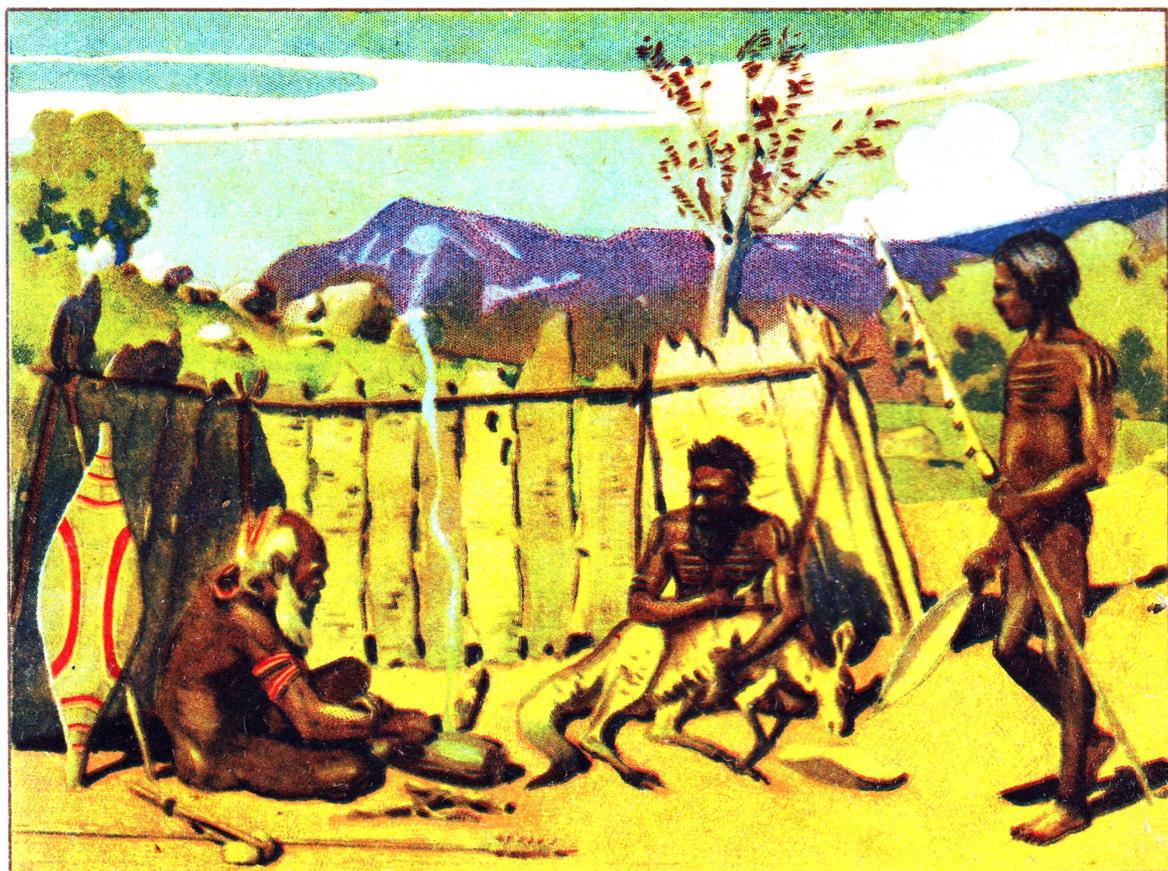
ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ТАКЖЕ:

В МОСКВЕ, — в магазинах изд-ва:
Столешиников, 9; Никольская, 12; Лу-
бянский пассаж (вход с Софийки);
В ПРОВИНЦИИ — в отделениях
изд-ва, повсеместно на почте, в от-
делениях Центр. изд-в, в киосках
Контрагентства печати и на транс-
порте — уполномоченн. газ. „Гудок“.

**ЧИТАТЕЛЬ, ПЕРЕВОДЯ
ПЛАТУ, ПРИБАВЬ 15 КОП.
НА САМОЛЕТ „ЗИФ“**

АВСТРАЛИЙЦЫ. ПРАЗДНИК ПОСВЯЩЕНИЯ ЮНОШЕЙ.

АВСТРАЛИЙЦЫ. ПОСЛЕ ОХОТЫ НА КЕНГУРУ.